

МИНИСТЕРСТВО ОБЩЕГО И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РФ

АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Н.В. Халина

**Феноменологический анализ
текста Василия Шукшина**

Издательство Алтайского госуниверситета

Барнаул 1997

ББК 81.411.2

X19

X19 Халина Н.В. Феноменологический анализ текста Василия Шукшина: Монография. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997, с. 134.

Исследование посвящено рассмотрению форм организации текста (поэзной, пропозициональной, деривационно-парадигматической, фреймовой), форм трансцендентной актуализации индивида, могущих быть оцененными в качестве элементов вероятностной модели Я (вероятностное пространство, вероятностное время, вероятностная субстанция, вероятностная причинность), форм коммуникации – общения сознаний (душа, интеллект, материя).

Издание осуществлено при финансовой поддержке доктора технических наук Е.В. Халина.

ISBN 5-7904-0016-7

© Н.В. Халина, 1997
© Алтайский государственный университет, 1997

Оглавление

Предисловие	5
Введение	6
Часть I. ВЕРОЯТНОСТНОЕ ПРОСТРАНСТВО-ВРЕМЯ	14
§1. Вероятностное пространство (рассказ «Медик Володя»)	14
§2. Вероятностное время (рассказ «Медик Володя»)	30
§3. Феноменология пространства-времени в тексте В.М. Шукшина	44
Часть 2. ВЕРОЯТНОСТНАЯ СУБСТАНЦИЯ	53
§1. Вероятностная субстанция (рассказ «Осенью»)	53
§2. Феноменология субстанции в тексте В.М. Шукшина	64
Часть 3. ВЕРОЯТНОСТНАЯ ПРИЧИННОСТЬ	70
§1. Внутренняя вероятностная каузация (внутренняя сопричастность Миру) (рассказ «Срезал»)	70
§2. Внешняя вероятностная каузация (внешняя сопричастность Миру) (рассказ «Осенью»)	92
§3. Феноменология причинности в тексте В.М. Шукшина	119
Вместо заключения	129
Библиографический список	130

*С любовью и уважением –
моим родителям, Тамаре и Василию*

Предисловие

Предлагаемая монография представляет собой попытку осмысления личностной философии В.М. Шукшина, получившей воплощение в языке его произведений. Авторская философия отражает индивидуальную и коллективную духовные культуры и служит для них универсальной методологией, которая может быть охарактеризована как феноменология духа. Дух – это особая смысложизненная сфера человеческого опыта, отличительной чертой которой является открытость не столько внешнему миру, сколько некоему высшему, трансцендентному бытию.

Текст, создаваемый автором, есть не только феномен его психической и философской интенции, но и фрагмент его духовного творчества, семантической Вселенной, и форма коммуникации с внешним и внутренним миром, специфически феноменальными, и конструирование максизнака Я, его текста, обращенного к разуму всех участников общения. Именно стратегии построения текста как единичного феномена и его вероятностные соотношения с семантической Вселенной автора, то есть с совокупностью других произведений, становятся предметом исследования при феноменологическом анализе прежде всего. Причем возникает возможность изучить текст как живой организм, духовную форму жизни, одну из форм отражения, в которой получают воплощение основные эволюционные формы организации живого.

Обязательной составляющей феноменологического анализа является личность как феномен духовный, образованный в своем бытии субстанциональным и независимым образом (по Э. Мунье). Личность содержит в себе эту субстанцию, присоединяясь к иерархии ценностей, которые принимает свободно, делает их своими и живет ими, пребывая в состоянии ответственного вовлечения и непрекращающегося обращения.

В монографии представлены новые материалы и материалы ранее публиковавшиеся, но и те, и другие заявляют как основополагающий вероятностный подход к рассмотрению феноменов текста, личности, коммуникации.

Выделенные в работе уровни феноменологического анализа ста и основанием для выделения глав-частей монографии, которая может быть предложена вниманию читателей как пособие по феноменологическому анализу текста.

Введение

Человек, строя текст на естественном языке, должен иметь в виду, что создаваемый им духовный продукт является знаком его перцептуально-концептуальной картины мира и знаком его личности. Картина мира есть истолкование отношения человека к миру, понимаемому как космос естественных сил и смысловых связей, система связей-координат, определяющих основные направления деятельности человека и социума, ее важнейшие цели [1]. Эта категория определяет не только направленность вектора коммуникации «человек – общество», но и эксплицирует экзистенциальную возможность прорыва к реальности [2], ее сущностного постижения через погружение в смысловые поля сознания [3]. Причем сознание возможно понимать как некоторое отношение «Я» к предмету [4], которое характеризуется через предметное бытие. сознание в феноменологическом свете вбирает в себя познавательные акты и предметное содержание [3], совпадающие с идеальными значениями. Сознание моделирует интуитивные модели явлений ему предметов, основываясь на четком разделении физических явлений и психических феноменов, спецификой которых становится интенциональность [5], то есть направленность на другое – свойство «переживать».

Формируя интенциональный образ внешнего мира и таким образом осуществляя акт коммуникации, нацеленный вовне, сознание предстает лишь как внутреннее ощущение; оно может давать отражения, которые пытаются зафиксировать посредством языка [6]. «Сознание – угол зрения, центр перспективы. Для нас наше «Я» совпадает с этой отправной точкой, позволяющей созерцать нам весь мир или нашу душу: иначе говоря, чтобы психическая активность нам принадлежала, она должна быть сознательной. Таким образом, сознание – и наше «Я» – находятся подобно средоточию, или промежуточному центру, между двумя теневыми зонами, расположенными выше и ниже: безмолвной, не осознающей себя жизнью нашего «Я» в Боге, и молчаливой бессознательной жизнью тела» [6, с.24]. Сознание «оперирует» в своей деятельности категорией интенции: простые интенции – реально существующие вещи и понятия о них, интенции души – всякие знаки, интенционально существующие в душе и их обозначения [7]. Процесс приобщения к подлинному «Я» может осуществляться через осознание интенций души: духовная жизнь, «какой

непрестанно живет наше подлинное «Я», создает уровень напряжения и концентрации, который выше уровня, присущего нашему сознанию» [6, с. 27]. При этом под душой следует понимать принцип оформления и движения чувственного мира, умное становление (или умное оформление) [8], иначе – душа есть умная потенция.

Возможность подняться до духовной жизни индивидуум получает путем постоянного движения вверх-вниз между отдельными уровнями своего напряжения, уровнями «умного становления». Маркерами подобных уровней могут быть названы образы. «Созерцать, мыслить. Всякая умственная деятельность отсылает меня к зеркалам. По Плотину, душа есть зеркало, отражаясь в котором идеи высшего разума порождают материю. Возможно, именно поэтому для раздумий мне нужны зеркала. Я собираюсь с мыслями лишь в присутствии отраженных образов, словно душа моя нуждается в модели для подражания: всякий раз, когда приводит в действие свои умозрительные... свойства» [9, с. 112]. Образы как мысленные образования соотносимы с информационным аспектом коммуникации. В информационном аспекте коммуникация может толковаться через понятия составляющих схемы связи: источник информации, передатчик (податель) информации, канал передачи сигнала, приемник (восстанавливает сообщение по сигналам), адресат [10]. Дж. Бруно выделяет понятия подателя форм (образов), источника форм, приемника форм: «...имеется интеллект, дающий бытие всякой вещи, названный пифагорейцами и Тимеем подателем форм; душа – формальное начало, создающая в себе и формирующая вещь, названная ими же источником форм; материя, из которой делается и формируется всякая вещь, названная всеми приемником форм» [11, с. 43]. Следовательно, передатчиком информации, создающим последовательность сообщений-образов, является ДУША; источником информации становится ИНТЕЛЛЕКТ; в качестве приемника информации выступает МАТЕРИЯ. Информационные связи, таким образом, представляют собой взаимодействие (энергетико-информационный обмен) между ДУШОЙ-ИНТЕЛЛЕКТОМ-МАТЕРИЕЙ, причем в качестве порождающего начала выс уаает ИНТЕЛЛЕКТ. в качестве результирующей, создающей некоторую форму-образ силы – МАТЕРИЯ, а опосредующим звеном в этой цепи предстает ДУША. ДУША, ИНТЕЛЛЕКТ, МАТЕРИЯ придают форму

коммуникации, делают ее вещью-в-себе, самодостаточной субстанцией.

Информационная структура текста, детерминированная триадой ДУША-ИНТЕЛЛЕКТ-МАТЕРИЯ, определяет как прецедент актуализации на языковом уровне феноменологического мышления, выводящего на свет бытие сущего, то есть эксплицирующего присутствие присутствующего, осуществление человека как человека [12] в четырех модусах бытия – архетипическом, интеллектуальном, звездном, стихийном [13], в четырех коммуникативных актуализациях, отражающих крест действительности – вовне, вовнутрь, назад, вперед [14]. Таким образом, текст, с точки зрения информационной, характеризует координаты бытия человека, специфику его картины мира как знака коммуникативного, как личности социальной, показывает разворачивание человека «вовне», формирование простых интенций, обретение им умения видеть вещественный мир, то есть дополнять физическое зрение духовным, погружаясь в мир форм – чувственный мир, освобожденный от материальных условий [6]. Реальное человеческое «Я» может быть понято только через приближение к понятию трансценденции. «Понятие божественной трансценденции, или бога, содержит в себе... прежде всего указание на некоторый абсолютный предел для человеческих возможностей, где, с одной стороны, обнаруживается конец человеческого мира и становятся невысказанными все человеческие представления и масштабы и где, с другой стороны, именно в силу этого приобретает смысл сам человеческий мир» [15, с. 80]. Понятие трансценденции позволяет выявить отношение между смыслом и объектом в его реальности – совокупности его интенций и актуализированных/потенциальных форм этого объекта, то есть структурировать представление об информационном облике воспринимаемого объекта, а следовательно, об уровнях его информационной реализации. Таким образом, некоторый феномен истолковывается не как явление чего-либо иного, а как нечто, само себя обнаруживающее. Текст, создаваемый индивидуумом, может быть расценен как психическая интенция личности в коммуникативном процессе, как феномен личностного бытия, непосредственно явленный социальному сознанию, социуму в его интенциональном бытии. Отсюда текст выступает в роли своеобразного индикатора информации об уровнях становления «Я» человека, придавая законченную форму максиснаку личности. «В качестве

максимума личность может продуцировать свои собственные интерпретанты, имеет своего собственного референта и, более того, имеет свои собственные «знаковые силы», которые существуют в самих знаках» [1, с. 76].

Текст, кроме того, есть знак общения индивидов как личностей в предположении своей разумности. «То есть в предположении, что каждый индивид есть – потенциально – целостная, способная бесконечно развиваться – себя, культура» [19, с. 296]. Текст, являясь знаком духовного производства общества, культуры, становится феноменом взаимодействия культур, диалога культур, интерпретатором интуиции культуры. Будучи коммуникативным знаком, текст оказывается наделенным категориальным, универсальным и феноменологическим содержанием [18].

Текст являет собой некоторое живое начало, одну из форм отражения, именно духовную форму, жизни, которая организована в несколько иерархических рядов соподчинительных систем [19]. Причем не все системы связаны между собой именно иерархически. Мысль о том, что изначально жизнь была организована в несколько форм, выдвинул В.И. Вернадский: процесс возникновения жизни должен сразу облекчь ее в комплекс сложных форм; первичные особи создавались природой одновременно с первичными видами, биоценозами и биосферой [20]. Среди многочисленных форм организации живого важно различать основные, то есть первичные, высокосамостоятельные, универсальные, устойчивые системы, связанные между собой иерархическими и сетчатыми отношениями. Именно они определяют существование и эволюцию жизни. Это изменчивая, популяционно-видовая, биоценотическая и биосферная формы. Эволюцию и жизнь текста В.М. Шукшина определяют следующие формы организации: ноэмная (тождественная организменной), пропозициональная (аналогичная популяционно-видовой), деривационно-парадигматическая (соответствующая биоценотической), фреймовая (сопоставимая с биосферной).

Иерархия форм организации текста, горизонтально развернутая, а потому представленная уже через совокупность сетчатых отношений, принимает вид трансцендентного поля, детерминированного трансцендентальными событиями, которые, не будучи индивидуальными, ни личными, заведуют генезисом и индивидуальностей, и личностей [2]. Они распределяются в «потенциальном», которое не имеет вида ни Эго, ни Я, но которое производит их, са-

моактуализируясь и самоосуществляясь. Сеть этих отношений между формами организации текста воспроизводит форму максизнака личности-индивидуальности, или текст «Я», структурируемую через пространство (ноэмная форма), время (ноэмная, фреймовая формы) – априорные формы чувственности трансцендентального познания [22]; субстанцию (пропозициональная форма), причинность (дери-вационно-парадигматическая, фреймовая формы) – категорию рассудка трансцендентального познания.

Текстовый мир В.М. Шукшина наделен специфическими характеристиками, которые могут быть сведены к нескольким положениям. *Первое положение:* сингулярности-события трансцендентального поля текста соответствуют неоднородным сериям, организованным в систему, которая наделена потенциальной энергией, разделяющей различия между сериями; потенциальная энергия – это энергия чистого события, заявленного обычно в начальной, сильной позиции текста.

Формы осуществления энергичного потенциала события соответствуют реализации события. Отсюда вытекает *второе положение*, определяющее специфику трансцендентального поля текста: сингулярности способны к самовосоединению, процесс которого всегда подвижен и сменяется по мере того, как парадоксальный элемент пробегает серии и вынуждает их резонировать, сворачивая соответствующие сингулярные точки в одну случайную точку, которую можно расценивать в качестве элемента семантической записи, фиксирующей семантическую Вселенную – пропозиции. Одна и та же пропозиция может маркировать несколько гипотазированных инаковостей события, пространственно-временных вариантов бытия.

Положение третье. Семантический мир текстов В.М. Шукшина имеет проблематический статус: сингулярности распределяются в собственно проблематическом поле и возникают в этом поле в виде топологических событий, характеризующихся метастабильностью, благодаря которой существует динамическая топология. Все содержание внутреннего пространства находится в топологическом контакте с содержанием внешнего пространства на пределах живого – семантический мир текста взаимодействует с семантической Вселенной. Вся масса живой материи, содержащаяся во внутреннем пространстве, активно наличествует во внешнем мире на пределе живого, где внутреннее прошлое и внешнее будущее встречаются. Ср.: «...трансцен-

денция – это область недетерминированного, не имеющего никаких оснований ни в прошлом, ни в настоящем и полностью принадлежащего будущему, которое будто бы дано человеку «самым непосредственным образом» [15, с.81].

Мир, обретающий в своей развивающейся метастабильности у В.М. Шукшина форму текста, упорядочивается пространственно через установление законов взаимного расположения множества тел – моделирование различных типов пространств-сопряжений, а во временном плане организуется через осмысление сменяющих друг друга явлений либо состояний тел.

Пространство текста – это его геометрия; время – это грамматика текста. Подобно грамматике, которая находится, вероятно, за пределами текста и лишь выполняет функцию структурной организации, время находится вне Бытия мира, оно только ритмически объединяет тексты мира [23], через которые социум и отдельная индивидуальность взаимодействуют с миром в совокупности его прошлых, настоящих и будущих состояний, а также сопрягаются энергетически как события-сингулярности друг с другом.

Иерархия семантических пространств текстов В.М. Шукшина соотносима с иерархией их длительностей – ритмического звучания. Представление о длительности хотя и применимо к отдельному явлению, но только постольку, поскольку оно существует как звено в единой цепи событий. Характеризуя особенности звучания семантического пространства как некоего целого, можно считать его своего рода отражением тенденции к глобальному культурному синтезу, к универсализации культурно-исторического бытия человека, складыванию общепланетарной цивилизации.

Структурирование семантического времени в текстах В.М. Шукшина детерминирует *четвертое положение*, выявляющее специфику трансцендентного поля текста: поверхность – это местоположение текста; знаки-маркеры пространства остаются лишь знаками геометрии, чистой структуры текста, до тех пор, пока они не входят в поверхностную фреймовую, то есть коммуникативную организацию, обеспечивающую резонанс двух серий – двух единиц, объединенных в синтагму. Фреймы располагаются над актуализациями потенциальной энергии событий-сингулярностей, которые могут быть как внутренними, так и внешними; как коллективными, так и индивидуальными – в зависимости от поверхности контакта, нейтральной поверхности предела.

Пятое, заключительное, положение, определяющее специфику текста как формы реализации трансцендентального начала: сингулярности, или потенциалы, актуализируют на поверхностном уровне процессы сосредоточения во внутреннем и распространения во внешнем пространстве – ассимиляция и воплощение. Сингулярности-лексемы текста не занимают его семантическую поверхность, а лишь возникают на ней, так и поверхностная семантическая энергия текста не локализуется на поверхности, а участвует в ее формировании и переформировании, примером чему могут служить текстовые деривационные парадигмы, представляющие собой модификации пропозиций.

Таким образом, феноменологический анализ позволяет исследовать текст в его двух ипостасях – дискретной (семиотической) и континуальной (семантической) [23]. Дискретная ипостась текста детерминирована свойствами последнего как живой системы, представляющей духовную форму проявления жизни. Континуальная ипостась текста являет информацию об особенностях отражения в тексте индивидуально-личностного начала человека, причем под текстом понимается совокупность текстов, созданных одним человеком. Духовная индивидуальность человека задается функцией распределения вероятностей над неким полем признаков, общим всем людям, или семантическим полем, связанным с Эго человека [23]. Духовная индивидуальность, спроецированная в тексте, обретает форму трансцендентного поля (верно для текстов В.М. Шукшина), демонстрирует континуальность сознания, вход в которое осуществляется через слова; «прямой вход в континуальное сознание – это измененное состояние сознания» [23, с. 25].

Феноменологический анализ предполагает одновременное рассмотрение форм организации текста (ноэмой, пропозициональной, деривационно-парадигматической, фреймовой), форм трансцендентной актуализации индивида, могущих быть оцененными в качестве элементов вероятностной модели «Я» (вероятностное пространство, вероятностное время, вероятностная субстанция, вероятностная причинность), форм коммуникации – общения сознаний (ДУША, ИНТЕЛЛЕКТ, МАТЕРИЯ). Причем относительно идеи «вероятностной модели «Я» следует заметить следующее: «Речь идет не только о вероятностном видении Мира, связанном с его бесконечной сложностью, но «на самом деле» внутренне детерминистичном, а именно о вероятност-

ном Мире, где вероятность – в самой его сути. Это – вероятностная онтология вероятностного Мира, а не вероятностная гносеология детерминистического Мира» [23, с. 17].

Уровни феноменологического анализа связаны с процессом движения информации от источника (ИНТЕЛЛЕКТА) через передатчик (ДУШУ) к приемнику (МАТЕРИИ), причем собственно предметом непосредственного исследования становится именно передатчик информации – ДУША, чувствующая субстанция тела, или субъективный дух, по Г.В.Ф. Гегелю. К ступеням превращения души в сознание, выделяемых феноменологией, мы добавляем еще одну – силу: когда одно состояние определенного количества движения прекращается, начинается другое состояние движения, эквивалентное предшествовавшему, и результат такой трансформации или корреляции есть сила. Следовательно, уровни феноменологического анализа предопределены ступенями: сознание (континуальное) – самосознание – разум – сила – движения информации и могут быть поименованы соответственно: Вероятностное пространство-время (сознание) – Вероятностная субстанция (самосознание) – Вероятностная причинность (разум, сила).

Часть I

ВЕРОЯТНОСТНОЕ ПРОСТРАНСТВО-ВРЕМЯ

§1. Вероятностное пространство (рассказ «Медик Володя»)

«...жизнь – это обмен субстанциями, а следовательно, со-жительство, со-существование, сеть тончайших взаимоотношений, в процессе которых субстанции поддерживают, питают, придают друг другу силы» [24, с. 80]. Средой существования субстанций является некоторое пространство, обладающее определенной структурой, которая в свою очередь нуждается в «объединяющем начале, в элементе, способном приобретать бесконечно новые качества, оставаясь в то же время самим собой» [24, с. 76]. Таким образом в рассказе является внутренний мир личности, представленный через посредство градационных рядов наречных нозм, отражающих вариации одного признака.

«...индивидуальность – будь то вещь или человек – зависит от мироустройства в целом; это совокупность отношений. В росте травинки соучаствует все мироздание» [24, с. 72], что требует конкретизации прочих элементов семантического пространства рассказа, и это, прежде всего, социальное пространство в двух его разновидностях: собственно социальное пространство и пространство дома. Сложность отношений внутреннего мира личности и личности с пространством собственно социальным находит подтверждение и в организации соответствующего ряда нозм: градация, конверсия, антонимия, гипонимия. Наречный ряд нозм, характеризующих взаимодействие личности и пространства дома, базируется на гипонимических отношениях.

«Жизнь в человеке как бы двоятся: его мимика, движения разрешаются в пространстве и в то же время выражают скрытую жизнь эмоций» [24, с. 81], то есть, существуя в пространстве, человек должен каким-то образом адаптироваться к этому пространству (в данном рассказе рассматривается попытка адаптации личности к объективному миру) и при этом остаться самим собой, верным тому, что дано ему от природы («домом»). «Мертвое» про-

странство (полная адаптация личности к социальному пространству) раскрывается через посредство семантического заражения, омонимии, антонимии. «Живое» пространство (соответствие личности своей природе, а также степень адаптации ко всем пространственным уровням) задается отношениями гипонимии.

Организирующим началом пространства рассказа «Медик Володя» становится личность, а общественные отношения, создающие представленное в рассказе социальное пространство, конкретизируются до отношений нравственных. Исследование нравственного пространства как инварианта пространства социального есть разумение ценности человека как личности, его права на свободу и счастье, признание блага человека критерием оценки социальных институтов.

Состоятельность внутреннего мира главного героя Володи Прохорова определяется категориями нравственными, создающими нравственное пространство произведения. Существо нравственного пространства – среды обитания личности – предполагает возможность или невозможность модификации пространства социального и приведение в соответствие отношения личность – социальное пространство.

Личность – это всегда ансамбль знаков, согласованный текст, который разум признает своим и который идентифицирует ее в мире других, наделяя их теми же свойствами [16]. Личность становится текстом, определяемым как упорядочивание знаков в максизнак. Слово более богато оттенками, чем все прочие знаки, и потому оно становится ведущим средством формирования максизнака личности. Формируя свое «Я», личность выписывает себя как текст, создавая при этом некоторое семантическое пространство [16], которое в данном рассказе В.М. Шукшина задается через посредство наречных нозм. **Нозма** и нозсис – термины платоновской и аристотелевской философии, относящиеся к теории познания. Э. Гуссерль обозначает этими терминами коррелятивные аспекты интенциональности (предметной направленности сознания). **Нозма** есть объект, определяемый как носитель мыслимого содержания. **Нозма** обладает ядром, независимым от модальностей сознания и отличным от физических качеств объекта, полагаемых как реальные [21]. «Здесь, в этом ядре нозматического смысла, возникает еще более сокровенное, некий «верховный», трансцендентальный «центр», являющийся ничем иным, как отношением между самим смыс-

лом и объектом в его реальности. Отношение и реальность должны теперь полагаться или возникать трансцендентальным образом» [21, с. 123-124].

Выбор лексем именно этой части речи предопределен, видимо, синтаксической ролью наречия в тексте: функция качественного определения и обстоятельного отношения [25]. Использование наречных нозем позволяет автору объединить в одной лексеме – наречной нозме – характеристики героя и отношение этих характеристик к социальному пространству, в котором реализуется максизнак личности Володи. Подобная двуединость наречной нозмы используется автором для реализации идеи художественной модели мира: личность есть центр переориентации объективной вселенной, но при этом имеет место и «кризис» человека, причиной которого стала «порочность самой истории» [15], с одной стороны; с другой – существует несостоятельность, неорганизованность социального пространства; следовательно, если социальный процесс неупорядочен, духовный мир личности тоже будет неупорядочен [15].

Семантическое пространство внутреннего мира личности раскрывается через следующие нозмы: *домой, славно, хорошо, празднично, не толком, наугад, остро, до боли, еще больше, страшно, дальше, немного легче, наглозато, втайне, совестно, с улыбкой, поскорей, не гладко, маленько совестно, с улыбкой, поскорей, вполне понятно, надо было ожидать, один к одному* (последние три сочетания представляют в тексте своеобразные сращения, которые по своей функции приближаются к наречиям), *естественно, снисходительно, весело, любопытно, быстро, внезапно, резко, громко, самозабвенно, искренне, громковато, потише, смело, с улыбкой, некуда, робко, двусмысленно, коротко, торопливо, снисходительно, серьезно, обязательно, почти, тихо, как мелкий гад; тихо, мелко, моментально, дома, больно, стыдно, домой.*

Структура семантического пространства рассказа задается отношениями: личность – собственно социальное пространство как форма существования социального бытия, а также личность – социальное пространство дома, которое в рассказе расширяется до пространства Вселенной – весь существующий мир, безграничный во времени и пространстве и бесконечно разнообразный по формам.

В качестве центра семантического пространства, моделируемого в произведении, выступает совокупность но-

эм, являющихся показателями нравственной состоятельности того или иного явления, поступка и выполняющих роль нравственных регуляторов личности: *остро, до боли, страшно, немного легче, совестно, маленько совестно, резко (ослабли ноги), потише, робко, серьезно, тихо, больно, стыдно*. Собственно социальное пространство и пространство дома в тексте не представлено, заявлено через посредство наречных ноэм отношение личности к тому и другому: отношение личности к собственно социальному пространству – *не толком, наугад, поскорей, негладко, весело, быстро, внезапно, громковато, некуда, коротко, торопливо, почти*; отношение личность – дом определяется только одной ноэмой – *славно*. Подобное различие в количественном составе рядов является свидетельством семантической дистанции, существующей между составляющими пространства, и степени адаптации личности к тому или иному пространству; расстояние между личностью и собственно социальным пространством измеряется семью шагами, а между личностью и пространством дома – одним шагом.

Отношение субъекта и среды характеризуется постоянным процессом активного приспособления индивида к условиям социальной среды, результатами этого процесса. Такое отношение, по Э. Мунье, чревато двумя опасностями, с одной стороны, полным приспособлением, абсолютной адаптацией субъекта к объективному миру, когда ему не остается ничего иного, как механически воспроизводить мир; с другой – крайней дезадаптацией, ведущей к потере субъектом реальных связей с миром [15]. Наилучшим человеческим состоянием является позиция недоадаптации, когда за субъектом остается возможность идти дальше, то есть иметь будущее. Состояние недоадаптации свидетельствует о том, что между субъектом и миром существует зазор, расстояние. В анализируемом рассказе семантическое расстояние актуализируется в двух разновидностях – «живое пространство» [15] – зазор, возникающий между внутренним миром личности и миром, социальным пространством дома, и мертвое или пустое пространство, существующее между личностью и собственно социальным пространством. Живое пространство в рассказе представлено следующим рядом лексем: *хорошо, празднично, громко, самоабвенно, искренне, моментально*; мертвое пространство интерпретируется через такой ряд

лексических единиц: *hello, естественно, вполне понятно, надо было ожидать, один к одному, естественно, естественно, естественно, любопытно, обязательно.* Автор фиксирует также степень адаптации личности к окружающему социальному пространству — полная, абсолютная адаптация, но, видимо, точнее определить этот процесс вживания личности в социальное пространство как попытку полной адаптации: *нагло, втайне, с улыбкой, снисходительно, смело, с улыбкой, двусмысленно, снисходительно, тихо, как мелкий гад, мелко.*

Семантическое пространство, таким образом, моделируется следующими элементами: личность — внутренний мир личности, выполняющий организующую функцию; социальное пространство; пространство дома; живое пространство; мертвое пространство, наделенное посреднической функцией между личностью и разновидностями социального пространства, — и находит свое воплощение в тексте через посредство наречных нозем.

Каждый ряд нозем характеризуется определенным типом отношений, который несет информацию о стабильности и подвижности ряда, а также о возможности изменения семантического расстояния между рядами.

Основным типом отношений, которые определяют структуру ряда «внутренний мир личности», являются отношения градации в двух разновидностях — градация восходящая и градация нисходящая, а единицы ряда представляют собой разные степени сравнения одной ноземы — *совестно*. В этом ряду закладывается как способ восприятия личностью действительности, пространства существования — *остро, до боли, страшно*, — так и реакция на посещение этого пространства и свое собственное в нем — *совестно, маленько совестно, резко (ослабли ноги), потише, робко, тихо, больно, стыдно*. Маркеры смены темы [26] — *немного легче, серьезно* — выполняют в анализируемом ряду две функции: первый маркер переводит тему способа восприятия личности в тему реакции личности на самое себя — *страшно — немного легче — совестно*; таким образом осуществляется переход с «внешнего» уровня личности на «внутренний» и своеобразное замыкание личности на внутреннем мире, создание замкнутого пространства личности. Второй маркер — *серьезно* — вводит в тему оценки личностью собственного пространства и пространства существования, соответственно, тему способа восприятия,

а также выполняет функцию разграничителя градационных фрагментов ряда, характеризующего личностную реакцию. Первый фрагмент ряда построен по принципу нисходящей градации степеней сравнения нозмы *совестно*: *совестно* – *маленько совестно* (ослабление признака) – *резко* (повторение нозмы *совестно*, но в иной модификации – превосходной степени, суперлатива//суперлатив – средство дополнительного образного выражения предельной высшей степени качества), нравственное переживание доводится до высшей степени через введение элемента физического поведения – *резко ослабли ноги* – *потиху* (ослабление качества *резко=совестнее/-робко/=совестно*). Динамика этого фрагмента задается повторением нозмы *совестно* в своеобразной форме суперлатива, употребление которого, в свою очередь, определяет характер следующего фрагмента ряда – градации восходящей, переход к которому осуществляется через посредство маркера смены темы *серьезно*. Состав этого фрагмента представлен следующими нозмами: *тихо*, *больно*, *стыдно*. Первый элемент – *тихо* (замычал) – есть повторение в новом фонетическом оформлении последнего элемента предшествующего фрагмента. Второй элемент *больно* может быть приравнен к превосходной степени *совестно*, при этом наблюдается также повторение мотива *резко* и перевод этого мотива из сферы физического поведения в сферу нравственно-физиологических ощущений. Но автор снимает напряженность формы через введение конкретизатора – не так уж *больно*, как вчера вечером, то есть очень стыдно, но не так, как вчера – и по интенсивности выражения признака данная нозма может быть представлена как степень сравнения. Третий элемент *стыдно* представляет собой суперлатив нозмы *совестно*, завершая собой фигуру восходящей градации и весь ряд в целом. Употребление имплицитных форм суперлатива является показателем уровня оценки личностью мира существования и собственного поведения личности в социальном пространстве: стремление к соблюдению высших норм нравственности как по отношению к одному пространству, так и по отношению к другому. Градационное построение ряда позволяет автору показать подвижность, некоторую нестабильность внутреннего мира личности, целостность которого пока сохраняется благодаря врожденным нравственным категориям, которые все можно свести к одному – *совестно*.

Следующий ряд, который будет предложен вниманию, ряд нозем, фиксирующих «пустое» пространство, занимающее промежуточное положение между внутренним миром личности и собственно социальным пространством: *хелло, естественно, вполне понятно, надо было ожидать, один к одному, естественно, естественно, естественно, обязательно*. Ноземы, представленные в этом ряду, с полным основанием наречными назвать сложно, но в рамках данного текста, с учетом его деривационной структуры, видимо, правомерно их считать таковыми. Этот ряд, как и первый, можно интерпретировать как градуированный, но градация, представленная в данном случае, по своей природе отлична от градации проанализированной ранее. Ряд начинается нозема *хелло*, единица с неопределенной семантикой, неопределенной частеречной принадлежностью – не часть речи. «Наречие не есть часть речи. Часть речи то, что получило в слове особую форму, особый отдел; наречие своей особой формы не имеет. Оно выражает отношение, оно есть уже синтаксическое явление. Наречием могут быть разные части речи, в разных отношениях употребляемые» [27, с. 272]. Подобная концепция выделяет прежде всего синтаксическую значимость наречия, которая и является главной в данном контексте – функция созидания коммуникативной целостности текста:

– Володя?.. Ой, здравствуй!

– Хелло! – воскликнул Володя. И сделал вид, что очень очень удивился, и остро почувствовал свою фальшь – и это «хелло», и наигранное удивление. От этого вопроса дальше возникали очень нелепые: «Каким ветром? Откуда? Куда?»

Употребление подобной ноземы задает тему неопределенности, двусмысленности личных установок, а также несоответствия формы и желаемого содержания общения, а следовательно, неопределенность пребывания в социальном пространстве. Следующая в ряду нозема *естественно*:

– Нам сказали, к сентябрю собраться, *естественно*.

Эта нозема, имеющая только формальную выраженность, не занимает определенного места в семантическом пространстве текста, то есть семантическое пространство данной единицы равно нулю. Далее анализируемый ряд пополняют ноземы, содействующие расширению только формальных границ пространства текста, псевдограниц пространства личности. Ср.:

– Скооперируемся? – навернул Володя. – А то я с тоски загибаюсь. Нас же разделяет всего... четырнадцать километров, да? Сядем на велики.

– Давайте, – легко согласилась девушка. – У нас тоже молодежи нету. Подруги кое-какие остались, но... Знаете, вот были подругами, да? Потом вдруг что-то – раз! – и отношения портятся. Вот так, знаете, обвально.

– Это вполне понятно, – сказал Володя. – Этого надо было ожидать. Это – один к одному.

Нанизывание практически однозначных единиц имеет также градационную природу – градация восходящая, и градационный ряд также завершает суперлатив – суперлатив уничтожения смысла. Эти единицы таким образом увеличивают пустое пространство и соответственно зазор, который существует между личностью и социальным пространством, что достигается количественным увеличением числа самих единиц и их составляющих. Значимость ноль-семантических единиц в семантическом пространстве текста подтверждается тем, что единицы, не обладающие достаточной семантической наполненностью в представленном ряду, наделяются предикатной функцией:

– Разошлись дороги... И разошлись, как в море корабли. – Володя посмеялся и стряхнул пепел в алюминиевую неудобную пепельницу вниз. – Это так же естественно, как естественно то, что у человека две ноги, две руки и одно сердце. – Володя вспомнил, что он медик.

Ноэма естественно в данном контексте получает новую функцию – предикативную; представленная в этом ряду ноэма 'естественно' не выполняла в тексте никакой синтаксической функции. Наделение ноэмы новой функцией должно быть мотивировано изменением семантического наполнения лексемы, которого не происходит, хотя оно должно содействовать насыщению пространства. То омонимия функций, напротив, способствует полнейшей десемантизации пространства, увеличивая глубину зазора между личностью и социальным пространством, культивируя мертвое пространство. Следующей в ряду вновь представлена ноэма естественно:

– Ой, а трудно в медицинском, а?

Володя снисходительно посмеялся.

– Почему? Нет, отсев, естественно, происходит... – Володе правилось слово «естественно». – Нас на первом курсе повели в анатомичку, одна девушка увидела жмуриков и говорит: «Ах, держите!» И повалилась.

– В обморок?

– Да. Ну, *естественно*, это уже не врач. В фармацевты.

В данных контекстах ноэма естественно обретает свою первичную природу – нулевая синтаксическая функция и ноль-семантическое наполнение, что также подтверждает ошибочность существования беззначной субстанции в предикативной функции, ошибочность, но не возможность. Подобная способность к мимикрии мертвого пространства является опасной для личности, поскольку при внешнем якобы сближении социального пространства и пространства внутреннего мира личности (предикативная функция), на самом деле происходит отделение их друг от друга (ноль-семантическая наполненность единиц).

Ноэма *обязательно* завершает рассматриваемый ряд:

– Завтра поедем вместе? – спросила вдогонку девушка.

– Да! *Обязательно!* – откликнулся Володя. Он уже был в переходном этом мешке, где грохотало и качалось.

Он почти бежал по вагонам. Очень хотелось или самому выпрыгнуть из вагона или чтоб она, эта географичка, выпала как-нибудь из вагона, чтоб никто никогда не узнал его гнусного позора и какой он – враль и молокосос.

В ноэме *обязательно* находит продолжение развития мотива, характеризующего данный ряд, – несоответствие формы и содержания, точнее, выполняемой функции. Этот мотив переводится в план соответствия формы и семантической наполненности единицы: два фрагмента смысла могут быть представлены через посредство заявленной ноэмы: 'непременно, чтобы там ни было' и 'ни в коем случае, ни при каких обстоятельствах'. Но эти фрагменты смысла, кроме того, по сути своей антонимичны. Антолимическая противопоставленность, хотя обнаруживаемая на имплицитном уровне, есть свидетельство того, что мертвое пространство неабсолютно асеманлично: в нем на глубинном уровне заложена, как неизбежность, необходимость, противопоставленность, противоположность субстанций. Мертвое пространство живо своей пустотой, поскольку пустота – это пространство, преднамеренно, периодически-постоянно очищаемое от содержательных элементов. В итоге остаются пустые оболочки слов, шуршание которых человек принимает за истинное звучание своего внутреннего «Я», созвучное социальному пространству и Вселенной.

Третий ряд – собственно социальное пространство и его проекция в виде отношения – выглядит следующим

образом: *не толком, наугад, еще больше, страшно, дальше, немного легче, поскорей, не гладко, весело, быстро, внезапно, громковато, некуда, коротко, торопливо, почти*. Ноэмы, составляющие этот ряд, объединены отношениями градации: *не толком, наугад, еще больше* — лексемы выстроены по степени нарастания признака *не толком*, а высшая степень проявления признака зафиксирована в ноэме *страшно*. Структура данного градационного ряда некоторым образом повторяет особенности ряда 'внутренний мир личности': доминирующую позицию в ряде занимает суперлатив, но данный ряд представляет иную комбинацию фрагментов градации — *дальше, немного легче, поскорей*. Подобное оформление исследуемого фрагмента фиксирует желание личности как можно быстрее прийти в состояние гармонии с пространством существования (градация восходящая), но, не обнаружив должного взаимопонимания с оным (*страшно*), личность возвращается на исходные позиции (*нисходящая градация*). Начальный и заключительный элементы этого фрагмента могут быть охарактеризованы как конверсивы: *не толком* — *поскорей*. Как и всякие конверсивы, они взаимно предполагают друг друга в аргументах отношения в данном тексте, текст максизнака личности, и взаимно исключают друг друга в одном аргументе, а также делят признаковое пространство между собой пополам [28]. На базе этих двух ноэм создается новая ноэма *не гладко*, которая и продолжает рассматриваемый ряд. Данная ноэма являет пример семантического стяжения. Сущность процесса семантического стяжения заключается в том, что слово, выступая часто в сочетании с каким-либо определенным другим словом, начинает функционировать самостоятельно, но в значении, свойственном всему словосочетанию [29]. Так ноэмы 'не толком', 'поскорей' становятся семами смысловой структуры данной единицы, которая начинает играть роль смысловой доминанты нового фрагмента текста:

«Стал вспоминать имя девушки. Напрягал память, перебирал *наугад* разные имена, но никак не мог вспомнить».

— Я умоляю! Отработал — все. Возил навоз на поля. — Володя с улыбкой посмотрел на девушку, но *поскорей* отвернулся и полез в карман за сигаретой. *Не* все еще шло *гладко* пока. Маленько было совестно.

Второй тип отношений, которые характеризуют этот ряд, можно определить как гипонимические, где в ка-

честве гиперонима выступает нозма *поскорей*, а функцией гипонимов наделяются нозмы *весело, быстро, внезапно*. Последние представляют собой также и своеобразную градационную цепочку которая отражает степень вхождения и слияния личности с социальным пространством, интенсивность и качественность которых (вхождения и слияния) снимается семантикой гиперонима *поскорей* и нозмой, завершающей эту цепочку, громковато. Таким образом, нозма *громковато*, снимая значимость всего градационного ряда, возвращает личность на исходные позиции: громковато, потому что *поскорей*; *поскорей*, потому что *наугад*; следовательно, громковато, потому что *наугад*. Конверсивная противопоставленность не толком – *поскорей* вырастет до антонимической противопоставленности *не толком* – *громковато*, которые являются деривационной базой для следующей нозмы – *некуда*, являющей собой результат семантического стяжения, объединения двух противоположностей в одном целом, борющихся моментов конкретного единства. Через нозму *некуда* пространство, которое подобно расширяющейся Вселенной стремилось к изменению границ, к бесконечности взаимопонимания личности и социального пространства, ограничивается. Границы семантического пространства, отношения личности и пространства социального вполне определены, а маркером «ограниченности, предельности, неведомости», пространства и соответствующих отношений становится нозма *некуда*. От этой границы начинается возвращение внутрь заданного социального пространства и типа отношений личность – собственно социальное пространство (нисходящая градация) – *коротко, торопливо, почти*. Таким образом, рамки отношений социального пространства и личности очерчиваются нозмами *не толком* – *почти*, и возможная подвижность, изменчивость этих отношений, достижение взаимопонимания, относительной гармонии оказывается ирреальным. Социальное пространство и личность есть субстанции почти антагонистичные (антонимические оппозиции), а стремление личности (градация восходящая) стать частью иерархии (гипонимические отношения) приводит к отторжению последней от социального пространства (конверсия, антонимия).

Следующий ряд нозм позволяет создать представление о возможности полной адаптации личности к объективному миру, пространство которого ограничивается со-

циальным пространством, или иначе: объективный мир отождествляется с социальным пространством: *наглогато, втайне, с улыбкой, двусмысленно, снисходительно*. В этом ряду также присутствует градация: *фрагмент наглогато – втайне – с улыбкой* может быть охарактеризован как градация нисходящая: *наглогато* – слабая степень проявления признака, на что указывает и наличие морфа *-оват*; *втайне* – нагловатость неявная, не всегда материализующаяся, не присущая субъекту, определяющая лишь его имплицитные черты, природа которых обусловлена не генотипом личности, а генотипом социального пространства, а потому необходимая личности как члену социума; нагловатость *втайне*, не «моя», а потому и отношение личности к этому собственному проявлению «с улыбкой», но улыбка *втайне* – это и знак нагловатости, уверенности в себе как микропространстве в макропространстве социальном. Таким образом, нозма *с улыбкой* одновременно является и показателем адаптации личности к социальному пространству, и показателем относительной верности личности своему внутреннему миру. Эта нозма является потенциальным маркером смены темы. Пространство адаптации личности к объективному миру задается как антонимичное внутреннему миру личности: *наглогато – совестно*. В нозме *наглогато* можно выделить следующие семантические компоненты: 'нескромно', 'двусмысленно', 'неделикатно', 'бессовестно', то, что происходит 'явно', 'нескрываемо'. В градационном ряду тема 'явно' нейтрализуется семантической нозмой *втайне*, антонимичной первой по своей природе. Таким образом, градационная цепочка строится на основе компрессии (процесса сжатия информации [30]) семантики нозмы *наглогато* за счет отчуждения от ее семантического пространства элементов негативных, не соответствующих пространству личности, внутреннему миру личности, и этим определяется невозможность полной адаптации личности к социальному пространству, равному в данном рассказе объективному миру. Следующий фрагмент этого ряда представляет также градацию, начальную позицию в которой занимает нозма *снисходительно* (синоним в данном контексте нозмы *наглогато*, тождество между этими нозмами устанавливается на основе сем 'неделикатно', 'терпимо', 'но без уважения'). Специфика данной градационной фигуры в том, что ее члены *снисходительно, смело, с улыбкой* находятся в определенных отношениях с членами предшествующего ряда *наглогато, втайне,*

с улыбкой: *нагло* – *снисходительно* – синонимы, *втайне* – *смело* – антонимы, *с улыбкой* – *с улыбкой* – повтор, тождество формы, но не содержания. В первой позиции нозма 'с улыбкой' по своему смысловому наполнению являла единицу, обладающую элементами содержания, антонимичными по своей сути: адаптация личности к окружающему пространству – *нагло*, и «верность» личности своему внутреннему «законодательству» – *совестно*. Во втором фрагменте исследуемого ряда нозма 'с улыбкой' в основе семантического заражения (заражение – влияние синтагматических связей на определение границ и содержания значения слова [29]) оставляет в своем арсенале один из антонимичных компонентов содержания, закрепленного за лексемой в первом варианте. Таким образом, нозмы *с улыбкой* – *с улыбкой* обретают статус омонимов: одна форма служит для выражения разных состояний, отношений, смыслов. Итак, первая попытка личности преодолеть себя и осуществить полную адаптацию к миру (компрессг !) не удается (внутренняя антонимичность нозмы 'с улыбкой'). Но желание личности стать частью иерархии, причем органичной, заставляет ее предпринять еще одну попытку, которая базируется на несколько иных исходных данных – элементах, по сути своей полярных тем, которые организуют первый фрагмент ряда – синонимы, антонимы, омонимы, таким образом, можно определить отношения, которые устанавливаются между соответствующими компонентами фрагментов. Завершающие компоненты градационных рядов выступают в роли омонимов, манифестируя таким образом невозможность существования противоположных сущностей в одном ограниченном пространстве, в одной форме, что приводит к отрицанию субстанции, являющейся вместилищем этих противоположных сущностей, самое себя, через принятие какого-то одного из противоположных начал, а именно, начала, противного природе субстанции – Володи Прохорова.

Завершают анализируемый ряд три нозмы: *двусмысленно*, *снисходительно*, *тихо* (как мелкий гад). Нозма *двусмысленно* выступает в качестве своеобразного вывода, следствием «силлогистического» утверждения личности в социальной иерархии-пространстве, где в качестве посылок-попыток выступают градационные ряды. Выводом неубедительным и неаргументированным, поскольку степень адаптации личности остается неопределенной, потенциально омонимичной. Повторение единицы в форме, уже имевшей

место в тексте, но с наделенной новыми элементами смысла, — это способ, который использует автор для более полного раскрытия своей идеи. Именно этим способом он и воспользовался при завершении рассматриваемого ряда: повторяется нозма *снисходительно*. Сравните контексты, в которых употребляется данная нозма (порядок следования фрагментов текста повторяет порядок следования в рассказе):

«И девушка тоже вспомнила, что он медик.

— Ой, а трудно в медицинском, а?

Володя *снисходительно* посмеялся.

— Почему? Нет, отсев, естественно, происходит...»

«Девушка убрала его руку.

— Что начнем? — сказал Володя. — Ты что?

— О боже мой! — воскликнул Володя. — Чего же уж так испугалась-то?.. Пичужка. — И он коротко хохотнул, торопливо похлопал девушку по плечу и сказал *снисходительно* и серьезно: — Иди спать, иди спать, а то поздно уже. Д.? — И ринулся в наружную «верь тамбура — вон отсюда».

В первом контексте нозма '*снисходительно*', являясь синонимом ноземы '*наголовато*', представляет собой один из маркеров темы полной адаптации личности к объективному миру. '*Снисходительно*' вбирает в себя семы, которые характеризуют оценку личностью самое себя, а также семы, определяющие манеру поведения личности в пространстве, например, сема, эксплицирующаяся в нозме '*с улыбкой*'. Таким образом, в этой нозме содержится представление о содержательном наполнении субстанции, вошедшей в стадию полной адаптации к окружающему пространству, а также о ее пространственной маркированности, наличии определенной формы, согласно которой можно обнаружить соответствующую субстанцию. Во втором контексте нозма '*снисходительно*' по своей сути является омонимичную единицу аналогичной нозме в первом контексте, поскольку во втором контексте данная нозма семантически оказывается несостоятельной, поскольку она фиксирует только форму, сбредая которую, личность пытается в иерархии социального пространства определить свое место. И если градационные цепочки, которые начинали рассматриваемый ряд, предполагали возможность полной адаптации личности к объективному миру, то в данной нозме утверждается полная невозможность осуществления оной, поскольку полная адаптация личности к социальному пространству противоречит природе Володи

Прохорова, опустошает его внутренний мир. А завершающая ряд нозма *тихо*, находящаяся в антонимической оппозиции начальной нозме 'наглово' (громко) и демонстрирующая противоречивую сущность двух начал – личности и объективного мира, еще раз подтверждает это.

Живое пространство в рассказе представлено следующими нозмами: *хорошо, празднично, громко, самозабвенно, искренне, моментально*. Живое пространство фиксирует степень адаптации, взаимосвязи личности, ее внутреннего мира и пространства дома. Наречные нозмы в данном ряду эксплицируют не только отношения, но и состояния личности, возникающее в результате контакта пространства дома и Володи Прохорова (*празднично*):

«Сессию сдал хорошо, из деревни писали, что у них там все в порядке, все здоровы – на душе у Володи было празднично».

Доминантой рассматриваемого ряда является нозма *искренне* – своеобразный центр живого пространства, определяющего типы взаимодействия внутреннего мира личности с другими уровнями. Так, тип отношения социальное пространство – внутренний мир личности задается в живом пространстве как должествующий нозмами *хорошо, празднично* (ср.: «И жизнь хороша, и жить хорошо», «праздник жизни» – вариации той же темы у других авторов). Внутренний мир личности, самая личность маркируется нозмами *громко, самозабвенно* в социальном пространстве, чем утверждается значимость звучания, важность существования индивидуальности в объективном мире, и главное – музыкальная тема, голос индивидуальности в симфонии жизни Вселенной. Отношение внутренний мир – пространство дома задается нозмой *моментально*:

«А проснулся, когда уж поезд стоял на родной станции – дальше он никуда не шел. За окном был ясный день; на перроне громко разговаривали, смеялись, вскрикивали радостно... Встречали, торопились к автобусам.

Володя *моментально* собрался».

В данной нозме находит отражение не только отношение, но и состояние и поведение героя, что служит подтверждением достаточно высокой степени адаптированности личности к пространству дома. В связи с этим достаточно интересное продолжение находит в приведенном контексте мотив *некуда*, характеризовавший собственно социальное пространство и взаимодействие с ним личности. Этот мотив повторяется, но в иной интерпретации –

никуда как маркер темы дома, пространства, в котором личность всегда обретает спасение при всех возможных «некуда», и как пространства – тупика, существование в котором, только в нем одном, обрекает личность на «невовлеченность» во все прочие пространства. Но для главного героя дом существует пока как пространство спасения и понимания.

Подобная иерархия взаимодействий личности, представленная в живом пространстве, находит отражение на уровне ноэм в виде гипонимических отношений, где гиперонимом является ноэма 'искренне', а гипонимами – все остальные единицы ряда. С помощью гипонимических отношений наречные ноэмы данного ряда «образуют иерархическую структуру по степени нарастания общности их значения [31, с. 125], таким образом, интерпретируя на языковом уровне идеальную иерархию отношений и взаимодействий, в которой личность должна занять подобающее место.

Ряд ноэм, характеризующих отношения личности и пространства дома, представлен в тексте следующим образом: *славно – охота*.

«Студент медицинского института Прохоров Володя ехал домой на каникулы. Ехал, как водится, в общем вагоне, ехал *славно*».

«Володя сел опять на чемодан. Вот же противная девка, стоит, ждет! Ничего, подождешь-подождешь и уедешь – домой-то *охота*».

Мотив дома, представленный в этом ряду, есть продолжение этой же темы, заданной в предшествующем ряду: моментально; повторяется также и тип отношений между компонентами – импликация, который является основным при гипонимических отношениях, что позволяет показать пространство дома как иерархию, с одной стороны, и как элемент большей иерархии, с другой – включенность в другие миры. Качественный состав ряда, в свою очередь, служит показателем минимального семантического расстояния, существующего между внутренним миром личности и пространством дома, которое может быть приравнено Вселенной, носительнице вечных нравственных начал. Связь с домом для человеческого микрокосма – это связь с прошлым и будущим, а следовательно, бесконечность во времени, при «конечности» в пространстве, вечность существования и приобщение ко Вселенной.

§2. Вероятностное время (рассказ «Медик Володя»)

Изменчивость объектов-индивидов различна, так как различны процессы, происходящие с разными объектами. В соответствии с классами объектов можно выделить классы процессов и тем самым классы времени [32]. Каждому классу-типу пространства соответствует определенный тип поведения индивида, класс его времени-длительности.

Исследование семантического пространства, модификации которого маркированы как собственно социальное пространство, пространство нравственное, мертвое (или пустое) пространство, живое пространство, пространство полной адаптации личности, пространство дома дает возможность создать «карту» своеобразных передвижений индивида по социальному пространству, зон непосредственного пересечения энергий индивида и пространства, а также зон — «областей риска», которые необходимо и допустимо избежать при перемещении, тем самым предохранив собственную самость от патогенного влияния мира. Мира, явленного во внутренней душевной жизни только во времени [33], выражающего длительность бытия и последовательность смены состояний всех материальных систем, жизнерадостность которых маркируется определенным характером вибраций. Каждый предмет живой и неживой природы способен излучать энергию, волны, которые приводят в колебание окружающее его пространство и таким образом передаются другому предмету, оставляя на нем свой «вибрационный» след, резонируя при этом с ритмами и пульсациями окружающих вещей. Восприятие индивидом каждой вибрации есть символический рефлекс, то есть «внешние проявления организма, которыми, как символом, определяются те или иные внешние предметы, отношения между ними или же взаимные отношения своего организма и окружающего мира» [34, с. 326].

Вибрационная впечатлительность, под которой понимается способность индивида реагировать на поступающие вибрации, обусловленная объемом усвоения воспринимаемой информации и скоростью реагирования на полученный сигнал, может быть представлена различными символическими телодвижениями, но самым важным из них является человеческая речь [34], в ее устном или письменном выражении в виде звуков и букв. Фонема — основная единица звукового строя языка, предельный элемент, выде-

ляемый линейным членением речи, базирующимся на пространственной интерпретации мира и не учитывающим всю полноту свойств звуков – бесконечных тембровых оттенков, способов артикуляции, различия темпа, ритмических рисунков, уровня громкости, то есть временных параметров бытия. Слово как совокупность фонем в строго ограниченном количестве называет явление, маркирует пространство, фиксируя вибрационные координаты смысла личности и формируя смысловой профиль временной деятельности индивида через измерения оценки, силы, активности. Слово, отражая вибрации пространства, заставляет ощутить и пережить это явление, а в художественном тексте помогает создать художественный образ, теряя при этом собственную автономность и приобретая статус составляющего – тона – в некоего рода сплошной текучести, которая находит наиболее адекватное отражение через посредство искусства времени – музыки [35]. «Нам нужно вскрыть смысл времени, и уже потом откроется возможность говорить о приложениях этого смысла. Другими словами, нас интересует феноменология времени, то есть изучение в его непосредственно-смысловой данности» [36, с. 513].

Почему нас заинтересовала феноменология времени в «музыкальной» интерпретации? Вероятно, потому, что «музыкальное бытие есть план глубинного слияния субъектного и объектного бытия» [36, с. 456], во-первых. Во-вторых, музыкальное бытие интимно переживается человеком потому, что «в нем он находит наиболее интимное касание бытию, ему чуждому. Его «я» вдруг перестает быть отъединенным; его жизнь оказывается одновременно и жизнью предметов, а предметы вдруг вошли в его «я» и зажили единой с ним жизнью» [36, с. 456].

Слово, наречная нэма, одновременно становится знаком разновидности пространства и знаком, характеризующим особенности бытия (временного), то есть вибрации, звучания этого пространства – мотивом: *нагло, атайне, с улыбкой, снисходительно, смело, с улыбкой, двусмысленно, снисходительно, тихо, как мелкий гад; мелко – пространство полной адаптации личности (I); не толком, наугад, поскорей, негладко, весело, быстро, внезапно, громковато, некуда, коротко, торопливо, почти – собственно социальное пространство (II); хелло, естественно, вполне понятно, надо было ожидать, один к одному, естественно*

но, естественно, естественно, любопытно, обязательно – мертвое пространство (III); остро, до боли страшно, немного легче, совестно, маленько совестно, резко (ослабили ноги), потише, робко, серьезно, тихо, больно, стыдно – нравственное пространство личности (IV); хорошо, празднично, громко, самозабвенно, искренне, моментально – живое пространство (V); славно – охота – пространство дома (VI).

Наречная ноэма может играть роль ключа не только для интерпретации семантического пространства текста – некоторого поверхностного уровня текстовой структуры, но и для воссоздания глубинного уровня – гармонического (см. с. 27). «...музыка дает чистое качество предмета, не самый предмет, не его пространственно-временную определенность, но то, из чего этот предмет состоит, его «материю» [37, с. 317]; наречные ноэмы, описывая вибрационную длительность пространств, создают представление об энергичной материальности «Я», его вещиности.

Каждое пространство, точнее разновидность пространства семантического, наделено индивидуальным звучанием, линейная транскрипция которого совпадает с рядом ноэм, маркирующих тип того или иного пространства, то есть облачает индивидуальной музыкальной интонацией: интонацией хабанеры (I, размер 2/4), интонацией галопа (II, размер 2/4), интонацией эстрадной музыки (III, f ближе к джазовой разновидности, свинговая ритмическая организация и ритм-секция), интонацией вальса (IV, музыкальный размер 3/4), интонацией русской народной песни (V), интонацией вибрации (VI).

Интонация, определяющая характер звучания того или иного пространства, являет собой некоторый образец ответной реакции индивида на получаемые внешние раздражения – вибрации.

Некоторая общность отличает музыкальные интонации различных типов пространства: пространства полной адаптации личности, мертвого пространства, живого пространства. Интонация пространства полной адаптации личности есть вариант кубинского народного танца – хабанеры, который впоследствии получил довольно широкое распространение и признание в ином варианте – танго, одном из самых популярных танцев в Европе и Америке. Интонация мертвого пространства являет собой вариант импровизационной музыки, нечто среднее между джазовой

Типы пространства

Пространство					
полной адаптации личности	собственно-социальное	мертвое	нравственное личности	живое	дома
I	II	III	IV	V	VI
					славно
				хорошо поздично	
	не толком ивугад				
		хелло			
			остро до боли страшно немного легче		
		естественно			
нагло втайне с улыбкой					
			совестно		
	поскорей не гладко				
			маленько совестн.		
		вполне понятно надо было ожидать один к одному			
снисходительно					
		естественно естественно любопытно			
	весело быстро внезапно				
			резко		
				громко самозабвенно искренне	
	громкова- то				
			потихе		
смело с улыбкой					
	некуда				
			робко		
двусмысленно					
	коротко торопливо				
снисходительно					
			серьезно		
		обязательно			
	почти				
тихо, как мел- кий гад					
			тихо		
				моментально	
			больно стыдно		
					охота

интонацией и интонацией рэгги [38], восходящей к африканской народной музыке, интонационное строение которой тесно связано с разговорной речью, импровизацией. Интонация живого пространства повторяет по мелодике, по ритмической организации интонации русской народной песни, текучей, не обладающей явной ритмической структурой, но воспроизводящей «вибрации корней». Что понимается под «вибрацией корней»? Это тягучее и ритмичное одновременно звучание рэгги, при этом ударные инструменты особенно подчеркивают третью долю такта. Музыка рэгги – музыкальный манифест панафриканизма, характеризующийся «сырым» звучанием, то есть живым звуком – вибрацией, тесно связан с общинами растаманов, где был представлен в качестве декламации стихов политического или религиозного содержания под аккомпанемент тягучеритмической музыки. Рэгги как музыкальный стиль соотносится с культурой растафари – культом, делающим упор на культуру и самодеятельное искусство как средство «раскрепощения сознания», утверждающим, что, возродив в себе идентичность, человек открывает правду [38].

Общность пространств глубинная, соотносимая с временной организацией (музыкально-интонационной), базируется на народной музыкальной стилистике, в которой сочетается традиционность и индивидуальное творчество, проявляющееся в искусстве импровизации. Время есть единственное орудие для измерения пространства, как и пространство есть единственное орудие для измерения времени [39], хотя результаты этих измерений могут быть различными. Так, глубинное сходство типов семантического пространства не подтверждается сходством «поверхностным» – анализируемые типы пространств противопоставлены друг другу: с одной стороны, пространство полной адаптации личности, мертвое пространство, с другой – живое пространство. Но необходимо учитывать, что подобное противопоставление есть результат отражения индивидуальной впечатлительности, то есть его система знаков. Глубинная структура дает свидетельства, знаки должного опыта, который методом проб и ошибок, сопоставления приобретает индивид, опыта, не всегда безболезненного для человеческой самости, но позитивного для эволюционирования индивида как представителя сообщества.

Мелодическая организация живого пространства окказывается некоторым образом противопоставленной интонационному рисунку двух других пространств, но не «онто-

логически», а «этнически», ведь представлены различные варианты народной музыки. Интонация пространства полной адаптации личности может быть противопоставлена интонации живого пространства лишь в одном: первая из сугубо национальной превратилась в интернациональную, утратив при этом первозданную самобытность, чего невозможно сказать о второй. При сопоставлении интонации мертвого и живого пространств становится очевидным, что между ними достаточно много общего: обе являются следствием раскрепощения сознания, обе содержат элементы «вибрации корней», но самое главное – обе являются интерпретацией культурного национализма – разновидности утопического сознания, «основой которого служит миф об идиллической чистоте истинной, праведной культуры» [38, с. 283], свидетельством почвеннического сознания, отдающего приоритет «иррациональному» ряду, воплощаемому в собственном народе, связанного с оппозицией «родного» и «вселенского» [38]. И все-таки при такой общности эти интонации характеризуют совершенно противоположные начала – мертвое пространство, тем самым свидетельствуя, что при определенных условиях живое пространство может трансформироваться в мертвое, поскольку утрачивается «сквозной» характер культуры, ослабляется связь между ее нижними и верхними этажами [38], в массовое сознание начинает вживляться упрощенный аналог привлекательных концепций «русского национализма». В.М. Шукшин не подчеркивает противоречия единения этих двух пространств, как раз напротив, они, очевидно, в тексте противостоят друг другу, но на уровне гармонической организации текста (мелодико-временной) вскрывается несколько иной уровень интерпретации – скорее всего интерпретации энергетических вибраций, воспринятых из общечеловеческого банка информации.

Собственно социальное пространство и пространство личности (нравственное) интонировано в стиле бального танца: первое – галопа (музыкальный размер 2/4), бального танца, появившегося в первой четверти XIX в., второе – вальса (музыкальный размер 3/4), также танца бального. Художественный образ, создававшийся средствами народно-музыкальной ритмики в пространстве полной адаптации личности, мертвом пространстве, живом пространстве, доконструируется в собственно социальном пространстве и нравственном пространстве личности мелодикой танцевального искусства, древнейшего проявления народного

творчества, базирующегося на движениях и положениях тела танцовщика, то есть происходит сочетание собственно звукового (музыкально-временного) и пространственного ряда. Именно интонации классического танца, являющего собой определенную систему танцевальных движений, основанных на определенных позициях ног, рук, положении корпуса, головы, позволяют продемонстрировать двойную обусловленность, взаимную детерминацию социального и нравственного пространства: первое определяет параметры второго, требует ответных вибраций на свои внутренние движения, но именно движения индивида (ср.: танец – вид искусства, в котором основными средствами создания художественного образа являются движения и положения тела танцовщика) детерминируют движения изменения социума, отсюда личность, сообщество личностей, и создает социальное пространство. Интонация бального танца объединяет по звучанию оба типа пространства, мелодика каждого из которых отличается своим музыкальным размером, причем имеет место довольно интересная особенность, открывающая вибрационную природу классического танца (музыки). Дело в том, что существует в медицине такое понятие, как ритм галопа – звуковой симптом ослабления мышцы сердца, выражающийся в появлении при каждом сердечном цикле добавочного третьего тона. При сопоставлении музыкального размера галопа и вальса возможно обнаружить изменение ритмической фигуры в последнем через введение добавочного третьего тона (ср.: музыкальный размер галопа $2/4$, вальса – $3/4$), что является свидетельством мутаций интонационных и модификаций ритмических, которые характеризуют жизнедеятельность одного целого и его составляющих (социальное пространство – сердце, личность /нравственное пространство личности/ – сердечный клапан). Изменение ритмической организации служит показателем предрасположенности целого к функциональной недостаточности, невозможности полноценного восприятия вибраций извне, тогда как завораживающее, тягучее и ритмичное одновременно звучание народной музыки и есть самая вибрация (причем в рагги особенно подчеркивают именно третью долю такта – знаменитый прием «одна капля») с акцентацией на третьем тоне, тоне «персоналистского звучания».

Таким образом, при анализе мелодической (музыкальной) структуры каждого пространства становится оче-

видно, что все типы пространства могут быть разделены на две группы: пространства, интонационно организованные по законам народной музыки, и пространства, интонированные по законам «светской» (бальной) музыки. К первым должно отнести пространство полной адаптации личности: *нагло, втайне, с улыбкой, снисходительно, смело, с улыбкой, двусмысленно, снисходительно, тихо, как мелкий гад, мелко*; мертвое пространство: *хелло, естественно, вполне понятно, надо было ожидать, один к одному, естественно, естественно, естественно, любопытно, обязательно*; живое пространство: *хорошо, празднично, громко, самозабвенно, искренне, моментально*; ко вторым — собственно социальное пространство: *не толком, наугад, поскорей, негладко, весело, быстро, внезапно, громковато, некуда, коротко, торопливо, почти*; нравственное пространство личности: *остро, до боли, страшно, немного легче, совестно, маленько совестно, резко (ослабли ноги), потише, робко, серьезно, тихо, больно, стыдно*.

Интонационная противопоставленность делает очевидной дихотомию: народ—общество, личность, которая, голографически развернутая, предстает в трех вариантах: народ—личность, народ—общество, личность—общество, тем самым являя точный слепок с мироздания индивида в определенное время, в определенной стране, в определенных условиях. Наиболее парадоксальной с точки зрения интонационной выраженности предстает оппозиция народ—личность, поскольку музыкальное звучание каждого из компонентов близко вибрации. В поисках ответа попытаемся исходить из того, что компоненты оппозиций есть составляющие условно-категорического силлогизма, данные в виде ключевых элементов посылок и заключения, где совпадающим, а следовательно подлежащим опущению, является компонент «народ», при заключении «личность—общество», или «индивид—совокупность индивидов». Внешнее, поверхностное объединение двух категорий — народ и личность, подтвержденное гармонией звучания (вибрацией), на более глубоком уровне не подтверждается в тексте, что может быть результатом функционирования социума как системы определенных правил и установок в тот или иной момент истории человечества.

Стевидно, для обоснования подобного положения достаточно привести следующее определение: «Народ: 1) в широком смысле слова — все население определенной страны;

2) термин, употребляемый для обозначения различных форм этнических общностей; 3) в историческом материализме *народ, народные массы* – социальная общность, включающая на различных этапах истории те *слои и классы*, которые по своему объективному положению способны участвовать в решении задач прогрессивного развития общества: *творец истории, ведущая сила коренных общественных преобразований*» [40, с. 386] (выделено мной. – Н.Х.). В ряду, формирующем категорию народ, народные массы, общность, слои, касты, творец истории, сила преобразований – только одно (общность) может быть соотнесено с категорией личности, все остальные «принципиально» противопоставлены ей (ср.: «Общность – совокупность людей, объединяемая исторически сложившимися устойчивыми социальными связями и отношениями и обладающая рядом общих признаков (черт), придающих ей неповторимое своеобразие» [40, с. 437].

Особым типом звучания отличается пространство дома – чистая вибрация, фиксирующая текучесть, длительность и временную бесконечность жизни (*славно-охота*), связь с космической длительностью.

Характеризуя особенности звучания семантического пространства как некоего целого, можно считать его «своего рода отражением тенденции к глобальному культурному синтезу, к универсализации культурно-исторического бытия человека, складыванию общепланетарной цивилизации» [38, с. 289].

Интонационное многообразие звучания пространства упорядочивается логикой разворачивания музыки во времени – логикой гармонической горизонтали (функциональной логикой), избирая в качестве основного, организующего понятия гармонию, которая среди различных средств музыкальной выразительности занимает одно из ведущих мест, уступая по своей значимости в музыке только мелодии [41]. Партитура всего анализируемого произведения может быть представлена в виде соответствующей записи, в которой наречные ноэмы, маркируя мотив каждого пространства, одновременно являются (каждая из них) тоном гармонической системы произведения, получающим воплощение в форме инвенции, полифонического жанра, основанного на использовании приемов имитации. Музыкальная интерпретация анализируемого рассказа реализуется в двухчастной форме, что, в принципе, соответствует при-

роде инвенции (инвенция от лат. inventio – изобретение, выдумка, небольшая музыкальная пьеса, в которой существенное значение имеет какое-либо оригинальное решение, находка в области мелодического извития, формообразования, инвенции – это полифонические пьесы, написанные в двух- или трехчастной форме старинного типа) [41]. Таким образом, тема произведения излагается в форме периода, образующегося из двух предложений, которые в свою очередь разбиваются на такты. Структурная обустроенность музыкального произведения трактуется через понятие музыкальной формы. Наименьшая смысловая и структурная единицы музыкальной формы – мотив, два и более мотивов образуют фразу, из фраз складывается предложение, два предложения часто образуют период (обычно 8 или 16 тактов). В форме периода обычно излагаются темы музыкального произведения.

Первое предложение состоит из следующей последовательности тактов:

1. VI (славно) – V (хорошо) – V (празднично);
2. II (не толком) – II (наугад) – III (хелло);
3. IV (остро) – IV (до боли) – IV (страшно) – IV (немного легче);
4. III (естественно) – I (наглозато) – I (втайне);
5. I (с улыбкой) – IV (совестно) – II (поскорей);
6. II (гладко) – IV (маленько совестно) – III (вполне понятно);
7. III (надо было ожидать) – III (один к одному) – I (снисходительно);
8. III (естественно) – III (естественно) – III (любопытно);
9. II (весело) – II (быстро) – II (внезапно) – IV (резко).

Второе предложение периода, соответственно, может быть представлен также последовательностью тактов:

1. IV (резко) – V (громко) – V (самозабвенно) – V (искренне);
2. II (громковато) – IV (потихе) – I (смело);
3. I (с улыбкой) – II (некуда) – IV (робко);
4. I (двусмысленно) – II (коротко) – II (торопливо);
5. I (снисходительно) – IV (серьезно) – III (обязательно);
6. II (почти) – I (тихо, как мелкий гад) – IV (тихо);
7. V (моментально) – IV (больно) – IV (стыдно) – VI (охота).

В первом предложении функции тоники – основного устоя лада – берет на себя первая ступень – IV (славно), мотив пространства дома; функцию доминанты выполняют

3, 5, 7 ступени – соответственно, IV (остро), мотив нравственного пространства личности; I (с улыбкой), мотив пространства полной адаптации личности; III (надо было ожидать), мотив мертвого пространства.

Во втором предложении тоника представлена мотивом нравственного пространства личности: IV (резко (ослабили ноги)), в качестве доминанты актуализируются мотивы пространства полной адаптации личности: 3 ступень – I (с улыбкой); 5 ступень – I (снисходительно), и живого пространства: 7 ступень – V (моментально).

Доминантно-тонические особенности каждой из частей иллюстрируют также специфику их полифонической организации. Первое положение отличается имитационной полифонией, возникающей при передаче той же темы – нравственности – из голоса в голос (пространство доминантно-нравственное пространство-личности), контрастно-тематической, характеризующейся сочетанием контрастных тем-мотивов нравственного пространства личности и мертвого пространства, и подголосочной разнообразностью полифонии – подголосочная полифония образуется при одновременно: звучании основной мелодии (полная адаптация личности), и ее вариантов-подголосков (мотив мертвого пространства); подголосочная полифония характерна для русской народной песни.

Второе предложение построено на основе неполнообратимого контрапункта (приема, который используется при построении полифонических произведений, в частности, инвенций, и сущность которого заключается в том, что при повторении тем одна из них проходит в обращении, а вторая – в неизменном виде). Тема нравственного пространства личности, заявленная в первом предложении как доминанта, в неизменном виде повторяется во втором предложении, меняя, правда, при этом ладовую функцию доминанты на функцию основного устоя. Тема же соотносительности полной адаптации личности и мертвого пространства первого предложения при повторении проходит в обращении: полная адаптация личности – живое пространство. Таким образом, первое и второе предложения с точки зрения полифонической организованности характеризуются имитационной полифонией: пространство дома (1)–нравственное пространство личности (2), контрастно-тематической полифонией: полная адаптация личности – мертвое пространство (1) и полная адаптация личности – живое пространство (2), а внутренняя полифоническая устроена

ность второго предложения создается подголосочной полифонией. Сочетание приема неполнообратимого контрапункта и подголосочной полифонии во втором предложении неожиданно переводит в мажорный лад мотив полной адаптации личности, то есть гармонического слияния личностных ценностей и ценностей социальных на основе нравственного (вселенского) созвучия.

Анализируемый период отмечен репрезентацией мажорного и минорного типов ладов. В каждом из них семь степеней, восьмая есть повторение первой октавой выше, и она становится первой ступенью того же лада в следующей октаве. Первое предложение характеризуется сочетанием мажорного (тоника первого семизвучия – VI (славно)) и минорного типов лада (минорный лад соотносится с восьмой ступенью – III (естественно)); второе предложение, ладо-тональность которого определяется по тонике, выписано в мажоре.

Мажорно-минорная маркированность вертикальной стороны гармонии первого предложения в логике гармонической горизонтали интерпретируется через доминанты фраз. Примеры фразы: VI (славно) – V (хорошо) – V (празднично) (см. с. 32), так же, как и мажорная тональность второго предложения.

Доминанты гармонической горизонтали первого предложения, организованные в трезвучия, дают образцы взаимодействия парадигмы поведения индивида и существующей оценочной парадигмы, то есть некоторого варианта идеализированной модели мира. Идеализированная модель «не столько познается, сколько создается. Ее творцом является человек, и это дает ему право на варьирование. Как и всякий конструкт, идеализированная модель мира состоит из блоков. Этими блоками являются нормы, изменчивые в одной части и устойчивые в другой, эксплицитные в применении к одним объектам и неэксплицитные в применении к другим... Нормы строятся на упрочении связи между мотивами оценки и самой оценки... между оценочными предикатом и объектом оценки всегда стоит человек – индивид, социальная группа, общество, нация, Человечество» [42, с. 58].

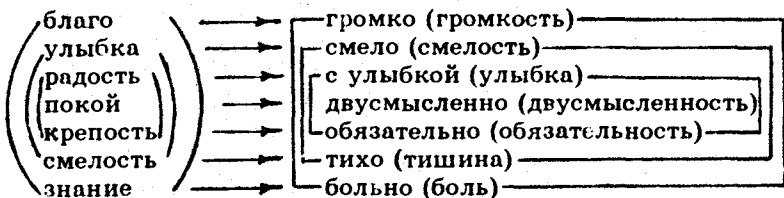
Три типа блоков представляют идеализированную модель: блок поведения индивида, блок нормы (положительной оценки) и блок оценки ненормативности явления (соответственно, блоки обозначены 2, 3, 1). Итак, гармоническая горизонталь первого предложения формирует эти-

ческую модель мира: славно (1)–не толком (2)–страшно (3), втайне (1)–поскорей (2)–вполне понятно (3), надо было ожидать (3)–любопытно (2)–резко (1). Логика гармонической горизонтали есть логика развертывания во времени, которая определяется ноэмами *не толком, поскорей, любопытно*, причем последняя из них является своеобразным знаком-маркером и поведения индивида, и личности вообще. Блоки нормированности/ненормированности, с одной стороны, демонстрируют градацию этической оценки, существующей в социуме, с другой – свидетельствуют о наличии вселенской дихотомии «Зло–Добро», явление которых может быть зафиксировано одними и теми же знаками (ноэмами). Так, блок оценки ненормированности поведения представлен ноэмами *славно, втайне, резко*, первая и последняя из которых маркируют пространство дома и нравственное пространство личности. Подобная двуединость ноэмы есть сигнал для личности быть внимательной и осторожной: не все, что видится благом на поверхностном, пространственном приближении, остается им при глубинном, временном изучении. Человек, находящийся на стадии «любопытного», детского взаимоотношения с миром, не способен различать знаки Добра и Зла, а потому не способен по-настоящему делать добро и защитить себя от зла, отсюда мажорно-минорная маркированность вертикальной стороны гармонии первого предложения.

Доминанты гармонической горизонтали второго предложения создают образец модели мира (Вселенной), ее звучания, сопряженного со звучанием индивида в вечности и беспредельности. Ср.: громко–смело–с улыбкой–: двусмысленно :–обязательно–тихо–больно. Подобное развертывание гармонической горизонтали конструирует некую сферическую модель, движение составляющих которой рождает музыкальную полифонию личности, а также формирует представление об основных нравственных (=жизненных) параметрах человека. Уместно, на наш взгляд, сопоставить вычлененную цепочку ноэм и начальный фрагмент книги «Зов» (Листы сада Мории. Зов//Москва, 1990) [43, с. 16].

Я – твоё благо.
 Я – твоё улыбка.
 Я – твоё радость.
 Я – твоё покой.
 Я – твоё крепость.
 Я – твоё смелость.
 Я – твоё знание.

Этот фрагмент дает свидетельства о семеричности земного бытия и основных, «несущих» этических конструкциях человека, что схематично в сравнении с моделью, созданной В.М. Шукшиным в рассказе «Медик Володя», может быть представлено следующим образом:

Модель, составленная на основе текста Живой Этики, иллюстрирует основные этические константы, характеризующие человека как существо галактическое, порожденное Вселенной и живущее по ее законам, модель, реконструированная по тексту В.М. Шукшина, свидетельствует о «земной» интерпретации этих этических констант. Так, благо – это возможность *громко* заявить о себе; улыбка – это способность *смело* общаться с другим человеком, при этом не унижая ни его, ни себя; радость – это обращение к другому, к миру *с улыбкой*, гарантирующей понимание воспринимающей стороны; покой – адекватного понимания этого понятия на Земле не существует: есть только представление, что покой – это остановка, невозможность вернуться в динамичное состояние, а значит – смерть, покой – это плохо, хотя именно состояние покоя обеспечивает возможность погружения индивида в себя, а следовательно, возможность познания себя; крепость – это потребность *обязательно* выполнить то, что ты должен осуществлять (и осуществить) за свою жизнь, *смелость* человека заключается не в способности «громкого» *самовыражения*, а в умении *тихо* понять другого, *тихо* ощутить и выразить свою сопричастность к другому и миру; знание – это боль за другого, за собственное незнание и неумение помочь и наделить знанием другого, это боль за себя, за невнимание к твоему знанию.

Актуализация личностного начала в рассказе осуществляется за счет развития бесконечной мелодии, определяемой не извне задаваемыми ритмическими закономерностями, а «обостренными гармоническими тяготениями» [36, с. 334]. «...Создается непрерывная цепочка напряжений с достаточно относительными разрешениями этих на-

пряжений. Проявлением этой волнообразной напряженности в плане линейного движения выступает бесконечная мелодия, чуждая закругленному кадансированию и четким мелодическим периодом и обладающая неограниченными способностями к саморазвитию» [35, с. 333].

Интонационное многообразие звучания пространств, репрезентирующих динамику личностного начала, упорядочивается логикой развертывания гармонической горизонтальности, согласно которой конструируются модели, движение составляющих которых обуславливает полифонию личности, созвучную по своей организации с музыкой сфер (звучанием Космоса).

§3. Феноменология пространства-времени в тексте В.М. Шукшина

Трансцендентное поле текста В.М. Шукшина организуется сингулярностями – трансцендентальными событиями. Сингулярности могут использоваться и как основные единицы при описании картины эволюции Вселенной, а именно сингулярного, то есть точечного состояния Вселенной. В сингулярности сильнейшим образом изменяются свойства пространства и времени, следовательно, наречные нозмы, и являющие собой подобные текстовые сингулярности трансцендентального порядка, содержат в себе сигналы о таких возможных изменениях, с одной стороны. С другой – наречные нозмы, будучи трансцендентальными событиями, наделены всеми свойствами, присущими последним. Что это значит?

Пространство и время – это формы существования материи [44], априорные формы чувственности, формальные предпосылки познания трансцендентального [22] бытия. «Бытие есть простая бессодержательная непосредственность, имеющая свою противоположность в чистом ничто, а их соединение представляет собой *становление*: как переход от ничто к бытию – это *возникновение*, наоборот – *прехождение* [4, с. 95]. Феноменология пространства-времени касается раскрытия форм трансцендентной актуализации индивида в аспекте его бытия: вероятностное пространство открывает переход от ничто к бытию, то есть дифференцирует процесс возникновения личности в перцептуально-социальном пространстве, градуированном степенями: собственно социальное пространство, нравственное

пространство личности, мертвое пространство, живое пространство, пространство полной адаптации личности, пространство дома. Вероятностное время, напротив, демонстрирует переход личности от бытия и ничто через ступени имитационной полифонии, контрастно-тематической полифонии и подголосочной полифонии к полифонии Космоса – музыке сфер. «Человеческое бытие может вступать в отношение к сущему только потому, что выдвинуто в Ничто. Выход за пределы сущего совершается в самой основе нашего бытия» [52, с. 26]. Нечто, коим является личность, благодаря тому, что оно есть, подвержено изменению. «Оно изменяется, поскольку его определенность в связи с иным становится устранимостью» [4, с. 96]; «Поскольку характер вещи вследствие изменения вообще снимается, снимает себя и само это изменение. Тем самым бытие вернулось в себя самого и исключает из себя иное. Оно есть теперь для себя. Оно есть *одно*, соотносящееся только с самим собой, а по отношению ко всему иному *отталкивающее*» [4, с. 97]. Снятое для-себя-бытие есть количество, которое, как ограниченное количество, есть некоторое «сколько», величина. Личность в своем бытии являет величину либо дискретную, в форме внешнего существования – величину экстенсивную, либо непрерывную, в форме в-себе-бытия – величину интенсивную, величину, служащую средством исчисления трансцендентального бытия, равную трансцендентальному событию, под которым будем подразумевать некоторое метафизическое явление, выражающееся в том или ином изменении состояния материи духовной (в качестве аналога для рассуждения взято понимание термина «событие» как некоторого физического явления, выражающегося в том или ином изменении состояния материи в микромире» [46, с. 7]). Объединенная геометрия пространства-времени дает возможность рассматривать соседство событий-личностей не только в пространстве, но и во времени. В связи с этим оказывается вероятным положить в основу упорядочивания событий-личностей причинность, то есть форму *генетической* связи между событиями-личностями.

События-личности наделены одной генетической интеллектуальной конституцией, то есть характеризуются одним интеллектуальным генотипом, следовательно, вероятнородство – величина экстенсивная, исключаящая трансцендентальное бытие. Сингулярности-события распределяются в собственно проблематическом поле и воз-

никают в этом поле в виде топологических событий, характеризующихся метастабильностью, благодаря которой существует динамическая топология. Все содержание внутреннего пространства находится в топологическом контакте с содержанием внешнего пространства на пределах живого – семантический мир текста взаимодействует с семантической Вселенной. Вся масса живой материи, содержащаяся во внутреннем пространстве, активно наличествует во внешнем мире на пределе живого, где внутреннее прошлое и внешнее будущее встречаются. Поскольку события-личности эксплицируют своим бытием изменения духовной материи то, вероятно, видеть в них разные формы актуализации одного интеллектуального генотипа (ср.: Бредбери Р., Камю А., Ремарк Э.М., Лондон Д., Сэлинджер Д.Д., Хемингуэй Э.; Гегель Г.В.Ф., Спиноза Б.; Ленин В.И., Маркс К., Хрущев Н.С. и т.д. – ряды составлены на основе данных Блока «Мировая и отечественная культура в произведениях В.М. Шукшина» Проспекта словаря-справочника) [47], пространственные микрокосмы-события трансцендентального сущего.

Вибрационная впечатлительность личности, описываемая через амплитуды колебаний мелодического порядка от импульсов имитационной полифонии до импульсов подголосочной полифонии, позволяет создать представление о личности-сингулярности как о некотором колебательном контуре, в котором могут возбуждаться собственные колебания, обусловленные «перекачкой» энергии из трансцендентного космического конденсатора генотипа в трансцендентное поле индивида, и наоборот.

Итак, описание феномена индивидуально-личностного начала человека вскрывает особенности текста в его континуальной явленности. Дискретная ипостась текста детерминирована свойствами текста как живой системы, представляющей духовную форму проявления жизни. Вероятностное пространство актуализирует ноэмную форму жизни текста, тождественную организменной форме бытия других живых систем. Ноэма-наречие аналогична элементарным составляющим живых организмов – клеткам, которые способны приходить в особое физиологическое состояние, получившее название «компетентность», «когда клеточная стенка становится проницаема и бактерия может активно «присваивать» ДНК из внешней среды, включая в свой клеточный геном большую часть усвоенного полимера» [48, с. 36]. Наречия-ноэмы способны поглощать, а точ-

нее, конденсировать информацию из окружающей среды текста, включая в свой геном. Наречная ноэма может иметь изменяющийся уровень активности, причем его связи передают активность от одного слова к другому. При этом каждое слово способно хранить суммарную активность, полученную в течение некоторого промежутка времени, поэтому функционирование текста может быть описано с помощью понятий стохастического ветвящегося процесса.

Наречная ноэма может быть определена как некая стохастическая точка, маркирующая и позволяющая найти в пространстве ситуацию, или несколько возможных ситуаций, вариативных по отношению друг к другу, в семантике возможных миров. Точка-наречие есть вход в определенную систему концептов, развертывающихся градиционно-постепенно, причем эти концепты классифицированы по их соотношенности с грамматической природой знака – глагол, существительное, прилагательное, соответственно: вербальные, субстантивные, адъективные концепты.

Ноэмная форма жизни текста протвояется в двух типах сцеплений, репрезентирующих свойства наречной ноэмы как энтелехии и как монады-души. Энтелехия в философии Аристотеля наряду с энергией обозначает актуальную действительность предмета, конечный результат перехода от возможности к действительности, приближаясь к понятию формы (в отличие от материи, являющей собой чистую возможность) [49]. Сингулярности-ноэмы формируют трансцендентное поле текста В.М. Шукшина, они соответствуют неоднородным сериям, организованным в систему, которая наделена потенциальной энергией, распределяющей различия между сериями, формирующими пространственные горизонталы текста, геометрию трансцендентного поля, маркируемую линией – своеобразной волновой функцией текста (иначе вектор состояния текста), описывающий состояние текста как системы и позволяющий находить вероятности и средние значения характеризующих ее трансцендентных величин – ноэм-сингулярностей; волновая функция текста, или горизонталь семантического пространства, может также рассматриваться как амплитуда семантических вероятностей текста. Кроме того, нужно иметь в виду, что «пространство космоса есть линия» [8, с. 35]. Следовательно, в тексте В.М. Шукшина актуализируется шесть вариантов космического пространства, или пространства космоса в шести измерениях, а вероятно, шести возможных интерпретациях человеческого сознания.

Каждая текстовая линия составлена из точек-сингулярностей. «Пространство космоса есть сущее, или единое, единичное. Это значит, что пространство есть точка. Стало быть, точка есть пространство, рассмотренное как единичность, или, подставляя в эту формулу категории понятия пространства, точка есть единичность подвижного покоя самотождественного различия, данная как своя собственная гипостазированная инаковость и рассмотренная как с мотождественное различие аналогического становления этой инаковости, причем это самотождественное различие в свою очередь рассматривается как единичность. Полное и точное определение точки, таким образом, обладает четырехступенной природой. Во-первых, понятие точки предполагает понятие числа. Значит она есть единичность подвижного покоя самотождественного различия. Во-вторых, она не просто число, но число воплощенное, то есть, собственно, нечто иное, ставшее числом. Стало быть, надо говорить о гипостазированной инаковости этой единичности...» [8, с. 233-234].

По своей природе точки-сингулярности, организующие текстовую линию семантической Вселенной В.М. Шукшина, двойки: это нозмы-события, описанные ранее, и точки, которые можно поименовать каждую в отдельности как «комоч событий». Понятие «комоч событий» в микромире толкуется в качестве совокупности реальностей, связанных между собой, но не вытекающих друг из друга, то есть реальностей, не упорядоченных во времени, рассматриваемых как комплексные единицы: *нагло вато, втайне, с улыбкой; смело, с улыбкой; тихо, как мелкий гад* (пространство полной адаптации личности); *не толком, наугад; поскорей, не гладко; весело, быстро, внезапно; коротко, торопливо* (собственно социальное пространство); *вполне понятно, надо было ожидать, один к одному; естественно, естественно, любопытно* (мертвое пространство); *остро, до боли, страшно, немного легче; больно, стыдно* (нравственное пространство личности); *хорошо, празднично; громко, самозабвенно, искренне* (живое пространство). Обнаружение в трансцендентном поле текста подобных «комоч событий» позволяет предположить, что социальное пространство у В.М. Шукшина по своим энергетическим свойствам может быть приравнено вакууму, который в квантовой теории поля рассматривается как низшее энергетическое состояние этого поля: среднее число единиц — квантов поля — в вакууме равно нулю, то есть энер-

гетическая достаточность события в «семантическом» вакууме равна нулю, иначе – невозможно по нозмам-сингулярностям восстановить энергетический облик пространства. И только сингулярности, описываемые как «комки событий», или звезды, выделяют в вакууме избранную точку и избранные направления – направления ее лучей-импульсов.

Точка предполагает понятие числа, которое определяет количественно каждое пространство с двух сторон: во-первых, со стороны общего количества точек, создающих горизонталь семантического пространства; во-вторых, со стороны количества точек-звезд, свидетельствующих вообще о существовании данного типа пространства. Таким образом, каждый тип семантического пространства характеризуется своей числовой пропорцией, которая может быть прочитана с привлечением данных о числовой семантике пифагорейской математики [58]. *Пространство полной адаптации личности*: 6:3 (первое число – общее количество точек в линии пространства, второе число – количество точек-звезд) – соответственно, семантическая пропорция на основе сопряжения значений, присущих числу: совершенство всех частей, форма всех форм, сочленение Вселенной, делатель души, гармония: дух, ум, душа, равновесие единиц, мудрость, люди организуют настоящее, предвидят будущее, используют опыт прошлого. *Собственно социальное пространство*: 7:4 – число религии, человек управляет семью небесными духами, число жизни: изначальное, всему предшествующее число, корень всех вещей, источник Природы; душа состоит из тетрады, при этом четыре силы души – это ум, наука, мнение и чувство; тетрада связывает вещи, числа, элементы, сезоны. *Мертвое пространство*: 5:2 – священный символ здоровья, света, жизненности, равновесие, символ Природы, потому что, будучи умножена сама на себя, она возвращается к себе; пентада представляет все высшие и низшие существа: дух, зло, мрак, неравенство, нестабильность, подвижность, дерзость, смелость, спор, материя, несходство, символ невежества, символ матери мудрости, потому что невежество по своей собственной природе ведет к рождению мудрости. *Нравственное пространство личности*: 9:3 – ошибки, недостатки, число человека, граница, сфера воздуха, зло (потому что это перевернутая 6), зарождение жизни: дух, ум, душа. *Живое пространство*: 3:2 – гармония, мудрость, со-

вершенство всех частей, душа, ум: дух, дерзость, смелость, материя, спор.

Поэзная форма жизни в разновидности энтелехии интерпретируется через язык числового видения мира, толкующего континуальность полей сознания, развивая таким образом представление о вероятностном видении Мира.

Поэзная форма жизни текста может актуализироваться в виде монады, могущей, с одной точки зрения, быть названной силой, с другой – материей [50]. Наречная ноэма-монада может быть определена как некая стохастическая точка, маркирующая и позволяющая найти в пространстве ситуацию, или несколько ситуаций, вариантных по отношению друг к другу, в семантике возможных миров. Точка-наречие есть вход в определенную систему концептов, развертывающихся градационно-постепенно, причем эти концепты классифицированы по их соотносительности с грамматической природой знака – глагол, существительное, прилагательное, соответственно: вербальные; субстантивные, объективные. Поэзная форма жизни определяет Монадическую Эволюцию. Эта эволюция, рассматриваемая с ее нескольких основных точек, то есть как Вселенская и Индивидуализированная Монада и как главные аспекты Развивающейся Энергии после дифференциации, аспекты чисто Духовный, Интеллектуальный, Психический и Физический, что маркируется, соответственно, наречием, глаголом, прилагательным, существительным. Глагольное слово передает сложную ситуацию, состоящую из комплекса органически связанных друг с другом действий одного и того же лица [51], мотивированных интеллектуально-когнитивной организацией человека. Прилагательное отражает пластику вещи, выразительность ее объемной формы, показывает осязательность взгляда художника, создающего индивидуальную перцептуальную модель вещи и Вселенной. Существительное может фиксировать цикличность, периодичность бытия, отражает осязаемость повторения одного и того же цикла движений, визуальную документацию происходящего. Ближнее видение автора (глагол, прилагательное) дополняется дальним (наречие, существительное), позволяя увидеть весь мир с одной точки зрения – сразу и целиком, в слиянии заполненных объемов и пустого пространства.

Монадическая Эволюция может быть сформулирована, таким образом, как неизменный закон: нисхождение Духа в Материю, эквивалентное восхождению в физичес-

кой эволюции; восхождение из глубин материальности к ее *status quo ante*, с соответственным разложением конкретной формы и субстанции вплоть до «нулевой точки».

Обнаружение в тексте маркеров эволюционирования — прежде всего стохастической точки-ноэмы — характеризует текст как фрагмент эволюционирования духовной материи, переконструирования семантической Вселенной человека и социума. Следовательно, ноэмная форма жизни текста уподобляет его бытие существованию других живых организмов, живых систем. «...все простые субстанции или сотворенные монады можно назвать душами; но так как чувство есть нечто большее, нежели просто восприятие, то я согласен, что для простых субстанций, имеющих только последнее, достаточно общего названия монад..., а что душами можно называть только такие монады, восприятия которых более отчетливы и сопровождаются памятью» [50, с. 324]. Ноэма является той точкой, через которую текст подключается к континуальному сознанию, вписывается в семантическую материю человечества, входит в макроструктуру космоса. Отсюда специфика текста — преодоление энтропических тенденций в плане космологическом, организация сознания, функционирование в качестве инструмента, посредством которого организуется микрокосм, в результате чего текст способствует выделению микрокосма-сознания.

Таким образом, феноменологическое рассмотрение пространства-времени в тексте В.М. Шукшина характеризует актуализацию континуального сознания, вход в которое есть измененное состояние сознания, обусловленное духовным творчеством прежде всего, показателем состоятельности которого является текст. Феноменологический анализ на данной ступени открывает текст в аспекте его ноэмной формы бытия, репрезентируемой через наречные ноэмы-сингулярности, явленные в двух разновидностях — интелехии и монады-души. Формой трансцендентной актуализации индивида представляется событие-личность, совокупность которых наделена одной генетической интеллектуальной конституцией, предполагающей один интеллектуальный генотип, исчисляющий трансцендентальное бытие. Интеллектуальный генотип определяет этап абсолютного духа, отличающийся реализацией самосознания абсолютной идеи [52], прежде всего единства идеи жизни и идеи познания, и понимаемый как конкретное единство личности, общества и смысла.

Форма коммуникации – общения сознаний, эксплицируемая на этом уровне феноменологического анализа, есть материя, результирующая, создающая некоторую форму-образ текста и личности. «Духовное зрение, обостряющее и усиливающее телесное зрение, позволяет нам прозревать за материальным миром мир Форм: материальный мир – лишь «видимое воплощение» Форм, в них его объяснение. Что касается самих Форм, они не нуждаются в объяснении, бесполезно искать их смысл, цель. Их смысл – в них самих; они таковы, как они есть, не потому, что должны быть такими, как есть. Формы не нуждаются в объяснении, и смысл их в них самих, потому что они живые... всякая Форма стремится к целостности и совершенству на свой лад, исходя из своего предназначения. Мир Форм не реализует какую-либо программу или трансцендентный план. Можно сказать, что он создается самопроизвольно» [6, с. 37-38]. Форма принадлежит Уму, то есть миру Форм.

Часть 2

ВЕРОЯТНОСТНАЯ СУБСТАНЦИЯ

§1. Вероятностная субстанция (рассказ «Осенью»)

«Под субстанцией я разумею то, что существует само в себе и представляется само через себя, то есть то, представление чего не нуждается в представлении другой вещи, из которого оно должно было бы образоваться» [53, с. 59].

Трансцендентное поле текста В.М. Шукшина описывается как порядок расположения явлений или отношение их сосуществования. Элементарным явлением, или элементарным событием, пространства становится точка-сингулярность (трансцендентальное событие), обладающая индивидуальными признаками, характерными для осуществляющего в ней события.

Каждая точка (вещь) в текстовом пространстве есть необыкновенно малая в некотором отношении индивидуальность – «метафизическая точка». При этом необходимо иметь в виду, что под вещью понимается действующее лицо, человеческая субстанция, принимающая участие в описываемых событиях-процессах – Филипп Тюрин, его жена, Мария, Павел.

«Метафизические точки», по Г. Лейбницу, поясняются через метафизический дифференциал, обозначающий минимальность отличия одной точки-монады от наиболее близких к ней по качеству (степени развития) других монад – элементарных событий, Филиппа, Марии, Павла. Будучи метафизически...и точками, или «живыми пулями», субстанции могут быть названы метафизическими индивидуальностями, то есть монадами трансцендентной материи, подтверждением реальности существования которой они и являются. Кроме того, метафизический дифференциал выражает качественное разнообразие всех монад, отсутствие абсолютного «дна» в монадах и невозможность для них полной смерти, с. мволитизирует неисчерпаемость, бесконечную сдержательность каждой монады, ее непротяженность.

Каждая монада есть живое зеркало Вселенной, своего рода «сжатая Вселенная», таким образом, в ограниченной индивидуальности оказывается заложена и тем самым пред-

ставлена бесконечная всеобщность. «Так как все наполнено (что делает всю материю связною) и так как в наполненном пространстве всякое движение производит некоторое действие на удаленные тела... всякое тело чувствует все, что совершается во Вселенной, так что тот, кто все видит, мог бы в каждом теле прочесть, что совершается повсюду; и даже то, что совершилось или еще совершится, замечая в настоящем то, что удалено по времени и месту, все дышит взаимным согласием, как говорил Гиппократ, *συνρνοία πάντα*. Но душа может в себе самой читать лишь то, что в ней представлено отчетливо; она не может с одного раза раскрыть в себе все свои изгибы, ибо они идут до бесконечности» [50, с. 349].

Метафизические точки соседствуют не только в пространстве, но и во времени, поэтому оказывается возможным положить в основу их упорядочивания причинность, то есть форму генетической связи между событиями, что обуславливает отсутствие пропусков на мировой линии монад и оформление континуума вещей, располагающихся на ней. Принцип непрерывности дает общую характеристику «качественных окрестностей» каждой метафизической точки. Этот принцип означает временную и содержательную взаимосвязь вещей: любая вещь «согласована» с ее прошлым и будущим состояниями, а в данный момент времени — со всеми прочими вещами. Качественная окрестность каждой метафизической точки, пересекаясь с аналогичной окрестностью другой метафизической точки, образует некоторое поле взаимности, маркерами которого в тексте выступают единицы лексического порядка. Так, поле взаимности точек Мария-Павел отмечено лексемами: **СЕРДУЦЬ-БОЛЬ-СЕМЬЯ-ДЕТИШКИ**; Мария-Филипп — **ДЕЛО-КОМСОМОЛЬЦЫ-НАРОД-ПАРОМ-МАШИНА-БРЕНА**; Павел-Филипп — **МЫСЛИ**; поле взаимности метафизических точек Филипп-жена не имеет субстантивных маркеров.

Семантическое поле взаимности задает представление о психологическом пространстве, в котором вероятно осуществление перехода от личного начала к межличностному. «...межличностные отношения могут иметь два различных модуса. Один из них — коммуникационный, являющийся типичным для нашей культуры. Человек взаимодействует с другими на деловом логически структурированном уровне, оставаясь замкнутым на самого себя, сохраняя в неприкосновенности свою селективно взвешен-

ную систему ценностных представлений $p(\mu)$ » [54, с. 115]: Мария-Филипп. Другой модус взаимодействия – трансперсональный, характеризуемый размыканием индивидуализма, трансформацией ценностных представлений личности, позволяющих создать гиперличность. В тексте заявлено два варианта актуализации гиперличности: как интеллектуального сверхъединства (Павел-Филипп=ОН) и как гиперличности, «которая может проявлять себя и как нечто целое, и как состоящее из корреляционно связанных частей, имеющих и свое индивидуальное лицо» [54, с. 115] (Мария-Павел-Филипп).

Принципиальной характеристикой личности является способность порождать нетривиальные фильтры, которые необходимы для переживания критических ситуаций. Одним из подобных фильтров можно считать создание сигидии – семьи, которая может служить средством идентификации личности с учетом многомерности семантического поля, формируемого метафизической точкой. В двухмерном пространстве (а именно такое задается в тексте) ЕГО становится функцией распределения двух случайных величин [54], а личность оказывается состоящей из двойниковой пары – Мария-Филипп, связанной коэффициентом корреляции – ДЕТИШКИ, если коэффициент корреляции равен нулю, то имеет место неупорядоченная расщепленность личности – БОЛЬ, в этом случае личность ортогонально раздвоена. В случае, когда коэффициент корреляции равен единице, двухмерное распределение вырождается в одномерное – точки абсолютно совпадают – человек-семья, то есть самостоятельный живой организм, становится материальным, субстанциональным выражением такого единения. В подобном едином организме ничто не различимо, оставаясь в жесткости упорядоченности, которая в случае изменения коэффициента корреляции до -1 соединяет противостоящее (один показатель растет, другой падает) [54]. Маркером существования целого человек-семья выступает терминал СЕРДЦЕ.

Подобный целостный организм-система вырабатывает свою серию защитных реакций на внешние воздействия – нетривиальные фильтры, которые есть (по тексту В.М. Шухшина): СЕ, ДЦЕ-БОЛЬ-СЕМЬЯ (совокупность близких родственников, живущих вместе; родители с детьми) – ДЕТИШКИ.

Особое внимание при исследовании метафизических точек обращается на субстантивные лексемы как один из

видов языковой материи, фиксирующей особенности «природной» материи и представляющей одно из языковых агрегатных состояний (наряду с глагольным, адъективным и адвербиальным). Порядок следования классов (агрегатных состояний) соответствует логике рационального упорядочивания элементов воспринимаемой действительности, в которой познающий субъект выделяет сначала предметы и действия, а затем признаки тех и других. Именно существительное как знак недискретной материи маркирует метафизические точки пространства, обозначает пространственные контуры духовных силовых форм вещей – по Плотину [6], некие пластические и созидательные сущности, входящие в человеческое сознание и доступные чувственному опыту.

Всякая метафизическая индивидуальность может быть описана как состоящая из некоторого числа простых элементов – атомов, представляющих ядро компонентов константных и переменных, служащих базой для разнообразных трансформаций и замещений. Класс компонентов, единиц, взаимозамещаемых между собой, именуется семейством. Так, семейство для метафизических индивидуальностей Мария и Павел включает такие составляющие: *семья-жена, боль-ненависть*.

Элементарное событие – метафизическая точка – способно оказывать влияние на другое событие. Совокупность событий, на которые способны влиять события, происходящие в метафизической точке 1 (Мария), образуют некоторое многообразие, называемое абсолютным будущим по отношению к точке 2 (Павел). Совокупность событий, способных повлиять на события в точке 1, образует многообразие, которое называется абсолютным прошедшим по отношению к точке 1; эта совокупность событий связана с точкой 3 – Филипп. Если имеет место порядок причины и следствия, то области абсолютного будущего и абсолютного прошедшего не имеют никаких общих точек, кроме самой точки 1, на основе правил арифметизации пространства-времени, деления многообразия событий на пространство и время. Многообразие, объединяющее области будущего и прошедшего, определяется как временная область по отношению к точке 1 (Мария).

Упорядочение событий предполагает возможным приписать каждому элементарному событию определенные координаты этого события, образующие его «паспорт». Только одна точка может обрести статус события – метафи-

зическая индивидуальность Мария, – обладающего пространственной областью; две же другие точки выполняют лишь функцию временных координат при ней: Мария – своеобразный центр семантических вселенных Филиппа и Павла, наделенный целостностью как внутренним свойством. «Все есть целое по своей природе (только не каждый знает это), все одновременно единично и едино, внутренне сопряжено, всему присущ свой Закон (ли), который индивидуален, неповторим и всеобщ одновременно. Центр везде, в каждой точке, что делает ее независимой и единой с другими, создающей общее поле... Переосмысление природы Целого позволяет перейти с уровня множественности («дурной бесконечности») на уровень Единого, благого, позволит множеству успокоиться в единстве» [55, с. 109].

Метафизическая точка Мария маркирует бытие, временные координаты – Павел и Филипп – определяют место бытия как полагания: «...полагание действительно выходит за пределы простого понятия возможного, во внешнее по отношению к интимности субъективного состояния субъекта» [56, с. 377]. Семантическое описание бытия как полагания осуществляется с помощью пропозиционных схем, сгруппированных вокруг терминалов Павел и Филипп.

Пропозиция дает схематичное представление о беспредельности (выходе за пределы конкретно очерченной субстанции) предмета, недискретности материи, о единстве субстанциональной Вселенной. Упрощение (сведение до двух компонентов) пропозициональной структуры или ее усложнение, демонстрирующие качественно-количественные сдвиги в теме восприятия действительности и ее отражения, означают изменение системы, преобразование модели мира и модификацию адаптационных индивидуальных функций.

Вариативность пропозициональной схемы возможно выявить при анализе пропозициональных блоков, являющихся одним из вариантов структуризации внутренней формы текста. Внутренние формы организации текстовой материи целесообразно определить как дифференциальные, представляющие собой результат модификации логических форм через пределение их дифференциала и установления отношения его к первоначальной простой форме. Внутренние дифференциальные формы есть формы, производные от лексических форм, раскрывающие истину поэтическую как «соответствие синтагмы предмету, хотя бы реально не

существующему, «фантастическому», фиктивному, но тем не менее логически оформленному» [57, с. 408].

Основой формирования пропозиционального блока в рассказе «Осенью» становится единство термина совокупности пропозиций. Терм формирует вокруг себя пропозициональные блоки, актуализирующие свойства постоянного предиката, которые сводятся к выполнению роли совокупной сети развивающихся отношений, созидающих целостную внутреннюю форму текста. Пропозициональные блоки строятся из одномерных пропозициональных схем, центром которых является глагольная лексема, например: ФИЛИПП – ДОСЛУШАЛ, ПОТОРЧАЛ, ПОМОЛЧАЛ, ПОШЕЛ, ПОНЯЛ, ПОДОШЕЛ, ОДЕЛСЯ, ПРИВЫК, РАССКАЗАЛ, СПЛАВАЛ, СВЯЗАЛСЯ, СОШЕЛ, СЛЕЗ, ОТОДРАЛ, НАЛАДИЛСЯ ДУМАТЬ, ОЩУТИЛ, ОЧУТИЛСЯ, НЕ СКАЗАЛ, ИЗМЕНИЛСЯ, ВЫЛЕЗ, ЗАМЕТИЛ, УСПЕЛ УВИДЕТЬ, УЗНАЛ, НЕ УПАЛ. Павел – ГЛЯНУЛ, ПОВЛЕК, ВСТАЛ, УСПЕЛ КРИКНУТЬ. Он – ПОШЕЛ, ПОГИБ БЫ, ПРИСОС, ПРИВЫК, СГЛУПИЛ, ВЕРНУЛСЯ, ХОТЕЛ (руки) НАЛОЖИТЬ, ДОЛЖЕН СДЕЛАТЬ, ВЕРНУЛСЯ, НЕ ЗАРАЗИЛ, ВСПОМНИЛ, УВИДЕЛ, ВЗБЕСИЛСЯ.

В качестве центрального компонента вычлененной совокупности пропозициональных блоков следует признать блок ОН, содержащий в себе некую субстанциональную квинтэссенцию «мужского начала», своеобразный аналог родовых качеств. Тогда как пропозициональные блоки ФИЛИПП и ПАВЕЛ возможно оценить как родовые реализации блока ОН, внешние образы представления предметов, которые составляются из совокупности приводящих их признаков – индивид охватывается видом, а вид – родом.

В. фон Гумбольдт, указывая на то, что мужской пол наделен производящей силой, а женский – воспринимающей, отмечал, что деятельностная сторона существа – она же и страдательная, и наоборот, что деятельная сила (по-скольку речь идет о чем-то конечном) подчинена условиям времени, связана с материалом, то есть страдательностью» [58]. Внутренние формы текста, заданные пропозициональными блоками, позволяют открыть некоторые закономерности природы, в частности, свойства деятельной силы. «...закономерностям природы сродни закономерности языкового строя, и с помощью последнего пробуждая к деятельности высшие и человечнейшие силы человека, язык приближает его к пониманию запечатленной в природе

всеобщей формы, в которой тоже ведь можно видеть раз-
вертывание – пускай непостижимое – духовных сил» [59,
с. 81].

Субстанция человеческая явлена в двух ипостасях, каждая из которых может рассматриваться как самодоста-
точная, предшествующая всем (имеются в виду конкрет-
ные ее актуализации), сама же ничему не подчиненная, по
этой причине являющаяся родом [60]. Видами субстанции
в первую очередь являются два – телесное и бестелесное.
«...чтобы было тело, субстанция соединяется только с те-
лесностью, [и получается] телесная субстанция – тело.
Точно так же для того, чтобы было одушевленное тело, те-
лесное и субстанция соединяются с одушевленным, и вот
есть одушевленное – телесная субстанция, имеющая душу.
Далее, чтобы было наделенное чувствами, три стоящие вы-
ше [рода] соединяются с ним. Ибо наделенное чувствами
существо есть не больше и не меньше как субстанция те-
лесная, одушевленная и наделенная способностью чувство-
вать, что все в целом называется животным. Затем все вы-
шестоящее [роды], соединившись с разумным, создают ра-
зумное; в такой же мере, наконец, все вышестоящие [ро-
ды] определяют и человека: к разумности добавляется
смертность. Ибо человек есть не что иное, как субстанция
телесная, одушевленная, чувствующая, разумная и смерт-
ная» [60, с. 58]. В тексте представлены телесная субстан-
ция мужского начала, например, Павел – ГЛЯНУЛ, ПО-
ВЛЕК, ВСТАЛ, УСПЕЛ КРИКНУТЬ, то есть маркирован-
ная в пространстве-времени; одушевление мужской суб-
станции происходит через соединение с женской субстан-
цией – Марией. Однако это не делает мужскую субстанцию
чувствующей и разумной, а следовательно, полноценной
реализацией человека. Неспособность мужской субстанции
к умиранию – ПОГИБ БЫ, ХОТЕЛ (руки) НАЛОЖИТЬ
(ирреальность действия – модус вероятный, а не действи-
тельный, акт, ализации индивида) – в социальном плане
может быть оценена как невозможность социальной эволю-
ции, требующей перехода из одного социального класса (по
возрасту, положению, функции и пр.) в другой, сопровож-
дающегося ощущением... некоторого конца определенного
отрезка жи- ии, подведением итогов, признанием ошибок,
прощением и примирением. Иначе, это невозможность осу-
ществления перехода к духовной жизни.

Пропозициональные блоки некоторым образом фик-
сируют три состояния-модуса мира, неявленного и явлен-

ного, присутствующих друг в друге – одно в другом. Пропозициональный блок ОН по сути своей представляет модус возможности, который платоники называли материей формы. Модус возможности соотносится с категорией мировой души, которая связана с материей через то, что они называли жизненным корнем. Мировая душа смешивается с возможностью, и эта неоформленная жизненность переходит в актуально существующую душу от движения, исходящего от мировой души и от подвижности этой возможности, или жизненности [61].

Абсолютная возможность – троична, вбирая лишенность, предрасположенность, неоформленность. «Материя не есть ни нечто, ни ничто, ни одно, ни множество, ни это, ни то, ни сущность, ни качество, но возможность ко всему и ничего – актуально. Платоники из-за отсутствия у нее какой-либо формы называли ее лишенностью. Поскольку она лишена, она стремится, тем самым она есть предрасположенность, ибо повинуетя необходимости, которая ею повелевает, привлекая к актуальному бытию... Из лишения и предрасположенности, связывая их, исходит неоформленность. Таким образом, абсолютная возможность как бы бессоставна троична, поскольку лишенность, предрасположенность и неоформленность не могут быть ее частями, ведь тогда абсолютной возможности предшествовало бы нечто, что немислимо. Соответственно – это модусы бытия, без которых абсолютная возможность не была таковой» [61, с. 118-119]. Пропозициональный блок ОН призван некоторым образом структурировать идею неоформленности в тексте, пропозициональный блок ПАВЕЛ – идею предрасположенности. Если блок ОН на текстовом уровне актуализирует модус возможности, то, соответственно, блок ФИЛИПП эксплицирует модус случайное, блок ПАВЕЛ – модус необходимое. Модус тела, или точнее состояние тела, являет собой некоторым образом компонент, включенный в состояние Бытия Вселенной, коих насчитывается четыре: интеллектуальное, звездное, архетипическое, стихийное.

Установление зависимости между состояниями Бытия Вселенной и состояниями бытия вещи дает следующие оппозиции: архетипическое – необходимое, интеллектуальное – возможное, звездное – случайное, стихийное – действительное. Отсюда ПАВЕЛ субстанционально актуализирует архетипическое Бытие Вселенной, ФИЛИПП – звездное Бытие. Архетипическая плоскость представлена абстракт-

ными структурами, через которые контролируется вся низшая активность [13]. Первенство среди этих структур отдается добру, поскольку оно первичная причина всех причин, распространяется само и поэтому существует во всех вещах, «поскольку ничего не может быть произведено такого, чего уже не было бы в вещи» [13, с. 191]. Соединение модуса 'необходимое' существования мужской субстанции и женской субстанции маркируется термом СЕРДЦЕ; по восточным учениям, сердце – та точка, через которую все сообщается между собой: Земля и Небо, Человек с Человеком, Народ с Народом – если у Вселенной одно сердце, то каждое сердце – Вселенная [55].

Все видимые тела оказываются невидимыми звездами, или духовными элементами, воплощение которых в мужской субстанции возможно только через сопряжение с женской субстанцией: ФИЛИПП–МАРИЯ–ДЕЛО.

Каждый тип состояния Бытия Вселенной и вещи характеризуется особым типом осознания их индивидуумом, их чувственных качеств, которые «являются лишь разнообразными движениями, посредством которых объект различным образом давит на наши органы» [62, с. 51]. Специфика оппозиции архетипическое – необходимое становится очевидной при рассмотрении детерминирующего ее типа мышления – эмпирического, воспринимающего чистое, ясно мыслимое в совокупности всех чувственных акциденций, «оно лишь свойство, воспринимаемое одной мыслью совершенно абстрактное качество, количество, субстанциональное определение тела» [63, с. 135]. Звездное – случайное постигаемо мистическим типом мышления, в основе которого лежит идея сверхчувственной, трансцендентной реальности, которая для собственного постижения требует внечувственного, внеэмпирического познания, или особого «мистического опыта». Основу мистического опыта составляет идея общения, коммуникации человеческого сознания с «духовным абсолютом». Таким образом, главной целью точно-индивидуальной актуализации мужской субстанции является постижение субстанциональности мира, в котором она существует, и коммуникация с духовным абсолютом, хотя форму мужская субстанция обретает, лишь образуя пару-сизигию с женской субстанцией. Форма – это «рисунок, делающий вещь» [64, с. 250], становление отдельного индивида всеобщим и становление всеобщего, причем каждый и каждое являются целью самого себя. Форма может интерпретироваться как реализация вещной

индивидуальности, горизонтальное развертывание вещи или пространственно-горизонтальная периодичность Космоса, отличающаяся ориентированием на проектирование конкретной программы, то есть моделирование программы функционирования, в данном случае, мужской субстанции.

Структуризация и упорядочивание одномерных пропозиций в пределах пропозиционального блока возлагается на символы-маркеры, или формо- и словообразовательные аффиксы. Они выполняют роль дешифровочного ключа к семантической информации пропозиционального блока, выводят семантическую насыщенность предикта с уровня конкретно-информационного на уровень знаково-символический, тем самым осуществляя своего рода вертикальную развертку предмета.

Пропозициональный блок ОН организуется следующими символами-маркерами: ПО-, ПРИ-, С-, НА-, ВС-/ВЗ-, У-, -СЯ; пропозициональный блок ФИЛИПП, соответственно, соотносим с такими символами-маркерами, как: ПО-, ПРИ-, С-, НА-, ДО-, ЗА-, ВЫ-, ИЗ-, РАС-, У-, -СЯ; пропозициональный блок ПАВЕЛ – ПО-, У-, В-, НУ-.

Каждый блок характеризуется своим актуальным набором значений префиксов.

ОН						
ПО-	ПРИ-	С-	У-	НА-	ВС-	ВЗ- -СЯ
начало; результат будущего	скрепление; соединение	наступление; состояния	охват всего объекта	полнота действия	резкость, внезап- ность	резкость, внезап- ность

ФИЛИПП											
ПО-	ПРИ-	С-	У-	НА- -СЯ	ДО-	ПОДО-	ОТО-	ЗА-	ВЫ-	ИЗ- -СЯ	РАС-
совершенство действие в до- течение неопре- деленно- го вре- мени	донец- ствие зуде- тага	дви- жение свер- ху взма	с.в. ность исчер- ность	тша- вед- ность нан- ность	до- веде- ние кон- ца	пере- меще- ние до- кон-	уда- ление отде- ление	до- сти- жение ре- зультата	на- прав- лен- ность из- нутри	до- веде- ние дейст- вия до пре- дела	дли- тель- ность дей- ствия

ПАВЕЛ			
ПО-	У-	В-	НУ-
начало, усиление	с. в.	направленность вверх	однократное действие

Сопряжение значений символов-префиксов трех пропозициональных блоков позволяет построить следующую схему соответствий:

ПО-	'время'	ОН ФИЛИПП ПАВЕЛ
ПРИ-	'результат'	ОН ФИЛИПП
С-	'результат'	ОН ФИЛИПП
НА-	'исчерпанность'	ОН ФИЛИПП
У-	'ментальное тело'	ОН ФИЛИПП ПАВЕЛ
У-	форма сов. вида	ОН ФИЛИПП ПАВЕЛ
-СЯ	'эгоцентричность'	ОН ФИЛИПП
Символ-префикс (космос)	Семантическая функция (бытие)	Антропологическая субстанция (имя)

Префиксы как символы-маркеры фиксируют зоны взаимодействия пропозициональных блоков, которые связаны с актуализацией модусов Бытия Вселенной. Так, префиксы ПО-, У- выступают в качестве функторов, объединяющих все три блока знаками-символами «Время», «Индивидуализирующий принцип» (созидающий ментальное тело). Ментальное тело фиксирует знания индивидуума, которые заключаются прежде всего в выявлении причинно-следственных отношений между индивидуумами, их взаимодействия, воспринимаемого либо на перцептуальном уровне, либо на уровне психических анализаторов. Ментальное тело, вероятно, является толкователем и передатчиком космических импульсов-вибраций, космической информации.

Префиксы ПРИ-, С-, НА- демонстрируют взаимозависимость блоков ОН и ФИЛИПП, актуализируются с помощью знаков постфикса -СЯ, описывающего знак-символ «Эгоцентричность».

Аффиксы-символы эксплицируют, следовательно, знаки-символы Бытия Вселенной: «Время», «Индивидуализирующий принцип», «Результат», «Оформленность», «Исчерпанность», «Эгоцентричность» — в свою очередь, представляющие некоторую информацию о модусах бытия тела. С целью прояснения этой информации небезынтересно сопоставить выделенный ряд с рядом Петрарки, «что

побеждает что»: любовь-целомудрие-смерть-слава-время-вечность. Характеристика Бытия Вселенной «Время» фактически не модифицируется в характеристиках индивидуального Бытия (Земного) – время, «Индивидуализирующий принцип» модифицируется в «земной системе» координат в признак целомудрия (нравственности, чистоты); «Результат» – в признак вечности; «Оформленность» – в признак славы; «Исчерпанность» – в признак смерти; «Эгоцентричность» – в признак любви. Если в Бытии Вселенной побеждает время, то в Бытии индивидуальной субстанции (мужская актуализация) все побеждает любовь.

Главной целью точечно-индивидуальной актуализации мужской субстанции является постижение субстанциональности мира и коммуникация с духовным абсолютном; смыслом существования мужской субстанции является любовь – обязательный атрибут актуализации ее самости, сверхбытие индивида, форма его возможности, возможность быть истинным.

Приведенное сопоставление демонстрирует вариативность принципов-характеристик при их проецировании на различные планы – план модуса Бытия Вселенной и модуса Бытия Тела (индивидуума). Подобная вариативность становится основой структуризации внутренней формы текста, которая получает воплощение в виде пропозиционных блоков, базой для выделения которых является единство термина совокупности пропозиций.

«... Чтобы достичь измерения бытийной истины и осмыслить его, нам, нынешним, предстоит еще прежде всего выяснить, наконец, как бытие касается человека и как оно заявляет на него свои права. Подобный сущностный вопрос мы будем иметь, когда до нас дойдет, что человек есть в той мере, в какой он экзистенцирует. Сказав это вначале на традиционном языке, мы получим: экзистенция человека есть его субстанция» [65, с. 201].

§2. Феноменология субстанции в тексте

В.М. Шукшина

Точки-сингулярности трансцендентного поля текста способны к самовоссоединению, процесс которого всегда подвижен и смещается по мере того, как парадоксальный элемент пробегает серии, вынуждая их резонировать, сворачивая соответствующие сингулярности в одну случайную точку, которую можно расценивать в качестве элемента се-

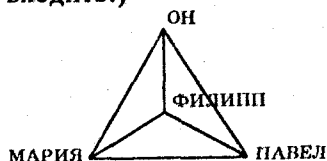

мантической записи, фиксирующей семантическую Вселенную автора. В качестве подобного типа записи выступает пропозиция, формула исчисления «материальности» мысли, которая, в свою очередь, может рассматриваться как операционная единица, раскрывающая сущностные свойства времени, и как фундаментальная структура ментального тела.

Индивидуальное, или индивидное, тело должно рассматриваться как совокупность различных ипостасей – физической, эмоциональной, астральной, ментальной. Ментальное тело создается индивидуализирующим принципом – тем, что позволяет человеку знать, что он существует, чувствует и знает [66]; субстанция человека есть его экзистенция [65]. Ментальное тело фиксирует знание индивида, которое заключается прежде всего в выявлении причинно-следственных отношений между индивидуумами, их взаимодействия – воспринимаемого либо на перцептуальном уровне, либо на уровне психических анализаторов. Ментальное тело должно выявлять сущностные параметры бытия тела: его энергетическую конечность/бесконечность в различных пространственно-временных измерениях; плотность/дискретность, то есть разные степени актуализации активно-динамической структуры индивида, осуществляемые согласно объективной логике. Объективная логика – это закон ритмовых взаимоотношений, существующих помимо сознания. Логически закономерными следует признать отношения: подчинения-включения, перекрещивания, внеположенности. Отношение перекрещивания дает примеры пересечения различных структур мироздания – совпадение амплитуд ритмов, создание уплотнений времени, некоторых зон, в которых становятся очевидными свойства длительности (время, сознание, энергия – три основных параметра, характеризующих и порождающих материальную субстанцию мира), фиксирующих текучее проникновение одной энергии в другую, переключение с одного ритма на другой.

Оформленная в пространстве-времени личность как событие-личность на уровне субстанциональной определенности дифференцируется в качестве мужской субстанции, которая маркирует пространственно-временную явленность ментального тела человека. Человеческая субстанция заявлена через три метафизические точки: МАРИЯ, ПАВЕЛ, ФИЛИПП, образующие первое нумеральное основание – треугольник, в проявленном Мире проявленного Космоса.

Монада ОН трансмутирует треугольник, управляя его плоскостью, в тело – куб, ОН – это вершина в сверхчувственном Мире. (В греческой и латинской церквах, рассматривающих обряд венчания как одно из таинств, священник во время обряда венчания представляет собою вершину треугольника; невеста – его левую сторону и жених – правую, тогда как линия основания символизируется рядом свидетелей, подругами невесты и друзьями жениха. Но позади священника находится Святая Святых, с ее таинственным содержанием и символическим значением, внутрь которой никто, кроме рукоположенных священнослужителей, не должен входить.)

Вершиной проявленного равнобедренного треугольника МАРИЯ–ФИЛИПП–ПАВЕЛ является ФИЛИПП, который становится «Отцом». Левая сторона, или линия, есть Диада, «Матерь», рассматриваемая как зло, или противодействующий принцип; правая сторона являет «Сына», «Мужа своей Матери», единого с вершиною; линия основания (МАРИЯ–ПАВЕЛ) есть мировой план производящей Природы и объединяет на феноменальном уровне Отца–Матерь–Сына, формируя образ гиперличности, которая может проявлять себя как нечто целое, объединенное в ОН. Отец–Матерь–Сын есть потенциальности взаимодействующего Единства, толкуемые как, соответственно, Матерь, Сила и Корреляция, или время, энергия, сознание.

Зоны напряженности взаимодействия параметров, порождающих материальную субстанцию мира, маркируются префиксами, позволяющими интерпретировать типы соотношений между точками ОН–ФИЛИПП–ПАВЕЛ. Таких соотношений три, отмеченных префиксами ПО- (ВРЕМЯ), У- (Индивидуализирующий принцип), постфиксом -СЯ (Эгоцентричность). Выделенные соотношения определяют три части Вселенной, которые Пифагор назвал Высочайший Мир, Высший Мир и Низший Мир, названные вместительными. Первый (ОН) есть вместительница принципов, главный из которых в Проявленном Мире – Бремя, второй – разум, в Проявленном Мире – целомудрия, третий – низший – вместительница количеств, что аналогично явленности

любви. Высочайший мир может быть охарактеризован в качестве тонкой проницаемой духовной сущности, пронизывающей все вещи; Высший мир – это обиталище бесмертных, это место архетипов; их природа не тождественна земной материальности – отбрасывая свою тень в Низший мир, они осознаются через нее (Павел тень Филиппа). Третий, Низший, мир является обиталищем созданий, состоящих из материальной субстанции или же трудящимися над материальной субстанцией, способных подняться в высшие сферы через разум и философию [13]. Фильтром, позволяющим изменить свое положение во Вселенной для метафизических точек ФИЛИПП и ПАВЕЛ, является МАРИЯ.

Оппозиция ОН–МАРИЯ есть противопоставление Целого и Всего. «Под Целым я подразумеваю всю совокупность Вселенной, Вселенную, материю, мир, природу; бытие единое, составленное через множество существ; существование, рассматриваемое относительно, основу и предел, начало и конец, причину и следствие, движение и покой, полноту и пустоту, добро и зло, порядок и беспорядок. Под Всем я разумею существование в себе, существование само по себе, то есть бытие, которое при рассмотрении оказывается составляющим лишь нечто, уже неотличимое от остальных существ, которое является существом единственным и, стало быть, безотносительным, иными словами, как я уже говорил выше, не существующим через что-либо иное, кроме себя» [67, с. 87-88]. Репрезентация мужской субстанции на духовном уровне может осуществиться только через женскую субстанцию, поскольку она существует только через себя (ОН – метафизическое существование; ФИЛИПП, ПАВЕЛ – физическое существование); происходит конструирование образа мужской субстанции. Образы в структуре познания выполняют две функции – познавательную (информационную) и функцию регуляции (управления) деятельностью человека [68]. Образы обеспечивают связь мышления с конкретными ситуациями, которые в языке схематично представлены пропозициями.

Пропозиция осуществляет процесс передачи информации о типичных жизненных ситуациях – формах без содержания, архетипах, по К. Юнгу, воплощая в себе рациональные (понятийные) образы, в отвлеченной форме отражающие наиболее общие и существенные стороны, связи и отношения объективного мира, недоступные непосредственным органам чувств.

Пропозициональная форма жизни текста обусловлена использованием В.М. Шукшиным специфическим образом метода интроспекции, метода углубленного самонаблюдения. Один из способов толкования этого метода возможно найти в исследованиях А. Мессера, который устанавливает соответствие мысли и предметов, соотносящихся с этой мыслью [68]. Внешний мир можно определить как совокупность единичных чувственных феноменов предметов, за которым находится другой мир – мир логических значимостей, смыслов идеальных сущностей, который есть система понятий, категорий. Мышление осуществляется посредством интенций, или определенных мыслительных функций, или сознательной направленности на идеальную сущность предмета. Интенции служат основой для формирования рационального образа (интеллектуального по Им. Канту), создающего представление о вертикальной развертке предмета, его духовной ипостаси, высшем смысле, преображении. Ощущения и восприятия служат точками опоры для мышления, условием успешного действия «интенции» [68]. Маркерами подобных вторичных ситуаций, сверхпропозиций становятся префиксы, постфиксы, создающие своеобразный трансцендентный образ ситуации. Трансцендентный образ открывает новую ипостась предмета – пространственную развертку – горизонтальное измерение, горизонтальную периодичность Космоса. В.М. Шукшин устанавливает в тексте иное соотношение мысли и предметов: внешний мир для человека – это система понятий, категорий, законов (три стороны треугольника МАРИЯ–ФИЛИПП–ПАВЕЛ, являясь пределами нумеральной материи или Субстанции, отделяют ее от мира Мысли), внутренний мир – это совокупность единичных чувственных феноменов, характеризующихся как Всё, не существующее через что-либо иное, то есть внешний мир, кроме себя, что предполагает наличие специфической формы бытия этих единичных феноменов.

Физическое бытие текста эксплицировано через пропозиции – логические схемы внешнего мира; метафизическое бытие текстовой субстанции предопределено номинализациями метафизических точек-событий; существование текста через себя маркируется префиксами и постфиксами, которые формируют дополнительный текст, который трансформирует первоначальный текст в гипертекст. «...гиперлитература коренным образом меняет отношения читателя

с писателем, превращая их в соавторов. Такая тенденция – стремление к «интерактивности» – заметна во всей современной культуре. Массовое общество по своей природе стремится к тотальной демократизации, так что, может быть, гиперискусство возьмет на себя роль искупителя грехов массовой культуры?» [69, с. 249].

Таким образом, феноменологическое рассмотрение субстанции в тексте В.М. Шукшина характеризует актуализацию самосознания человека в его мужской субстанциональной разновидности, которая осуществляется через посредство женской субстанции. Формой трансцендентной презентации индивида выступают различные формы его субстанционального существования – метафизическая, физическая, существование в себе. Субстанциональное бытие в духовной ипостаси определяет этап объективного духа, когда индивидуальный дух должен постичь, что все внешне данное и противостоящее ему есть дух; индивидуум должен погрузиться в скрытое в его индивидуальности родовое всеобщее – мужскую субстанцию как Целое, то есть метафизический интеллектуальный агрегат физических частей. Форма коммуникации, эксплицируемая на этом уровне анализа, – это материя и интеллект, приемник информации (женская субстанция) и источник информации (мужская субстанция), форма-образ и порождающее интеллектуальное, духовное начало, требующее воплощения в Проявленном Мире.

Часть 3

ВЕРОЯТНОСТНАЯ ПРИЧИННОСТЬ

§1. Внутренняя вероятностная каузация (внутренняя сопричастность Миру) (рассказ «Срезал»)

Индивидуальность каждого человека, как, впрочем, и каждой вещи, задается функцией распределения в семантическом пространстве, или семантической Вселенной, построенной над полем признаков [70].

Ее подуровни детерминируются реальными пространствами – космическим, биотическим и социальным [71], семантические образы которых (или эскизные прототипы) могут быть охарактеризованы, соответственно, как иерархия, семья, община, собственно пространство предмета.

Иерархия духовных существ «представляет собой синтез сил или энергий, каковые силы или энергии подвергаются сознательной манипуляции для продвижения планетарной эволюции» [66, с. 18]. Иерархия – это основной тип взаимосвязанности, отличающий космические конструкции в их взаимодействии; тип преемственности, определяющий направление эволюции. Понятие иерархии возможно сопоставить с понятием плеромы, толкуемой как множественное единство духовных сущностей, вместе создающих некоторую упорядоченную, внутренне завершенную целокупность [72, 73]. Плерома составляется из эонов [74], в которых раскрывает себя первосущность. Эоны группируются по сизигидиям – сопряжениям-парам, по очереди порождающим друг друга, обеспечивая тем самым сохраняемость материи и непрерывную последовательность ее изменений, обуславливающую общую непрерывность и связанность времени (то есть отсутствие в нем разрывов). Сизигидии аналогичны семье, пространственной структуре, в которой происходит усвоение основных, вечных, вневременных ценностей и норм, законов вселенского со-Бытия. «Истинная семья есть прообраз общинножительства. Она может олицетворять сотрудничество и Иерархию, и все условия Братства... Без строения дома нельзя мыслить и о строении государства [75, с. 31].

Сотрудничество, общее благо есть условия, свойственные существованию сизигидии-семьи, а также более круп-

ной структурной единице – общине, цементируемой общим делом, сотрудничеством, полагающимся на крепкий устав, что помогает войти в ритм Вселенной, приобщиться к ее законам.

Эон – элементарная составляющая сизигидии, в древнегреческой философии трактуемая как «жизненный век», «вечность» в аспекте жизненного существования в отличие от «хроноса» – абстрактного, количественно-измерительного, объективного и аморфного времени [74].

Сопряжение иерархии, общины, семьи, эона происходит в событии, вмещающем бытие в космическом, социальном, биотическом и индивидуальном пространствах, своего рода некоторого замкнутого контура, фиксирующего различия между состояниями мира, или ситуациями (соответственно, космической, социальной, биотической и индивидуальной), которое «может быть установлено через отрицание некоторого исходного состояния А в сопоставлении с конечным состоянием В» [76, с. 15]. Событие многослойно, поскольку эксплицирует различные пространственно-временные варианты бытия, определенной совокупности предметов, семантическая запись которых осуществляется через посредство пропозиций. Причем одна и та же пропозиция может маркировать несколько гипостазированных инаковостей события и различные явленности состояний этих инаковостей, пространственно-временных вариантов бытия.

Именно с события – значительного явления, факта общественной или личной жизни [76] – начинается рассказ В.М. Шукшина «Срезал»: «К старухе Агафье Журавлевой приехал сын Константин Иванович. С женой и дочерью. Попроведывать, отдохнуть». Действие – предикат – осмысливается как центральный компонент ситуации, по отношению к которому определяются компоненты, выступающие аналогами всех компонентов ситуации [28]. В.Г. Как выделяет следующие реальные актаны – субстантивные элементы ситуации [77]: 1) субъект – отправитель (*сын Константин Иванович*); 2) объект; 3) адресант (*к старухе Агафье Журавлевой*); 4) субстанция, содействующая или препятствующая осуществлению процесса (инициатор, орудие, причина) (в данной пропозиции представлена глаголами-состояниями – *попроведывать, отдохнуть*); 5) пространственный конкретизатор; 6) временной конкретизатор; 7) субстанция, которой принадлежит, либо часть которой составляет субъект (*семья – с женой и дочерью*).

Компоненты анализируемой пропозиции представлены не в одном предложении, а в нескольких, точнее, в предложении и парцелированных сегментах [78]. Деление пропозиции на сегменты демонстрирует ее специфичность — она являет собой не что иное, как реляционную иерархию, строящуюся на понимании предмета как класса классов, или класса с его дериватами, причем имеется в виду функциональная маркированность: класс-предмет есть совокупность, то есть «пучок» функций, дериваты — ситуационно обусловленные актуализации этих функций в заданном пространстве и времени. Заполнение актантных позиций происходит градационно: первый этап — эксплицируются позиции субъекта, адресата, причины, иерархии (субстанция, которой принадлежит или часть которой составляет субъект); второй этап — вводятся позиции пространственного конкретизатора, объекта. «*Деревня Новая* — небольшая деревня, а Константин Иванович еще на такси подкадил, и они еще всем семейством долго вытаскивали *чемоданы* из багажника».

Таким образом, событие представляет собой трехуровневую структуру, моделируемую пропозицией, актуализированной актантами: субъект, адресат (1) и пространство, объект (2) в самостоятельных предложениях; актантами причина, иерархия — в парцелированных сегментах. Актанты субъект (*сын Константин Иванович*), адресат (*старуха Агафья Журавлева*), пространство (*деревня Новая*), объект (*чемоданы*) формируют некоторый замкнутый контур, отличающийся своей энергичностью, при этом точкой, организующей этот контур, становится сын, а пространство, которое определяется этим контуром, может рассматриваться тройко (на основе выделяемых Г. Лейбницем типов пространств [29]: 1) пространство, связанное с областью логически возможного в широком смысле (пространство иерархии семантической Вселенной); 2) система «точек зрения» всех субстанций, в которой приведены к единству индивидуальные структуры чувственных и рациональных представлений (пространство социума, пространство общины); 3) субъективно-чувственное пространство как структура представлений субстанции, то есть ее индивидуальная точка зрения на мир (пространство индивидуума). Троичность пространства отражает многослойность события, то есть возможность бытия точки в различных пространственно-временных измерениях. «Под каждым слоем понимается при этом такой материальный мир, материальность ко-

того отлична от других либо числом пространственных, либо числом временных координат. Рядом с нами сосуществуют, например, смежные слои, Пространство которых измеряется по тем же трем координатам, но Время которых имеет не одно, как у нас, а несколько измерений. Это значит, что в таких слоях Время течет параллельными потоками различных темпов. Событие в таком слое происходит синхронически во всех его временных измерениях, но центр события находится в этом или в двух из них» [80, с. 48]. Замкнутый контур фиксирует энергийную единость вариантных реализаций события, центром которых становится сын *Константин Иванович*. Функцию коннектора, обеспечивающего переход из одного слоя – материального мира – в другой, выполняет объектный актант (*чемоданы*). Актанты парцелированных сегментов описывают тип внутренней организации энергийного контура – причинно-следственные отношения, или отношения иерархии.

Функциональное многообразие центра события (позиция субъекта) обусловлено многомерностью, или многослойностью, последнего, которая детерминирует основные функции субъекта: 1) космическую; 2) социальную; 3) актуализацию индивидуального знания-программы. Пропозиция, ее состав может модифицироваться в зависимости от того, схему отношений в каком материальном мире она отражает. Автор обращает внимание на актуализацию вновь социального мира, или пространства, в его общинной разновидности: «...разу вся деревня узнала: к Агафье приехал сын с семьей, средний, Костя, богатый, ученый».

Функционирование общины должно ствечать всеобщему мировому закону органической эволюции [81], последовательные шаги восходящего ряда настроений которого характеризуются как Взаимопомощь, Справедливость, Нравственность. «...чувства Взаимопомощи, Справедливости и Нравственности глубоко заложены в человеке со всею силой прирожденных инстинктов; причем первый из них, инстинкт Взаимной помощи, очевидно, сильнее всех, а третий, развившийся позднее первых двух, является непостоянным чувством и считается наименее обязательным» [81, с. 44]. Взаимная помощь и общительность – это параметры, отличающие развитие животного мира и человеческой истории, вполне сопоставимы с понятием этики, трактуемой как способность улавливать эмоции, то есть энергийно-информационную специфику предметов. Общительность как основополагающий принцип бытия общины должна

базироваться на этике, по Т. Гс Эбосу, представляющей собой такую цепочку вытекающих друг из друга и предполагающих друг друга знаний: знание последовательности последствий человеческих страстей —> знание последствий качеств людей в особенности —> знание последствий качеств животных —> знание последствий качеств постоянных тел —> физика, или последствия качеств —> знание последствий акциденций естественных тел, называемое также естественной философией [62]. Следовательно, община, координируемая этикой через общительность, должна основываться на знании последствий качества: актуализация качества (его функционирование) детерминирует функционирование общины, активизирует ее энергийный потенциал. «Общинный» вариант пропозиции маркируется введением акцидентных распространителей субъекта: *средний, богатый, ученый*, которые позволяют адаптировать субъекта к общине, представленной в совокупности своих функций: семейно-бытовой (*средний*), производственной (*ученый*), идеологической (*богатый*).

Производственная функция формирует энергийный контур общины, то единое качество, которое выделяет общее, тождественное во множестве индивидов. Эта функция позволяет индивиду упорядочить чувственное, эмоциональное бытие через ощущение уверенности, конкретности, а также осознание цели бытия — функционирования в системе, быть составляющей этой системы. Она содержит в себе момент меона, который есть момент в сущем же, несущее, которое — необходимость в сущем жизни сущего же [82]. Меон есть необходимый иррациональный момент в самой рациональности сущего и притом момент диалектически необходимый. В каждой сущности присутствует момент меонально-фактический, «телесно-сущностный, гилетический, софийный (в широком смысле), то эйдетическое «иное», на фоне которого как факта происходит обрисовка, то есть оформление самого смысла» [82, с. 683]. Производственная функция есть то эйдетическое «иное», на фоне которого происходит обрисовка множественности вещей, охваченных этой функцией, формируется знание последствий акциденций естественных тел при существовании их во множестве. Иррациональный момент постижения энергийной значимости качества для сохранения соразмерности системы эксплицирует момент рациональный понимания членности единого контура на элементы, функционально тождественные целостной системе (реляци-

онная иерархия): единство мироздания не в энергийной тождественности (вечности), а в функциональной аналогичности (знаковой тождественности). Сопряжение иррационального и рационального моментов в производственном бытии индивида получает подтверждение в омонимичной многозначности адъектива *ученый*: 1) «получивший специальное знание в какой-то области, выученный чему-либо»; 2) «много знающий в области какой-либо науки; занимающийся наукой»; 3) в знач. сущ. «высококвалифицированный специалист в какой-либо области науки». Значимым для общины является качественно-количественный параметр актуализации производственной функции, способствующий росту качества всей общины — «многознающий», формирование одного из аспектов ее количественной определенности на базе развития качества: отчленение качества от его носителей, рассмотрение его как общего, тождественного, что есть во множестве вещей, ощущение «размноженности» качества.

Семейная функция фиксирует самое множество индивидов, в которых есть нечто общее — качественное отношение общности. Эта функция фиксирует способность к усвоению основных вечных, временных ценностей и норм, законов вселенского со-бытия, которая для субъекта рассматриваемой пропозиции оценивается как средняя. Семья есть прообраз общинножительства, поскольку она олицетворяет сотрудничество и Иерархию, занимает промежуточное положение между Иерархией и общиной. Этот тип пространственной структуры (семья) обеспечивает сохранение социальной материи и непрерывную последовательность ее изменений, обуславливающую общую непрерывность и связанность времени-жизни. «...жизнь — это обмен субстанциями, а следовательно, со-жительство, со-существование, сеть тончайших взаимоотношений, в процессе которых субстанции поддерживают, питают, придают друг другу силы» [24, с. 80]. Семейно-бытовая функция отражает энергийный контур социума, замкнутый, но внешне менее значимый для функционирования целостной системы. Однако энергийный контур (*Агафья-сын с семьей-средний, Костя*), интерпретируемый семейно-бытовой функцией, менее склонен к энтропии, поскольку является собой не плоскостное построение, а объемную многослойную фигуру, в которой сопрягаются различные временные и пространственные актуализации индивидуальных субстанций, отражающих периодичность Космоса, знаково маркированную

субстантивами: *Агафья* – иконический знак, придающий внешнюю форму духовному миру семьи; *Костя* – указательный знак, маркирующий имя, семейное, клановое, родовое имя, а иногда статус и репутацию (распространитель – *средний*); *сын с семьей* – символический знак, демонстрирующий включенности индивида в различные дискурсивные и социальные универсусы – «обобщенный другой». Семейно-бытовая функция маркируется дифференциацией единого множества предметов (общины), представляющих единую качественную определенность, на множество относительно независимых сторон-объектов (*Агафья-Костя-семья* (с женой и дочерью)), каждая из которых может развиваться в некоторую целостность свойств, то есть создать свой собственный замкнутый энергийный контур, однако качественное единство отношения энергийности остается обязательным (родовые связи). Рассматриваемая функция обуславливает доминирующую позицию чувственного, эмоционального бытия, иррационального, ирреального по сравнению с бытием реальным, рациональным, определяемым производственной функцией. Семейно-бытовая функция является тем объединяющим началом, той сферой, где эксплицируется гипостазированная инаковость индивида, реализуется способность приобретать «бесконечно новые качества, оставаясь в то же время самим собой» [24, с. 76].

Идеологическая функция несет информацию об оценке отношения индивидов действительности, друг друга, отражает обязательность наличия отношения-взаимодействия, определяемого целями бытия целостной субстанции-общины. Эта функция призвана интерпретировать существенные характеристики общины как социального института – сотрудничество, общее благо (обилие, множество, многообразие материальных и духовных ценностей – *богатый*), крепкий устав, способствующий формированию единого энергийно-ритмического контура, через посредство которого происходит приобщение к законам Вселенной, ее Конституции – самовзаимодействующей динамике единого поля. Исследуемая функция описывает специфику детерминационных связей, характеризующих бытие общины, призванных отражать условия порядка и гармонии, выраженных во всем мироздании. Идеологическая функция маркируется фактом обособления отдельного объекта-индивида, превращения его на основе собственных функций-свойств в нечто целостно-единое при сохранении обязательности взаимодействия этой единицы с другой, подобной.

Энергичность общины должна развиваться и стабилизироваться за счет энергичности каждого отдельного индивида, поскольку община – это комплексная форма, характеризующая суммированным потенциалом как внутренних, так и внешних функционалов, входящих в нее компактных единичных форм. «Как-то так получилось, что из деревни Г.овой, хоть она небольшая, много вышло знатных людей: один полковник, два летчика, врач, корреспондент... И вот теперь Журавлев – кандидат». Идеологическая функция связана с экспликацией трансцендентных категорий, воспринимаемых эмпирически, но могущих быть истолкованными только через понятия «бессознательного», отражающего проявления космической периодичности, взаимообмен энергичным потенциалом социума и общины, осуществляемый через индивидуальную субстанцию, что требует изменения знаковой системы: *Костя* → *Журавлев* (указательный знак имени трансформируется в указательный знак рода, кодирующий его генетическую задачу-функцию), сын → кандидат (символический знак, маркирующий общинную принадлежность, переходит в указательный знак, фиксирующий социальный статус и репутацию).

Анализируемая пропозиция модифицируется за счет дериватов, мотивированных актантами. Можно вычлени три деривационные парадигмы, определяемые адресатом (*старуха Агафья Журавлева*), субъектом (*сын Константин Иванович*) и субстанцией, частью которой составляет субъект (*с женой и дочерью*). Хотя позиции адресата и целого в данном случае совпадают, поскольку субъект является как частью первого, так и частью второго, характеризуется общностью с обоими компонентами-актантами: общностью, понимаемой как общее, тождественное, что есть во множестве вещей [67], то есть наследственный код-задача, получаемый детьми от матери, во-первых; во-вторых общностью, рассматриваемой как самое множество вещей, в которых есть нечто общее – эон, детерминированный субстанцией, приобретающей ее энергетический потенциал, в состоянии создать самостоятельное единство-систему, находящуюся в отношениях реляционной иерархии с другой, первичной. Бытие элементов системы можно рассматривать как мотивированное принципом «предустановленной гармонии» Г. Лейбница, согласно которому все субстанции взаимно способствуют друг другу. «...все тела во Вселенной, так сказать, сочувствуют друг другу...» [88, с. 104-105], не желая впасть в диссонанс. «...все находится

в связи с каждым из возможных миров; Вселенная, какова бы она ни была, в своей совокупности есть как бы океан; малейшее движение в нем распространяет свое действие на самое отдаленное расстояние, хотя это действие становится менее чувствительным по мере расстояния» [84, с. 122]. Предусмотренная гармония выражается не только в строгой архитектонике возможных и реальных миров, но в строгой функциональной координации в рамках иерархии, превращающейся в систему управления. «В целом управлении есть приведение системы в состояние, обеспечивающее ее сохранение, функционирование и развитие на основе заранее поставленной цели имеющихся потребностей (биологических или социальных) путем использования социального опыта, знаний, заложенной программы деятельности» [85, с. 32]. Сохранение общины достигается за счет поддержания функционирования семьи, повторяющей в минипроекции ее энергийный контур; развитие общины осуществляется через развитие и становление индивидуума.

Деридионные парадигмы раскрывают специфику собственно общинного, общинно-социального и индивидуального бытия. Парадигма собственно общинного бытия открывается синтагмой *старуха Агафья Журавлева*, содержащей в себе указание на временное бытие (*старуха*), значимое для общины и маркирующее ее включенность в вечность, время историческое, то есть процесс управления энергетическими потенциалами между элементами этносферы – земной оболочки, представляющей собой мозаичную в этническом отношении антропосферу, слагающуюся из всей совокупности этноценозов Земли [86]. Указательный знак *Агафья* дифференцирует процесс обновления отдельного объекта, превращения его на основе множества собственных свойств в нечто единое – единицу – и сохранение обязательности соотношения этого единого с другой единицей, то есть, обретая собственное имя, индивид не только ограничивает собственную Вселенную, для выполнения индивидуальной программы, но и берет на себя часть функций по сохранению и обеспечению жизнедеятельности общины. Указательный знак *Журавлева* фиксирует социальный статус и репутацию индивида, а также маркирует связанность общины с другими социальными структурами; реального мира с возможными – выдвинутость общины в Ничто через индивидуальное человеческое бытие: «Человеческое бытие может вступить в отношение к сущему только потому, что выдвинуто в Ничто. Выходы

за пределы сущего совершаются в самой основе нашего бытия. Человеческое присутствие означает: выдвинутость в Ничто. Выдвинутое в Ничто, наше присутствие в любой момент всегда заранее уже выступило за пределы сущего... Это выступание за пределы сущего мы называем трансценденцией. Не будь наше присутствие в основании своего существования трансцендирующим, то есть, как мы можем теперь уже сказать, не будь оно заранее всегда уже выдвинуто в Ничто, оно не могло бы встать в отношении к сущему, а значит, и к самому себе» [87, с. 22]. Следовательно, указательный знак социального статуса маркирует возможность бытия общины в других слоях, пространственно-временных измерениях, вертикальную развертку общины – духовное измерение, раскрытие высшего смысла, преобразование обыденности, высвечивание тонкой природы и высшего смысла земной реальности.

Парадигма общинного бытия двучленна (*старуха Агафья Журавлева – Агафья*), строится на основе свертывания компонентов синтагмы до одного сегмента, указательного знака, обозначающего общинную функцию-программу. Подобная функция базируется на совпадении энергетического импульса отдельного индивида и общего (комплексного) энергетического импульса системы; наблюдается симметрия целого и единичного, предполагающая инвариантность единичного как пучка функций и его вариативность как «комка событий» – совокупности качественных параметров.

Парадигма индивидуального бытия заявляется первоначально синтагмой *сын Константин Иванович*, где присутствуют указательные знаки «общинности», ее семейной вариации (*сын*) и социального чуждого пространства (*Константин Иванович*). Указательный знак социального пространства маркирует три состояния мира, неявленного и явленного, присутствующие друг в друге – одно в другом [85]. «С самого начала все было едино и не едино одновременно, ибо потенциально все уже есть в едином, пребывает в покое, невидимо. Этим формам предстояло проявиться... Но так уж устроено «Одно», оно обладает свойством делиться на два, начиная с клетки (инь-ян), кончая «Лоднебосной (Небо-Земля), чтобы две половины могли прийти во взаимодействие, обе половины порождают «третье», вновь сливаясь в одно, образуют целое, но уже другого порядка. Это «третье» – уровень множества, но такого множества, которое покоится в единстве: микромиры, сохра-

няющие причастность Целому благодаря внутренней сопряженности и тенденции возврата к единому... Притом возвращение не по типу колебания, чередования инь-ян (одно инь, одно ян и есть путь), а так сказать, абсолютное возвращение к изначальному состоянию Небытия» [55, с. 108]. Целостность *Константин Иванович* отражает единство общинного (материнского, женского, пассивного начала – *Константин*) и собственно социального (отцовского, мужского, активного начала энергии, переданной по наследству – *Иванович*). Приходя во взаимодействие, общинное и собственно социальное порождают нечто третье – уровень трансцендентного множества, сопричастности Целому, которое для общины расценивается как иное, а потому чужое.

Определяя принадлежность индивидуума к общине, первый компонент парадигмы мотивирует второй дериват *Константин Иванович*, образованный на основе свертывания указательного знака «общинности» и актуализации собственно социального чуждого начала. Третий компонент *Костя* эксплицирует потенциальную информацию второго деривата о персональной общинной функции-программе индивида. Деривационный ряд *сын Константин Иванович* —> *Константин Иванович* —> *Костя* фиксирует разные этапы распредемечивания субъекта, то есть процесса, в котором свойства, сущность, «логика предмета» становятся достоянием многих, благодаря чему они развиваются, усваивают формы прошлой и настоящей жизни, подключаются к различным культурным слоям, тем самым способствуют модификации имеющейся модели мира. Данный ряд можно поименовать как идентификацию (распознавание) индивида, а следовательно, конструктивизацию действительности. «Познающий субъект произвольно или непроизвольно, но неизбежно должен сопоставлять, сравнивать, соизмерять между собой исследуемые объекты, чтобы выявить степень их тождества и различия, меру их общности и индивидуальности, специфичности» [88, с. 106].

Следующая ступень познания индивида – дифференциация – связана с актуализацией качественной определенности субъекта, поскольку именно качество детерминирует жизнедеятельность общины, эксплицированную в трех функциях: производственной, семейно-бытовой, идеологической. Качественность индивида эксплицируется по соответствию выделенным функциям: производственная – уче-

ный, семейно-бытовая – *средний*, идеологическая – *богатый*. Происходит дифференциация единого материального предмета – индивида, единой качественной определенности на множество относительно независимых сторон-функций, значимых для системы существования индивида и могущих развиваться в некоторую целостность свойств.

Качественно-количественные изменения являются следствием протекания глубинных процессов, таких, как становление концептуальной системы взглядов об организации мироздания, оформление представления о «личностном смысле» [15, 33, 89] в мировой Иерархии, отражение потенций индивида в восприятии окружающего пространства. Дифференциация свойств индивида с последующей идентификацией с функциями общины необходима для обнаружения «пригодности» набора качеств, характерного данному индивиду, для многих, что определяется как «размножение» качества, превращение качества в количество. Происходит опредмечивание качества, отличающееся тем, что человеческие способности переходят в предмет, воплощаются в нем, в связи с чем предмет становится социально-культурным [90], или человеческие качества превращаются в знаки индивида и той системы, в которой он функционирует. Кроме того, подобное опредмечиванное качество являет собой своеобразный знак-коннектор, позволяющий осуществлять переход из одной системы в другую, из одного измерения в другое. Так, *ученый* трансформируется в *кандидат*, *богатый* маркируется через три позиции – *самовар*, *ложки*, *халат*. Знак-коннектор *кандидат* «выбраковывается», поскольку уточненное значение термина *ученый* (1) «получивший специальное знание в какой-либо области»; 2) «много знающий в области какой-либо науки») – *специалист* не позволяет рассматривать этот знак в качестве абстракции, замещающей часть Вселенной, подлежащей рассмотрению [91] и создающей некоторую ее функциональную модель, то есть схему отношений между пространственными структурами, пространственно-временными слоями.

Дискриминация – проверка на дефектность – представляет собой заключительный этап проверки качества индивида, это касается производных – *самовар*, *ложки*, *халат*. Средство проверки – определение качества каждого знака: *самовар* (обозначение чаепития, семейного единения; металлический сосуд для кипячения воды

с топки внутри, наполняемой углями – «живое тепло»); *электрический* («мертвое тепло»); *ложки* (один из предметов столового прибора, изготавливаемый в настоящее время из различных металлов) – *деревянные* (ложки, изготовленные из дерева менее функциональны, чаще используются в качестве декоративных, подарочных предметов, сувениров); *халат* (одежда, обычно домашняя или производственная, соответственно, теплых, мягких или, напротив, строгих, сдержанных тонов) – *цветастый* (имеющий узор из крупных цветов, усеянный по всему полю цветами, подходящий для использования в определенном месте, нескромный).

Проверка качественности знаков способствовала определению их природы – символические, маркирующие включенность личности в различные дискурсивные и социальные универсусы – общины и социальной структуры, которые оказались не объединенными, а разграниченными индивидуумом, поскольку соединительную функцию могут исполнить только иконические знаки, создающие образы и придающие форму духовному миру самой личности и личностям другим. Качественные распространители *де-риватов самовар, ложки, халат* одновременно являются и качественными распространителями-знаками идеологической функции общины, интерпретирующей сущностные характеристики последней как социального института – сотрудничество, общее благо, самовзаимодействующую динамику единого поля-общины. Причем качества *электрический, деревянный* трансформируют идеологическую функцию в семейно-бытовую, тем самым замыкая энергетический контур общины и способствуя возрастанию энтропии целостной системы (энергичность общины должна развиваться за счет энергичности – новой информации – каждого отдельного индивида). Качество *цветастый*, модифицируя идеологическую функцию в производственную, некоторым образом связывает социум и общину через индивидуальную энергичность, приобщая последнюю к законам Вселенной, ее Конституции. Однако единение только на основе производственной функции между социумом, общиной, индивидуумом невозможно, происходит отчуждение личности: «...И вот теперь *Журавлев – кандидат*». *Журавлев* – указательный знак рода, кодирующий генетическую программу-функцию личности, выполнение которой значимо для самой личности, для общины, социума, Вселенной. Но

община, отторгая личность, рассматривает этот знак как символический, отражающий включенность индивида в чуждые социальные универсусы. Качественным распространителем этого знака становится также символический знак *кандидат*, демонстрирующий существование личности в еще более конкретном универсусе, микромире, отдаляющее индивида от общины, как, впрочем, и от широкого социума. *Журавлев – кандидат* – синтагма, реально объединяющая в себе семейно-бытовую и производственную функции общины, самой общиной толкуемые как знак чуждого, ирреального пространства, его символ (так же, как *деревянные ложки* – символ общины), знак вариативности.

Итак, парадигма индивидуального бытия отражает различные этапы познания общиной индивида: 1) идентификация (распредмечивание) – сын *Константин Иванович* → *Константин Иванович* → *Костя*; 2) дифференциация – *Костя* → *ученый* → *средний* → *богатый*; 3) опредмечивание – *ученый* → *кандидат*; *богатый* → *самовар-ложки-халат*; 4) дискриминация – *самовар* → *электрический*; *ложки* → *деревянные*; *халат* → *цветистый*; 5) отчуждение – *Журавлев* → *кандидат*.

Парадигма общинно-социального бытия, или семейного, определяется начальной синтагмой *с женой и дочерью*, представляющей два варианта женского начала, утверждаемого парадигмой собственно общинного бытия, но маркирующей реальность чуждого пространства – социального варианта семьи: сын *Константин Иванович* – *с женой и дочерью*. Второй дериват *семейство* (общая категория в систематике растений и животных, объединяющая *близкие по происхождению* роды (растений, животных)) служит промежуточным звеном между первой и третьей синтагмами: *жена-дочь* → *семейство* → *семья* – «сразу вся деревня узнала: «Агафье приехал сын с семьей, средний, Костя, богатый, ученый». Дериват *семья* является указательным знаком, эксплицирующим энергетическое единство с общиной, единство явленного и неявленного, движения и покоя, не имея цих начала: *инь* – общинное, пассивное, женское; *ян* – индивидуальное (актуализация в данном тексте), активное мужское; взаимодействие их создает *вань-у* – тьму вещей, множество миров и возможностей выхода в различные пространственно-временные измерения. «*Инь* и *ян* не имеют начала, это – небесный

путь. Получать начало в ян и завершаться в инь, иметь свою основу в покое и расширяться в движении – это путь человека» [92, с. 238]. Отождествление бытия и инобытия, то есть идеификация энергийности двух самостоятельных систем, позволяет перейти к этапу дифференциации общинно-социального бытия в аспекте производственной функции, характеризующемуся отчленением качества от его носителей, рассмотрению его как общего, тождественного, что есть во множестве вещей, «размноженности» качества для членов общины. «К вечеру узнали подробности: он сам – кандидат, жена – тоже кандидат, дочь – школьница». Качество маркируется символическими знаками, которые выполняют функцию, скорее, разграничения, чем объединения: между общиной и социумом нет взаимопересекающихся областей ни в настоящем (он – кандидат, жена – тоже кандидат), ни в будущем (дочь – школьница). Символические знаки кандидат, школьница дифференцируют не только пространственную принадлежность времени, его отсутствие, следовательно, «мертвое» бытие социума в отличие от «живого» общинного. Таким образом, парадигма общинно-социального, или семейного бытия, отражает этапы познания общиной семейно-бытовой функциональной актуализации индивида: 1) перцептивная идентификация – с женой и дочерью; 2) интеграция – семейство; 3) наложение – семья; 4) дифференциация – жена --> кандидат, дочь --> школьница.

Рассмотрение деривационных парадигм позволяет сделать вывод, что они создают объемную модель отношений между предметами – многослойную пропозицию, актантами в которой становятся указательный знак, отражающий общинную функцию-программу индивида; связь с материнским, женским началом, в котором заложена основа, и символические знаки – символический знак, маркирующий актуализацию производственной функции индивида, и символический знак, фиксирующий экспликацию семейно-бытовой функции индивида (Агафья-Журавлев --> кандидат-жена --> кандидат, дочь --> школьница). Пропозиция, следовательно, может быть изучена как комплексная знаковая форма-схема, сопрягающая различные типы моделей мира: Агафья – знак идеализированной модели, Журавлев --> кандидат (жена --> кандидат, дочь --> школьница) – знаки функциональной модели мира. Основным типом логики, характеризующим

взаимодействие между составляющими пропозиции, становится логика отношений в разновидности тернарных отношений – трехместных. Символически знак *Журавлев* → кандидат можно уподобить точке, руководящей движением плоскости семейно-бытовой функции, представленной указательным (*Агафья*) и символическим знаками (*жена* → кандидат, *дочь* → школьница). В совокупности выделенные знаки фиксируют пространственную непрерывность и момент алогического становления пространства. Тернарные отношения выделяют в становлении любого качества (а также предмета) обязательное третье начало – алогическое становление, по существу своему глубинное, «так как оно возможно только тогда, когда в глубине этого становления видится нестановящийся, неизменный плоскостной лик второго начала. Третье начало алогично и как бы есть творческая функция первых двух начал. Поэтому создает категорию глубины, или телесности» [8, с. 238-239]. Символический знак *Журавлев* → кандидат создает телесность общинно-социальной явленности, маркируемый знаками *Агафья-жена* → кандидат-дочь → школьница, интерпретируя творческую функцию двуединого общинного (женского) начала. Причем этот знак воспринимается как нечто единое: «в одном бесконечно большом круге, пребывающем в Покое, вращаются в противоположных направлениях микроэлементы жизни, инь-ци и ян-ци (наподобие двойной спирали ДНК)» [55, с. 108-109]. Одно – личность – выступает одновременно бесконечно большим кругом и точкой в качестве Целого [55], но «мужской», активный вариант личностного проявления вызывает отчуждение общины (*Журавлев*) → кандидат, «женский», пассивный – дифференциацию, то есть распознавание с последующим возможным приятием (*жена* → кандидат), что выражает два модуса общинного бытия – невозможное и возможное, соотносимые с модусами Бытия Вселенной [13], соответственно, с архетипическим и интеллектуальным. Каждый тип состояния Бытия и вещи (индивида) характеризуется особым осознанием вещи, ее чувственных качеств, которые «являются лишь разнообразными движениями материи внутри вызывающего их объекта, движениями, посредством которых объект различным образом давит на наши органы» [62, с. 51].

Специфика оппозиции архетипическое – невозможное становится очевидной при рассмотрении детерминиру-

ющего ее типа мышления – эмпирического, воспринимающего чистое, ясно мыслимое тело в совокупности всех чувственных акциденций. Оппозиция интеллектуальное – возможное раскрывается через эволюционный тип мышления, ответственный за принятие и кодирование информации об особенностях протекания эволюции. «Архетипическая плоскость рассматривается как синоним интеллекта Тройной Божественности. В пределы этой божественной бестелесной и эфирной среды включены все низшие проявления жизни – все, что есть, что было и что будет. Внутри Космического Интеллекта все материальные и духовные вещи существуют как архетипы, или божественные мысленные формы... Архетипы являются абстрактными структурами, образованными Божественным умом, и через них контролируется вся низшая активность. В интеллектуальном мире есть невидимые духовные двойники созданий, которые населяют мир стихий. Следовательно, низшие проявляют высшее, телесное проявляет интеллектуальное, и невидимое заявляет о себе через работу» [13, с. 191]. Отсюда значимость производственной функции в организации общины и детерминированной ей функциональной модели мира, сопряженной в рассматриваемой пропозиции с идеализированной моделью мира, мотивированной семейно-бытовой функцией.

Идеологическая функция общины эксплицирует динамический аспект бытия общины. Динамика общины, как и любой другой системы, определяется принципом стационарности действия: «физически допустимыми значениями динамических переменных являются те, для которых первые функциональные производные действия обращаются в ноль» [93, с. 18-19], или иначе – допустимый энергетический функционал действия субъекта должен соответствовать данным поля энергетичности общины, не превышать ее во избежание разрушения последней. Каждое решение динамических уравнений, определяющих бытие общины, соответствует классически допустимой эволюции, то есть характеризуется непрерывными изменениями динамических переменных. Подобные изменения образуют группу преобразований динамических переменных, то есть группу, действующую в «пространстве» функций переменных; абстрактная группа, «представлением» которой является группа преобразований, называется группой инвариативности системы. Эволюционное развитие общины обусловлено, следовательно, функциональной соотнесенностью многооб-

разия актуализированных детерминированных проявлений индивидуальной субстанции и совокупности правил-законов, регулирующих распределение энергии – групповое преобразование, переводящее одну точку-субстанцию-качество в другую, и поддерживающих постоянный ритм энергетического обмена внутри общины, а также за ее пределами (община-община, община-иерархия).

Рассмотренная пропозиция описывала группу преобразований динамических переменных; группа инвариантности системы представлена другой пропозицией, заявленной в следующем фрагменте: «Вечером же у Глеба Капустина на крыльце собрались мужики. Ждали Глеба. Про Глеба Капустина надо рассказать, чтобы понять, почему у него на крыльце собрались мужики и чего они ждали». Выделяются следующие актаны: 1) субъект (*мужики*); 2) пространственный конкретизатор (*у Глеба Капустина на крыльце*); 3) временной конкретизатор (*вечером*); 4) субстанция, содействующая или препятствующая осуществлению процесса (инициатор, причина) (*ждали Глеба = из-за Глеба*). Компоненты анализируемой пропозиции представлены в предложении и парцелированном сегменте. Специфичным является введение временной координаты, поскольку она фиксирует особое длительное существование каждой вещи, ее особый ритм отдачи и взятия энергии, ритм взаимодействия со средой.

Временная текучесть связывается с упорядочением событий, которые в бытии отдельного индивида считаются обязательными показателями его актуализации, информируют об удержании индивида в собственном пространстве взаимодействия с другими индивидуальностями. «Удержание себя по-гречески значит эпохе. Отсюда речь об эпохах истории бытия. Эпоха означает здесь не временной отрезок в происходящем, но основную черту уместности, неизмечное удержание ею самой себя в пользу внятности вмещаемого, то есть бытия в аспекте углубления в сущее» [94, с. 396]. Временная координата фиксирует бытие общины как удержание себя в событии – обязательной индивидуальной (личностной) актуализации, в бытии личности, а следовательно, удержание себя в вечности. Удержание себя в собственном пространстве для общины есть удержание в пространстве отдельного индивидуума – пространственный конкретизатор *у Глеба Капустина* фиксирует совпадение (отождествление) субъективно-чувственного пространства как структуры представлений субстанции и системы «то-

чек зрения» всех субстанций, в которой приведены к единству индивидуальные структуры чувственных и рациональных представлений. Актант у *Глеба Капустина* становится иконическим знаком, придающим внешнюю форму духовному миру общины и создающим ее сенсорный образ [95]. Сенсорный образ есть в виде нервного кода (психического, эмоционального) зашифрованная копия внешних факторов и явлений, проецируемая на блоки ранее воспринятой и обработанной информации; интеграция сенсорных образов и информации закодированной позволяет формировать чувственные копии и модели внешнего мира [96]. Сенсорный образ отражает также свойства времени: сжимаемость и расширяемость, то есть качество обращения. Понятие обращения (инверсии) времени [32] означает обратное течение времени от настоящего к прошлому: бесконечность времени складывается из конечной длительности отдельных материальных процессов, отдельных индивидуальных длительностей. Иконический знак у *Глеба Капустина* выполняет функцию знака-коннектора, соединяющего разные временные проявления общины, ее временную многослойность; кроме того, он маркирует пространство общины, творит его, являясь центром этого пространства.

Деривационный процесс разворачивается внутри позиции: пространственный конкретизатор мотивирует позицию субстанции, содействующей осуществлению процесса, то есть реляционной иерархии, конструирующей это пространство — у *Глеба Капустина* —> (ждали) *Глеба*. Иконический знак трансформируется в указательный на основе процесса свертывания, отражая статус и репутацию индивида, а также «клановость» его имени, маркирующего «мужское» начало общины (ср.: субъектный актант — *мужики*). Эта деривационная парадигма составлена из информизирующих форм [97], которые допускают больше и меньше, могут присутствовать у многих, присутствовать по-разному в разном, быть представленными разными типами знаков — иконический —> указательный —> символический; конструировать нечто единое — точку, группу инвариантности системы, центральную ось как принцип будущей ориентации. «Неподвижная точка», по мере наполнения первопространства космическими объектами, становится «центром мира» [98, с. 181]. Явление точки-центра в пространстве предполагает дальнейшее ее разворачивание в систему информационную, интерпретируемую через соот-

ветствующие каналы связи: материю, энергию, пространство, время [99]. В результате подобного развертывания община превращается в информационное поле общения индивидов (основная черта общины – общительность), определяемое психическими способностями индивида: этикой – способностью улавливать эмоции, сенсорикой – способностью, позволяющей осуществлять экспансию во внешнем мире; логикой – способностью осуществлять конструктивные, рациональные действия; интуицией – способностью постижения истины путем прямого ее усмотрения без основания с помощью показательства [99]. Значимость индивидуальной субстанции проверяется через анализ ее качественности – информации о пространственно-временной, энергетической определенности: «Глеб Капустин – толстогулый, белобрысый мужик лет сорока, начитанный и ехидный». Выделенные качества можно определить как символические знаки, характеризующие различные формирующие формы индивида, его включенность в различные информационные универсусы. Каждое индивидуальное качество имеет разное значение для общины и может быть оценено либо как полезное/вредное, либо как необычное/безразличное [100], также то или иное качество может детерминировать состояние бытия общины. Взаимозависимость выделенных параметров можно показать в следующей таблице.

Детерминационная обусловленность индивидуальных и общинных характеристик (информационный аспект)

Качество индивида	Информационный универсус	Формирующая форма индивида	Значимость качества для общины	Модус бытия общины	Функция общины
толстогулый, белобрысый	пространство	сенсорная	безразличность	необходимое	бытовая
сорока лет	время	этическая	необычность	невозможное	космическая
начитанный	материя	логическая	полезность	случайное	производственная
ехидный	энергия	интуитивная	вредность	возможное	идеологическая

Доминирующие актанты пропозиции – пространственный и временной конкретизаторы – детерминируют значимость формирующих форм при развертывании пропозиции – сенсорная и этическая, соответственно маркируемые указательными знаками: *толстогобый, белобрысый и сорока лет*. Сенсорная форма индивида способствует перцептивной дифференциации, а этическая – перцептивной идентификации – отождествление длительности индивида с длительностью общины, включение первой во вторую. Информационные универзусы, конструирующие или выявляющие ту или иную форму индивида, активизируют соционические функции последнего (его психико-коммуникативные способности): пространство – владение пространством, волевые качества, требовательность; гармония пространственных форм, ощущение удобства, самочувствие; время – способность оценивать внутреннее содержание, потенциальные возможности данного в наличии объекта; предчувствие, прогноз, способность улавливать динамику развития, поэтическая фантазия, мистическое чувство; материя – деловая выгода, эффективность, целесообразность, технология; структура, система, объективные научные теории; энергия – внутреннее состояние (настроение) и его внешние проявления; отношения между людьми, чувства симпатии-антипатии, любви-ненависти [99]. Преобладающей в анализируемой пропозиции является соционическая функция, мотивированная информационным универзусом – пространство, содействующая реализации бытовой функции общины, что для ее эволюционного развития является безразличным. Пространственный универзус детерминирует энергичный универзус, эксплицирующий внутреннее состояние индивида, отношения между людьми – состояние общительности (знак *ехидный*) для данной пропозиции, маркируемое как вредное для бытия общины. Проявления информационного универзуса материи, актуализирующего соционические функции индивида – деловая выгода, знание объективных научных теорий, целесообразности – оказывается полезным для общины, но их реализации носят случайный характер (знак *начитанный*), потому основная функция общины, обеспечивающая ее нормальную жизнедеятельность – производственная – оказывается ослабленной. Кстати, именно развитие и стабилизация производственной функции способствует экспликации космической функции, раскрывающей в индивиде такие соционические функции, как предчувствие, прогнозирование, поэтическая

фантазия, способность улавливать динамику развития, оценивать потенциальные возможности другого объекта.

Рассматриваемая пропозиция разг ртывается через два типа деривационных рядов: *у Глеба Капустина* —> (ждали) *Глеба* —> *про Глеба Капустина* —> *Глеб Капустин* (градационная парадигма становления формы информирующей); *Глеб Капустин* —> *толстогубый, белобрысый, сорока лет, начитанный, ехидный* (парадигма развертывания-становления информирующей формы через формирующие формы, обусловленные соционическими функциями индивида), то есть два типа актуализации пропозиции как реляционной и корреляционной иерархии. Данная пропозиция характеризует динамическую модель мира — вычленение формы и ее становлеь .е. Форма есть реализация вещной, личностной индивидуальности, горизонтальное развертывание индивида и общины или пространственно-горизонтальная периодичность Космоса, отличающаяся ориентированием на проектирование конкретной вещи в ее качественной определенности, то есть моделирование программы функционирования индивида. «Всего существует четыре первоначала, благодаря которым возникает всякая вещь: есть ведь некая причина, которая называется производящей, как, например, отец для сына; другая материальная, как камни для дома; третья причина — форма, как для человека разумность; четвертая — ради чего совершается, как для битвы победа» [60, с. 33]. Форма — это рисунок, делающий вещь, становление отдельного индивида всеобщим — общинным и становление общинного принадлежностью индивида утверждение себя в акте макрокоммуникации. Напомним, что Дж. Бруно [11] выделяет понятия подателя форм, источника форм, приемника форм. Таким образом, женское начало — податель форм (интеллект, дающий бытие всякой вещи, является подателем форм); мужское начало — источник форм (душа, формальное начало, создающая и формирующая всякую вещь, называется источником форм); община — приемник форм (материя, из которой формируется всякая вещь, признается приемником форм): *Агафья-Живавлев* —> *кандидат* (недифференцированное личностное начало) — *Глеб Капустин*, или: женское начало — общинное начало — мужское начало. Основным типом логики, характеризующим взаимодействие между составляющими пропозиции «форм», становится логика отношений в разновидности бинарных отношений,

для которых вводятся теоретико-множественные операции объединения (суммы) – у Глеба Капустина —> (ждали) Глеба —> про Глеба Капустина —> Глеб Капустин – и пересечения (произведения) – Глеб Капустин —> толтогубый, белобрысый, сорока лет, начитанный, ехидный. Основным модусом общинного бытия, описываемым пропозицией форм, является модус необходимое, соотносимый с модусом Бытия Вселенной – стихийное. Оппозиция стихийное – необходимое постигается мифологическим типом сознания (мышления), основанном на «осмыслении практически возникающей и потому жизненно важной реакции, осмысления места человека в мире, воздействии на этот мир в виде практической или ритуальной деятельности» [95, с. 29].

Таким образом, исследование деривационной специфики пропозиции позволяет выделить два вида модификаций: реляционную и реляционно-корреляционную, или пропозицию «форм». Реляционная модификация, или многослойная пропозиция, рассматривается как комплексная знаковая форма, сопрягающая различные типы моделей мира – идеализированную и функциональную, соответственно, детерминируемые семейно-бытовой и производственной функциями общины. Пропозиция «форм» фиксирует сенсорный образ общины, служащий основой для конструирования динамической модели общины, мотивированной бытовой (потенциально космической) функцией.

§2. Внешняя вероятностная каузация (внешняя сопричастность Миру (рассказ «Осенью»)

«Мы именуем время, когда говорим: у всякой вещи свое время. Этим подразумевается: все, что когда-либо есть, всякое сущее приходит в должное ей время и пребывает некоторое время на протяжении отмеренного ей времени. У каждой вещи свое время [94, с. 392]. Пространственное конструирование бытия каждой вещи определяется четырьмя измерениями, из которых три координаты пространственные, а четвертая – временная [46]. Временная координата фиксирует особое время каждой вещи, ее особый ритм, время содержит качественность, диктующую ритм отдачи и взятия энергии, ритм взаимодействия со средой.

Время может выступить в качестве индивидуализирующего принципа, выявляющего природу вещи в ее взаи-

модействии с окружающим Миром, актуализации внешней вероятностной каузации предмета, явления, человека. Время как индивидуализирующий принцип более соотносимо с пониманием времени как длительности материальных объектов в их собственном бытии, длительности, зависящей от отношений данного предмета к другим телам и от характера процессов, происходящих в нем. Индивидуальное время определяется или выводится из соотношения ритма времени, в котором индивид находит свое бытие [94], ритма времени Галактического единства – космического времени, в котором протекает и историческое и индивидуальное бытие, что неизбежно их объединяет. «Время космоса сжимаемо и расширяемо... именно сама временность, как таковая, текуча и что она сама, а не только ее проявления, в разной степени напряжены и доступны сжиманию и расширению. Пятое основоположение. Космос пребывает вне времени и – одинаково – во времени, то есть обладает становящейся, или непрерывно изменчивой, напряженностью себя как подвижного покоя алогического становления» [8, с. 236].

Кроме свойств сжимаемости и расширяемости, время обладает такой характеристикой, как обращение. Понятие обращения (инверсия) времени [32] означает обратное течение времени от настоящего в прошлое, бесконечность времени складывается из конечной длительности отдельных материальных процессов, противоречивость времени связана с наличием бесконечной длительности и сменой моментов, и противоречивость пространства, в свою очередь, – с наличием его протяженности и структурности. Каждая протяженность – пространство – имеет свою длительность, временную текучесть.

Временная текучесть связывается с понятием упорядочения событий, которое включает в себя идею причинности, основанную на хроногеометрическом делении многообразия событий на временноподобные и пространственноподобные [46]. Подобный подход предполагает описание причины как геометрической категории, что позволяет дополнить понимание причинности идей причины – взаимодействия предметов в процессе, приводящего к изменению состояния взаимодействующих предметов.

Осознание временных особенностей бытия является обязательной характеристикой формирования представления о существовании мира и индивида, поэтому понимание времени может служить своего рода эталоном, по которому

можно оценивать познавательные и разумные способности человека того или иного исторического периода. Очень условно определяя, можно сказать, что европейский разум есть диалог (общение) «разума эйдетического» (античность) – «разума причащающего (средние века) – «разума познающего» (Новое время) и возникающего в XX веке особого строя разума [17], определения которого возможно построить на основе сопряжения всех типов разума всех эпох человеческого существования. Разные типы разумности соотносимы с различными типами отношения к понятию времени – «временному мировоззрению» – одного века, века – периода в 2160 лет.

«Период в 2160 лет, требующий для возвратного движения Солнца в пределах одного знака, часто называется веком. Согласно этой системе, век берет свое имя от знака, который Солнце год за годом проходит после пересечения экватора во время весеннего равноденствия» [13, с. 176]. Текст В.М. Шукшина каузируется разумием XX века, в котором одномоментно представлены градационные ступени осознания времени в век Рыб («Иисус часто назывался Рыбаком людей, и в связи с этим Джон Лунди пишет: «Слово «рыба» есть сокращение его полного титула, Иисус Христос, Сын Бога, Спаситель Распятый; вот как это выражено св. Августином: «Если вы соедините исходные, начальные буквы пяти греческих слов: $\text{Ιησοϋς Χριστοϋ Θεου Υιου Σωτηρ}$, которые означают Иисус Христос, Сын Бога, Спаситель, эти буквы образуют слово, что он был способен жить в безднах смертного существования, точно в глубинах вод, без греха» («Монументальное христианство» [13, с. 176]. Следует говорить о трех типах времени как принципа индивидуализирующего: время индивидуальное, время историческое и время космическое.

Индивидуальное время бесконечно, оно складывается из конечной длительности материальных процессов, что фиксируется системой событий, являющихся когнитивной базой в коммуникативных актах людей с максимально различным иконическим опытом [76]. Структурой данных для представления стереотипной ситуации, события является фрейм [101], под которым понимаются узлы в сетях отношений. «...человек, пытаюсь познать новую для себя ситуацию или по-новому взглянуть на уже привычные вещи, выбирает из своей памяти некоторую структуру данных (образ), называемую нами фреймами, с таким расчетом, чтобы путем изменения в ней отдельных деталей сде-

лать ее пригодной для понимания более широкого класса явлений или процессов» [102, с. 7].

Индивидуальное время эксплицирует смысл личного существования – я существую только в той мере, в какой я существую для другого, и в пределе быть означает любить [15]. Любовь понимается [15] как сверхприродная новая форма бытия, которая даруется личности по ту сторону естества, требует от нее возможно полной самореализации и осуществления свободы, в ней реализуется трансцендирующая активность индивидуума. Вероятно, не случайно понятие любви – чувства глубокой привязанности к кому-либо – возникает параллельно с событием «смерти»:

«И почудилось Филиппу, что эти люди, которые провезли мимо него Марью, что они не должны так сделать – провезти, и все. Ведь, если чье это горе, так больше всего – его горе. В гробу-то Марья. Куда же они ее?.. И опрокинулось на Филиппа все не изжитое жизнью, не истребленное временем, дорогое до боли... Вся жизнь долгая стояла перед лицом – самое главное, самое нужное, чем он жив был... Он не залечал, что плачет. Смотрел вслед чудовищной машине, где гроб... Машина поднялась на взвоз и уехала в улицу, скрылась. Вот теперь жизнь пойдет как-то иначе: он привык, что есть на земле Марья. Трудно бы зало, тяжело – он вспоминал Марью и не знал сиротства. Как же теперь-то будет? Господи, пустота какая, боль какая!»

Отношение к смерти означает отношение к любви. По мнению Н.Г. Елиной, «проблема отношения человека к любви (а значит, и к смерти) и их воздействие на него перерастает в проблему превращения жизни отдельного человека в жизнь, приобретающую универсальную значимость» [103, с. 13]. Любовь перестает быть чувством индивидуальным, она сливается со всеобщим преклонением перед идеальным существом, которое облагораживает окружающих людей [103] – Марьей. Кроме того, смерть являет собой некоторую дискретную величину – точку, в которой происходит перевоплощение Нечто в Ничто, то есть иное; смерть – это прерванность жизненного процесса направляющим вектором которого является человеческое общение, утверждающее и умножающее бытие каждого, цель и назначение человека: наличие любви как общения означает существование [15]. Смерть связана с прорывом времени, с которым соотносимо сакральное (коллективное) и его явленность в индивидуальной жизни. «Жизнь человека протекает как бы в двух измерениях. Будучи индивидуом, человек осуществляет свою индивидуальную програм-

му жизни. Будучи членом коллектива, он с неизбежностью следует коллективному сценарию, и, соответственно, наряду с индивидуальным, ему присущи и коллективные представления, которые реализуются в религии, мифе, ритуале» [104, с. 27-28].

Профанное (мирское) время индивида – Филиппа – выписывается фреймом «Любовь–смерть» (см. с. 79). Терминалы-узлы фрейма: ЧЬЕ ЭТО ГОРЕ – ЕГО ГОРЕ; ГРОБ–МАРЬЯ–МАШИНА; НЕ ИЗЖИТОЕ ЖИЗНЬЮ, НЕ ИСТРЕБЛЕННОЕ ВРЕМЕНЕМ, НЕ ЗАБЫТОЕ, ДОРОГОЕ ДО БОЛИ; САМОЕ ГЛАВНОЕ, САМОЕ НУЖНОЕ, ЧЕМ ОН БЫЛ ЖИВ; ПУСТОТА КАКАЯ; БОЛЬ КАКАЯ. Выделенные терминалы возможно дифференцировать по основанию 'смерть–любовь' и 'жизнь–любовь'.

Смерть-любовь

ЧЬЕ ЭТО ГОРЕ

ГРОБ–МАРЬЯ

НЕ ИЗЖИТОЕ ЖИЗНЬЮ,

НЕ ИСТРЕБЛЕННОЕ ВРЕМЕНЕМ

САМОЕ ГЛАВНОЕ,

САМОЕ НУЖНОЕ

ПУСТОТА КАКАЯ

Жизнь-любовь

ЕГО ГОРЕ

МАРЬЯ–МАШИНА

НЕ ЗАБЫТОЕ,

ДОРОГОЕ ДО БОЛИ

ЧЕМ ОН БЫЛ ЖИВ

БОЛЬ КАКАЯ

Любовь, по В.М. Шукшину, бывает двух родов: любовь–смерть и любовь–жизнь, в сравнении со Стендалем [105], у которого это явление человеческой жизни представлено в четырех ипостасях: любовь–страсть, любовь–влечение, физическая любовь, любовь–тщеславие. Любовь–смерть вбирает все четыре градации Стендала: ЧЬЕ ЭТО ГОРЕ – любовь–тщеславие, НЕ ИЗЖИТОЕ ЖИЗНЬЮ – любовь–влечение, НЕ ИСТРЕБЛЕННОЕ ВРЕМЕНЕМ – любовь–страсть, САМОЕ ГЛАВНОЕ, САМОЕ НУЖНОЕ – физическая любовь. Ритуальный знак-символ подобного рода любви – ГРОБ (атрибут смерти, который должен вызывать бесстрашие, презрение к смерти и одновременно демонстрировать брэнность человеческого существования) и имя жены (то есть женщины вообще. См.: Даль В. ЖЕНА, ж. вообще женщина, замужняя женщина; супруга, баба) [106]. Онтологическое свойство подобного рода любви – ПУСТОТА, разделение души с телом, умирание, состояние отжившего, конец бытия, или возвращение жизненных сил его в общий источник, и разложение плоти; поступление во власть законов *неживой природы* (ср.: Даль В. СМЕРТЬ – конец земной жизни, кончина, разлучение ду-

ши с телом, умирание, состояние отжившего. *Смерть животного*, конец бытия его, или возвращение жизненных сил его в общий источник, и разложение плоти. *Смерть растения* – то же, отделение от него растительной силы, или поступление его во власть законов неживой природы). Любовь-смерть актуализирует животное-растительное начало человека, его зооморфную божественность, единящую его с Природой, выявляющую связь с земляным телом космоса, «питаемым неистощимым и тончайшим огнем, покрывающим это тело световыми формами и выявляющим через посредство его воздушного становления водную текучесть его качеств» [8, с. 296]. Описание земляного тела космоса, его ощущение «есть пока только материал космоса. Необходимо перейти к конструированию самого устройства космоса. Это и значит определить имя космоса, выразить космос, представить его себе в окончательно развитой и выявленной форме» [8, с. 296].

Любовь-жизнь вбирает в себя бытие, существование отдельной личности и избрание, предпочтение кого или чего по воле, волею (но не рассудком) (ср.: ДАЛЬ В. ЛЮБИТЬ, чувствовать любовь, сильную к кому; привязанность, начиная от склонности до страсти; сильное желание, хотение; избранье и предпочтение кого или чего по воле, волею (не рассудком), иногда и вовсе безотчетно и безрассудно; ЖИЗНЬ, житие; бытие, состояние особи, существование отдельной личности). Любовь-жизнь предполагает прежде всего не опыт второй личности, а свой собственный, не познание другого, а познание через другого себя, своего Я, своей жизненной состоятельности – ЕГО горе, чем ОН был жив (по В.М. Шукшину). Любовь-жизнь – это и проявление свободной воли, или практического духа, когда Я может абстрагироваться от всякой определенности и во всякой определенности остается неопределенным и равным самому себе [4]. Воля, перенося через деятельность и лоступок свои внутренние определения во внешнее наличное бытие, тем самым выражает себя как идею. Следовательно, в любви эксплицируется практический дух как Я идеальное, – ДОРОГОЕ ДО БОЛИ, превращающееся в объективность лишь теоретически, и как Я реальное – НЕ ЗАБЫТОЕ, превращающееся в объективность практически.

Термины ДОРОГОЕ ДО БОЛИ и НЕ ЗАБЫТОЕ развертываются в тексте таким образом: дорогое до боли – МАРЬЮ ЖАЛЕЛ, СЕРДЦЕ КРОВЬЮ ПЛАКАЛО И БО-

ЛЕЛО, ВСПОМИНАЛ МАРЬЮ, ХОТЕЛ РУКИ НА СЕБЯ НАЛОЖИТЬ, БОЛЬ НЕ УШЛА, БОЛЕЛО СЕРДЦЕ, ПОСТОЯННАЯ ПЕЧАЛЬ, ВИДЕЛ МЫСЛЕННО МАРЬЮ, И ЕСЛИ БЫ СЛУЧИЛОСЬ ПОГИБНУТЬ, ТО И ПОГИБ БЫ ОН С МЫСЛЬЮ О МАРЬЕ. Я идеальное представлено может быть двумя рядами терминалов: Я идеальное социально-общинное (родовое): МАРЬЯ–КРОВЬ–СМЕРТЬ (представленные выше конструкции свернуты до ядерного смыслового ядра); Я идеальное личностно-индивидуальное: СЕРДЦЕ–ПЕЧАЛЬ–СМЕРТЬ. Выделенные ряды дают основания для образования синтагм терминалов: МАРЬЯ–СЕРДЦЕ, КРОВЬ–ПЕЧАЛЬ, СМЕРТЬ–СМЕРТЬ, образующих своего рода условно-категорический силлогизм с заключением СМЕРТЬ–СМЕРТЬ. Первая посылка этого силлогизма МАРЬЯ–СЕРДЦЕ может быть прочитана следующим образом: Марья – очищающее и обновляющее начало (ср.: Даль В. СЕРДЦЕ грудное черевцо, принимающее в себя кровь из всего тела, очищающее ее через легкие и рассылающее обновленную кровь во всем частям, для питания, для обращения ее в плоть). Вторая посылка силлогизма КРОВЬ–ПЕЧАЛЬ раскрывает сущность любви как познавательного процесса, его социальной значимости. «Сама любовь не есть еще предмет. Но Я любви выходит из нее, отталкивает самого себя и становится для себя предметом. Единство обоих характеров есть только *любовь*, но еще не знает себя как любовь. Как таковую она знает себя в ребенке. В нем любящие созерцают любовь; это их *самосознательное* единство, как таковое» [107, с. 313]. Познание друг друга в любви осуществляется через третье, которое является выходом за Предел, в котором удерживаются «два» [55]. «Одно» раздваивается, но не абсолютно, в одной половине всегда присутствует другая, порождая третье, воссоединяется в нем. Триединое – формула становления мира и ключ к пониманию любой ситуации, устремленной к противоречивому состоянию, к преодолению всякой двойственности во имя полноты Единого. Таков конечный идеал» [55, с. 110]. КРОВЬ в значении рода, поколения, племени, колена, то есть ребенка, это и забота, хлопоты и горе, боль души (забота о третьем, а через него и о другом, и боль души при отсутствии третьего и другого) (ср.: Даль В. ПЕЧАЛЬ ж. то же: жаль, грусть, тоска, скука, сухота, горе, туга, боль души, кручина; внутреннее чувство; забота, гребта, печка, усердные и сердечные хлопоты о чем, рвение на чью пользу, застой, заступничество).

Практический дух, эксплицированный в любви, предполагает и соответствующее распределение функций-ролей между участниками коммуникации – *избранник* (тот, кто избран в качестве супруга, возлюбленно о; любимец, баловень, (судьбы); ср.: ИЗБРАНУШКА – дружок, ладушка (по Далю В.) и *заступник* (тот, кто защищает, покровительствует, берет на себя ответственность за кого-то). В процессе любви эксплицируются социально-значимые функции индивида, обеспечивающие продолжение человеческого рода – источник процесса (*избранник*) и приемник соответствующих импульсов, поддерживающих процесс (*заступник*), то есть своего рода ИНТЕЛЛЕКТ любви и МАТЕРИЯ любви, ее небесное и земное тело, связующим звеном которых является третье – ДУША любви. ДУША, ИНТЕЛЛЕКТ, МАТЕРИЯ придают форму любви, делают ее вещь-в-себе; самодостаточной субстанцией: «два» могут быть «Небом» и «Землей», а «три» может быть Человек, триединый с Небом и Землей [55].

Заключение силлогизма СМЕРТЬ СМЕРТЬ сопоставляет двe толкования слова 'смерть': СМЕРТЬ – конец земной жизни, кончина, разлучение души с телом, умирание, состояние отжившего и СМЕРТЬ человека, конец плотской жизни, воскресение, переход к вечной, к духовной жизни (по Далю В.). Смерть как конец земной жизни предполагает разделение небесного (интеллектуального) тела любви, ее земного тела и души любви, то есть некоего тонкого тела любви, которое создается участниками процесса любви и является результатом их совместной духовной деятельности, изменением наличного бытия, осуществлением себя – двоичной сущности – как идеи нисхождения из небесного мира в настоящее. «Нисхождение из небесного мира в настоящее – ступень небесной лестницы, – что божественное есть в настоящем» [107, с. 311]. Тонкое тело любви как результат совместной деятельности индивидуумов в их телесно-душевной земной явленности обуславливает воскресение человека, переход его к духовной жизни в Космосе, следовательно, СМЕРТЬ есть ЖИЗНЬ.

Таким образом, Я идеальное, рассмотренное как проявление свободной воли и поэтому предполагающее актуализацию аспектов деятельности и поступка, есть соединение деятельности очищения и поступка – перехода к духовной жизни в Космосе (ДОРОГОЕ ДО БОЛИ).

И реальное – НЕ ЗАБЫТОЕ – в тексте соотносимо с такими терминалами: СЕМЬЯ, ПО ПРАВИЛАМ ГРАЖД-

ДАНСКОГО БРАКА, ДЕТИШКА, ЖЕНА ЕГО, ЕГО ПОСТОЯННАЯ ПЕЧАЛЬ, ГЛУБОКАЯ ТИХАЯ НЕНАВИСТЬ К НЕЙ; ФИЛИПП НЕ НЕНАВИДЕЛ ФЕКЛУ, НЕТ... НО... Я реальное, превращающее в объективность практически в процессе любви, есть социальный вариант модели любви, вариант социального бытия любви, деятельностной актуализации «мистического тела», сформированного множеством членов общины, образующих жизненное единство («мистическое тело» — образ из посланий апостола Павла).

Понятие мистического тела соотносится с понятием плеромы, состоящей из эонов. Эон в древнегреческой философии [74] трактуется как «жизненный век», «вечность» в аспекте жизненного существования в отличие от «хроноса» — абстрактного, количественно-измерительного объективного и аморфного времени. Таким образом, эон — это метафизическое толкование времени, его протекания для человека. По Платону [108], время течет в мире чувственного становления и характеризуется существенной связью с движением от прошлого к будущему и календарно-хронологическим числом. Движение времени не абстрактно, поскольку это — это совокупность «жизненных веков», множественное единство духовных сущностей, о которых нельзя сказать «был» или «будет», но только «есть», к которым приложимо понятие временного настоящего как характеристики бытия «в пути истин» Парменида. При таком понимании человеческая жизнь — не собственность индивидуума, а один из способов постижения мира, познания сущности бытия, обязательное звено во временной цепи существования человечества, жизненный век в вечности. Отсюда становится очевидной значимость социального единичного бытия — еще один вариант постижения и преобразования мира, приближения к истине, перерастающей во вселенскую необходимость индивидуальной «вечности». «Мистическое тело» связано, таким образом, с особым рассмотрением значимости человеческой жизни для мира (природы), социального объединения (общины), где каждый индивидуум является носителем, создателем и хранителем культуры, по материальным знакам которой можно судить о целесообразности деятельности и существования общины, то есть исторической роли.

Важной категорией, соотносимой с понятием мистического тела, представляется категория семьи — одна из основных форм естественного общества, где в ходе взаимодействия усваиваются основные общественные (вечные,

вневременные) ценности и нормы. Семья – это форма актуализации коммуникативных отношений любви между индивидуумами, узаконенная социально. Отношения «я – другой» в семье конституируются в «мы», «встреча «ты» и «я» в «мы» создает особый, персональный опыт, коммуникацию душ» [15, с. 96]. Терминалы МЫ связываются в такие синтагмы: СЕМЬЯ-ПРАВИЛА, БРАК-ДЕТИ, ЖЕНА-ПЕЧАЛЬ, ПЕЧАЛЬ-НЕНАВИСТЬ, которые, соответственно, формируют модель МЫ социально-идеальную (СЕМЬЯ-БРАК, ЖЕНА-ПЕЧАЛЬ) и модель МЫ индивидуально-реальную (ПРАВИЛА-ДЕТИ, (печаль в значениях: забота и чувство грусти, душевной горечи), ПЕЧАЛЬ (в знач. чувство душевной горечи) – НЕНАВИСТЬ).

Выделенные синтагмы терминалов создают основу для структурирования модели Я идеального социального (мужская разновидность) и модели ТЫ реального социального (женская разновидность в мужской интерпретации). Я идеальное социальное: СЕМЬЯ (= Семейство, вообще: совокупность близких родственников, живущих вместе; родители с детьми (по Далю В.) – предполагает наличие ПРАВИЛ (законов, оснований для действия, позволяющий эксплицировать Я идеальное-социальное мужское), требующих БРАКА (законного союза мужа и жены; супружества, устанавливающего новый статус Я и ТЫ – отец и мать, хозяин и хозяйка; соединения четы-сизигидии церковью, что, вероятно, влечет за собой воссоединение человека через церковь, через любовь другого с самим собой), результатом которого, и прежде всего результатом духовного и душевного труда, становится появление ДЕТЕЙ – реального доказательства состоятельности душевного и духовного союза-единения Я и ТЫ в процессе коммуникации любви: «другой не является границей «я», он – источник – «я» [15, с. 96]. СЕМЬЯ – это ЛЮБОВЬ.

Ты – реальное социальное: ЖЕНА – замужняя женщина (по отношению к сыому мужу); женщина требует ПЕЧАЛИ (заботы, беспокойства), что порождает ПЕЧАЛЬ (чувство грусти, душевной горечи), являясь событием (то есть определенной системой взаимосвязанных общих и существенных признаков некоторого однородного класса сцен – воспринимаемых из объективной реальности или воспроизводимых из памяти конкретных фрагментов отражаемого движущегося мира, ограниченных рамками объема внимания), вызывающим чувство грусти и скорби, а следовательно, естественно детерминирующим чувство

НЕНАВИСТИ (неприязни, отторжения от предмета, переход к абстрактно-теоретическому восприятию его – **ТЫ**, отрицанию детерминации **Я-ТЫ** и **ТЫ-Я**, утверждение самодетерминации **Я**, общения как общения, коммуникации разных личностей, разных разумов, разных культур, результатом чего является непонимание, то есть не-любовь). **ЖЕНА** – не-любовь – таков эскизный прототип **ТЫ** реального социального (мужской вариант интерпретации).

Сопряжение моделей **Я** идеального социального (мужская разновидность) и **ТЫ** реального социального (женская разновидность в мужской интерпретации) позволяет воссоздать модели **Я** идеального социального (женская разновидность в мужской интерпретации) и **Я** индивидуально-реального (женская разновидность в мужской интерпретации): **СЕМЬЯ** – это **ЖЕНА**, **ПРАВИЛА** – это **ПЕЧАЛЬ** (забота) (**Я** женское идеальное) и **БРАК** – это **ПЕЧАЛЬ** (душевная горечь), **ДЕТИ** – это **НЕНАВИСТЬ** (то есть не доказательство наличия любви) (**Я** женское реальное). Возможность формирования таких моделей женского **Я** мотивированы несоответствиями, которые наличествуют между социально-идеальной моделью **МЫ** и социально-идеальной моделью мужского **Я**:

МЫ: СЕМЬЯ	БРАК	ЖЕНА	ПЕЧАЛЬ
Группа людей, состоящая из мужа, жены, детей и других близких родственников	Семейный союз мужчины и женщины, супружество	Замужняя женщина (по отношению к своему мужу)	Забота, беспокойство
Я: СЕМЬЯ	ПРАВИЛА	БРАК	ДЕТИ
Совокупность близких родственников, живущих вместе; родители с детьми	Законы, основания для действия, в данных случаях	Законный союз мужа и жены, супружество, таинство венчания, соединение четы церковью; воссоединение человека	Сыновья и дочери, в отношении к родителям

Представленные модели несколько разнятся. Прежде всего они отличаются набором структурных узлов: в социальной модели **МЫ** отсутствуют терминалы **ПРАВИЛА** и **ДЕТИ**, то есть категория отношения-предиката и категория результата – детерминирующей причины одновременно (из модели изымается понятие «любовь»). Таким образом, для модели социально-идеальной мужского **Я** любовь – это и закон, которым **Я** руководствуется при создании и сохранении семьи, и то, ради чего семья создается – для познания собственного **Я**. Некоторые структурные уз-

лы Я в модели МЫ подменяются: СЕМЬЯ (для Я) – совокупность родственников, родители и дети – СЕМЬЯ (для МЫ) – группы людей, муж, жена, дети и пр.; БРАК (для Я) – законный союз мужа и жены – БРАК (для МЫ) – семейный (то есть группы людей) союз мужчины и женщины. Закономерным результатом подобной понятийной подмены становится введение в социально-идеальную модель МЫ терминалов ПЕЧАЛЬ (заменяющего ПРАВИЛА, ДЕТИ) и ЖЕНА (заменяющего понятие «родители», являющегося частью терминалов СЕМЬЯ, ДЕТИ, и понятие «единство», определяющее терминалы СЕМЬЯ, БРАК). Следовательно, социально-идеальная модель МЫ, то есть модель социальная семьи, не содержит в себе таких характеристик, как любовь и единство (два в одном), обязательных для идеально-социальной модели семьи в мужском варианте.

Выделенные терминалы могут быть охарактеризованы в плане коммуникативном как атомарные высказывания, на основе которых может быть выведен вероятностный смысл любви. Исходные атомарные высказывания преобразуются в молекулярные посредством логического союза, или пропозициональной связки *если, то...* (то есть осуществляется операция импликации), фиксирующей внутреннюю вероятностную каузацию смыслов текста. Таким образом, имеем следующие высказывания, определяющие вероятностную сущность любви:

1. Если семья, то должны быть правила.
2. Если брак, то должны быть дети.
3. Если жена, то должна быть печаль (забота).
4. Если печаль (душевная горечь), то должна быть ненависть.

Результатом применения операции импликации служит таблица истинности, в которой записаны значения истинности молекулы при всех возможных комбинациях значений истинности составляющих ее атомов.

A	B	A → B
Семья Истинно	Правила Истинно	Если семья, то должны быть правила. Истинно: Жизнь родителей и детей определяется законами.
Брак Истинно	Дети Ложно	Если брак, то должны быть дети. Ложно: Семейный союз мужчины и женщины с обязательностью предполагает наличие детей.

А	В	А → В
Жена Ложно	Печаль Истинно	Если жена, то должна быть печаль (забота). Ложно: Замужняя женщина (по отношению к своему мужу) требует заботы, беспокойства.
Печаль Ложно	Ненависть Ложно	Если печаль (душевная горечь), то должна быть ненависть. Истинно: Ощущение физического или нравственного страдания побуждает к деятельности в связи с возникающей потребностью или опасностью, мотивирует возникновение чувства инстинкта сохранения индивида.

Итак, основные смыслы любви актуализируются в атомах СЕМЬЯ, ПРАВИЛА, БРАК, ПЕЧАЛЬ, в которых воплощаются исходные мотивы любви к человеку (христианская нравственность): СЕМЬЯ – любить человека ради него самого, чтобы его спасти, ПРАВИЛА – любить человека ради благоволения БОГА ко мне, чтобы спасти себя; БРАК – любить в человеке Бога. «Эти мотивы не просто сливаются в неделимую любовь, в один поступок. Они постоянно противоборствуют в душе человека средних веков, и это их противоборство определяет внутреннюю сложность и мучительность каждого отдельного завета, каждого отдельного поступка, его мучительность в поле нравственности...» [17, с. 313] – отсюда ПЕЧАЛЬ = БОЛИ. Мотивы любви детерминируют типы любви: семья – любовь-рефлексия, правила – любовь-экзистенция, брак – любовь-творчество, которые представляют дифференциалы рода любви – любовь-жизнь. Причем осуществляется противопоставление семьи-общины (плеромы) и семьи-сизигидии – союза МЫ, состоящего из неконкретизированных Я, союзу МЫ, в основе которого лежит со-бытие Я и ТЫ, а следовательно, в оппозицию ставится время дискретно-импульсное (время бытия общины) и время сверхбытийное (время бытия двух индивидуальностей, каждая из которых наделена своей временной текучестью), в оппозицию ставятся любовь-рефлексия и любовь-творчество. Следует отметить, что любовь признается не только неотъемлемой частью существования и жизни человека (все социальные ипостаси, в которых человек актуализирует свое бытие сопряжены с принципом любви), но утверждается и как сам принцип земного бытия человека, его смысл (ср.: Плотин. «Можно ли тогда определить Время как Жизнь Души, пребывающей в движении, переходящей от одного жизненного проявления к другому?» [23, с. 77]). Деятельность, по Плотину, есть Время, Вселенная есть содержание Времени; отсюда

деятельность, или любовь (деятельность духа, души, интеллекта), по В.М. Шукшину, есть Время, Еселенная есть содержание Времени, то есть любви. Вирешвара: любовь – это выход из существования в Делании, то есть возвращение во временную непроявленность, которая для него называется Богом» [23, с. 109]. В любви сливаются два сознания, разрушается ЭГО, поэтому как защитная реакция Я – **НЕНАВИСТЬ**, то есть нелюбовь. Акт, дающий начало жизни – **ДЕТИ**, может быть воспринят и как ее конец – **НЕНАВИСТЬ**, а также он оказывается выходом за ее пределы (пределы жизни семьи-сизигидии) в семью-плерому и мистическое тело – **ПЕЧАЛЬ**, **БОЛЬ**. Любовь-творчество, базирующаяся на интеллекте, с необходимостью должна трансформироваться, если не в любовь-рефлексию, мотивированную жизнью души, то обязательно в любовь-экзистенцию, создаваемую деятельностью духа в мистическом теле. Именно через любовь-экзистенцию существование человека «становится самим собой – человечески зрелым существованием, ... присваивая себе тот смысл, который заключается сначала «во-вне», в произведениях, установлениях, памятниках культуры, где объективируется жизнь духа» [17, с. 34].

Любовь-жизнь, по В.М. Шукшину, градуируется таким образом: любовь-рефлексия, любовь-экзистенция, любовь-творчество, любовь-боль (или любовь запредельная, предполагающая выход за пределы сизигидии, в том числе и в Космос – в беспредельную бесконечность, любовь неземная). Ритуальный знак-символ подобного рода любви – **МАШИНА** (ср.: **МАШИНА**, всякое устройство, приспособление для переноса или *увеличения силы*, либо увеличения скорости движения (по В. Далю) и **МАШИНА**, механизм или совокупность механизмов, совершающие какую-либо *полезную работу путем преобразования одного вида энергии в другой* (Словарь русского языка в 4-х т., 1986)). Ритуальное имя – имя жены-упруги, то есть матери детей, хозяйки дома, родительницы, средство воссоединения мужского Я через женское ТЫ с Эго – создание человека. Онтологическое свойство подобного рода любви – **БОЛЬ** (ср.: **БОЛЕЗНЬ**, болезнь, болесть, хворь, хвороба, и дужин-недуг, немочь, немощь, немогута, скорбь (телесная), хиль, хилина, боля, нездоровье (по В. Далю); чувство горя, истомь, страданий душевных; скорбь, грусть, тоска, кручина, жаль, сокрушение, журьба (по В. Далю)).

Если любовь-смерть актуализирует связь с земляным телом космоса, хаотическим материалом космоса, то любовь-жизнь конструирует самое устройство космоса, определяет имя космоса, выражает космос. «Космос – разная степень напряженности самих пространства и времени, самой фактичности, самой космичности. Стало быть, имя, или выражение, космоса может быть достигнуто только в смысле той или иной, но обязательно строго определенной организации этой напряженности. Ведь имя есть соотношение с иным, то есть предел всевозможных изменений инобытия, причастного имени. Само имя не есть инобытие, но оно есть эйдос, данный с точки зрения инобытия. Стало быть, имя космоса есть космос, данный с точки зрения своего инобытия, то есть своего того или иного частичного становления. Имя космоса и выражение его есть сам космос, данный с точки зрения своего бесконечного становления, организованный, однако, по законам его эйдоса» [8, с. 296-297].

Время индивидуальное, явленное в коммуникации любви, есть частная экспликация времени космического, которое более всего нами осознаваемо при обращении к временам года, смена которых вызвана движением Земли вокруг Солнца, ее вращением и наклоном земной оси к плоскости ее орбиты, которые в проекции на небесную сферу располагаются в зодикальном поясе [13], или иначе время космическое соотносимо с веком Земли, с веком человека как микрокосма, как обязательной части Земли, земного тела. Анализ времени космического в тексте В.М. Шукшина проводился с привлечением начального и финального фрагментов рассказа «Осенью» (I-II – компоненты начального фрагмента; III-IV – компоненты финального фрагмента):

I. Был конец *сентября*, дуло после дождей, наносило мразь и холод. Под ногами чавкало. Из репродукторов у сельмага звучала физзарядка, *ветер* трепал обрывки музыки и бодрого московского голоса. Свинаячий *визг* и крик петухов был устойчивый, пронзительный.

II. На реке *астер* похаживал добрый. Стегал и толкался... *Канаты* гудели. Но хоть выглянуло *солнышко*, и то хорошо. Филипп сплавал туда-сюда, перевез самых нетерпеливых, дальше пошло легче без нервов. И Филипп наладился было опять думать про американцев, но тут подъехала свадьба...

III. Такие-то невеселые мысли вызвала к жизни эта свадьба на машинах. С этими мыслями Филипп еще поплавал туда-сю-

да, подумал, что надо, пожалуй, выпить в обед стакан водки – *ветер* пронизывал до костей, и *душа* чего-то скулила. Заныла прямо, затревожилась.

IV. *Ветер* заметно поослаб, *небо* очистилось, *солнце* осветило, а холодно было. Голо как-то кругом и холодно. Да и то – *осень*, с чего теплу-то быть?

Выделенные фрагменты анализируем с привлечением структуры фрейма, терминалами в представленных фреймах являются: СЕНТЯБРЬ, ВЕТЕР, ВИЗГ (КРИК); II. ВЕТЕР, КАНАТЫ, СОЛНЫШКО, (СВАДЬБА); III. (СВАДЬБА), (ВОДКА), ВЕТЕР, ДУША; IV. ВЕТЕР, НЕБО, СОЛНЦЕ, ОСЕНЬ. Каждый фрейм имеет свою структуру, которая может быть описана, исходя из следующих параметров: место, функция, свойства, отношения, позиция. Анализируемый фрейм в своей структуре имеют реализацию параметров места и обстоятельства (1 фрейм): после дождей, под ногами, – отражающих пространственно-временные характеристики фиксируемого события. Параметры функции, свойства, отношения, позиции свертываются до параметра состояния (I. ДУЛО, НАНОСИЛО, ЧАВКАЛО (МРАЗЬ, ХОЛОД); III. ХОРОШО, НАДО ВЫГИТЬ СТАКАН ВОДКИ; IV. ХОЛОДНО, ГОЛО, ХОЛОДНО, БЫТЬ ТЕПЛУ (ОТ ЧЕГО), более соответствующему конструируемому фреймом взаимодействию времени индивидуального и времени космического. Состоянием называют мгновенное сечение совокупности переменных состояний; каждое состояние характеризуется конечным набором значений n -переменных, а вся совокупность возможных сочетаний образует область возможных состояний данного материального объекта.

Собственно время четырехмерно: настоящее, прошлое, будущее, четвертое – все собою определяющее протяжение. «Им несомно в наступающем, в осуществившемся, в настоящем их каждый раз особое присутствие, в его просвете они разведены между собой и тем самым сведены во взаимной близости, из-за которой три измерения оказываются близкими друг другу. Поэтому первое, начальное, в буквальном смысле зачинающее протяжение, в котором покоится единство собственно времени, мы называем близостью...» [12, с. 400]. Четвертое измерение времени показывает своего рода «вневременность» для индивидуала, его положение «над» бытием человека. Если человек может изменять, варьировать ритм индивидуального вре-

мени, внедряться и пытаться трансформировать время историческое, то при воздействии на время космическое он бессилён, поскольку независимо от него существуют СЕНТЯБРЬ, СОЛНЦЕ, ОСЕНЬ. «Человеческое бытие может вступать в отношения к сущему только потому, что выдвинуто в Ничто. Выходы за пределы сущего совершаются в самой основе нашего бытия. Человеческое присутствие означает: выдвинутость в Ничто. Выдвинутое в Ничто, наше присутствие в любой момент всегда заранее уже выступило за пределы сущего в целом. Это выступание за пределы сущего мы называем трансценденцией. Не будь наше присутствие трансцендентирующим, то есть, как мы можем теперь уже сказать, не будь оно заранее всегда уже выдвинуто в Ничто, оно не могло бы встать в отношение к сущему, а значит, и к самому себе» [87, с. 22]. Спряжение сущего и Ничто, бытия и инобытия, времени космического и времени индивидуального ссзидает некоторое эмоциональное событие для человека – состояние эмоционального индивидуального тела. Эмоции кодируют информацию о видовом опыте индивида, которая становится субстанцией альным качеством, субстанциональной формой, вбирающей в себя бытие субстанции человеческой; формы бытия актуализируются – отношение, действие, время – прежде всего этапами в нисхождении бытия. Эмоция вырабатывает эталонное действие, реакцию на многообразие событий в пространстве и времени.

Время складывается из ряда впечатлений, а впечатление есть операционная единица, или способность, свойство духовной субстанции. Естественной мерой времени является мысль [39], по В. Вундту, которая является душевным явлением и характеризующим началом души: «Мысль человека есть, в одно и то же время, и мера, и предмет измерения, и меряющий субъект. Итак, время есть единственное измерение, совершающееся само собою; потому что мысль есть единственная мера, измеряющая сама себя» [39, с. 32]. Кроме времени, атрибута, свойственного материальной и духовной субстанции, и то и другое отличает движущая сила, что согласуется с признанием души потенциальной энергией тела. Терминал ДУША является маркером пересечения планов индивидуального бытия (СВАДЬБА, БОДКА) и космического (СЕНТЯБРЬ, СОЛНЦЕ, НЕБО, ОСЕНЬ), порождая два оппозиционных состояния: ХОРОШО – НАДО ВЫПИТЬ СТАКАН ВОДКИ. Одной из единиц измерения времени индивидуального

и исторического является век, что, в свою очередь, связано с движением Солнца и образом звездного знака, чей образ Солнце принимает точно так же, как дух входит в тело. Сопряжение индивидуального и космического в рассматриваемых фрагментах находит отражение в количестве терминов (актуализированных, а не потенциальных) – двенадцать, которые можно расклассифицировать на основе двоичного принципа: СЕНТЯБРЬ–ВЕТЕР–(ВИЗГ–ВЕТЕР)–КАНАТЫ–СОЛНЫШКО–(ВЕТЕР–ДУША)–ВЕТЕР–НЕБО–СОЛНЦЕ–ОСЕНЬ. Приведенный ряд даст материал для составления синтагм:

1. СЕНТЯБРЬ–ВЕТЕР–СОЛНЦЕ–ОСЕНЬ;
2. ВИЗГ–ВЕТЕР–ВЕТЕР–НЕБО;
3. КАНАТЫ–СОЛНЫШКО–ВЕТЕР–ДУША.

Анализируя синтагму СЕНТЯБРЬ–ВЕТЕР–СОЛНЦЕ–ОСЕНЬ, возможно вычленил следующие сцепления: СЕНТЯБРЬ–ОСЕНЬ, ВЕТЕР–СОЛНЦЕ, СЕНТЯБРЬ–ОСЕНЬ: сентябрь – седьмой месяц древнеримского календаря и девятый месяц юлианского и григорианского календарей; в 1492 г. («7000») было перенесено на 1 сентября начало нового года [109]. Осень – период похолодания и увядания природы; в северном полушарии начинается со дня осеннего равноденствия (22 или 23 сентября) и продолжается до дня зимнего солнцестояния (21 или 22 декабря) [109]. Космическое время сентябрь–осень для индивидуального времени становится зримым в эмоциональном подплане: начало нового года связывается с надеждами на лучшее, с ожиданием чуда, отрицанием негативных моментов прошлого и заменой их положительными в будущем, происходит некоторое забвение настоящего времени, или своеобразная синтезация в единое всех трех измерений – слияние индивидуального времени с космическим. Осень – время зрелости, подведения итогов, осмысления значимости собственного бытия, соответствия некоей высшей целесообразности, ощущение космической значимости, включенности во Вселенское пространство-время, переход из бытия в инобытие, в Ничто; на эмоциональном уровне формируется специфическое ощущение «конца», «предела». Оппозиция СЕНТЯБРЬ–ОСЕНЬ описывает диалектическое единство начального и конечного, характеризую тем самым дискретность и конечность материи, но переход из бытия в инобытие предполагает и начало новой жизни, зарождение неизведанного (осень – время свадеб), иллюстри-

рует бесконечность и беспредельность материи и как ее атрибута времени.

ВЕТЕР–СОЛНЦЕ: самая верхушка короны Солнца, удаленная на миллионы километров от поверхности Солнца, улетает в космическое пространство. Силы солнечной гравитации недостаточно для удержания частиц на таком расстоянии, поэтому они испаряются в пространстве и образуют ветер, состоящий из частиц [11]; солнечный ветер действует подобно тормозу, замедляющему вращение дневной звезды. Магнитосфера Земли является результатом взаимодействия собственного магнитного поля Земли с магнитным полем и электрическими токами, порождаемыми солнечным ветром; земная магнитосфера – «это магнитное поле Земли, деформированное солнечным ветром. Наша планета окружена магнитной оболочкой, отражающей заряженные частицы, идущие от Солнца» [110, с. 178]. **СОЛНЦЕ** – это одна из ближайших к Земле звезд, источник всей энергии на Земле; исследуя Солнце, возможно изучить процессы, важные для Вселенной в целом, установить во. раст Солнца, Галактики, Вселенной для того, чтобы зафиксировать временную шкалу истории. **СОЛНЦЕ** является для Земли основным маркером исторического времени Космоса (возникает оппозиция: потенциальное историческое время социума и историческое время Космоса). **ВЕТЕР** выполняет две функции: а) как мигрирующая структура несет информацию об историческом времени Космоса; б) становится буферной зоной между Землей и Космосом, удерживающей галактические импульсы (ритмизируя их в соответствии с ритмами Земли) и очищающей энергетические импульсы земного социума (ритмизируя хаос исторического времени человека).

Синтагма **ВИЗГ–ВЕТЕР–ВЕТЕР–НЕБО**, опираясь на цепочку **СЕНТЯБРЬ–ВЕТЕР–СОЛНЦЕ–ОСЕНЬ**, описывает соотношенность времени индивидуального земного, маркированного лексемой **ВИЗГ** (свиный), и времени индивидуального «небесного» – космического, причем время индивидуальное и космическое отождествляются. Однако время индивидуальное земное (телесное) и время индивидуальное космическое (духовное) взаимодействуют лишь опосредованно, они оторваны друг от друга, источник их объединения – время историческое космическое. Приближение «телесного» времени к «духовному» обусловлено двумя операциями: а) очищением его от ритмов историчес-

кого времени; б) приведение в соответствие с ритмами космического исторического времени.

Синтагма **КАНАТЫ-СОЛНЫШКО-ВЕТЕР-ДУША** может быть охарактеризована как своего рода квинтэссенция двух предшествующих синтагм. Синтагма **СЕНТЯБРЬ-ВЕТЕР-СОЛНИЦЕ-ОСЕНЬ** раскрывает соотношенность индивидуального времени – исторического времени – исторического времени космического (индивид-социум-Космос). Вхождение индивида в определенный исторический период, обретение им места, то есть удержание себя, в этом историческом бытии для человека также является веком. «...вечность есть не что иное, как отрицание всякого начала и всякого конца, не что иное, как отрицательное существование существования положительного, название чему – время» [67, с. 97]. Только историческое время ограничивает и ограничивает время индивидуальное, определяет его пределы, являет собой некоторый вариант его меры, то есть выражает единство качественных и количественных характеристик времени индивидуального, указывает предел, за которым изменение количества влечет за собой изменение качества, и наоборот; категория меры – главная в космосе шара, судьбы, обратно пропорциональной зависимости [111]. «И редкость, и случайность до сих пор обратной связи в русском космосе, ее пунктирность, вспышки редкие и, наоборот, излюбленность здесь дороги, пути-дороги (основной символ русской жизни: в песнях, в поэзии, в литературе – Русь-тройка Гоголя), которая есть образ прямо пропорциональной зависимости, односторонне направленной, а не оооюдоострой, как зависимость обратно пропорциональная, также свидетельствует о том, что космос России есть космос рассеянного бытия по преимуществу, где бытие не плотное, но-бывание, больше размешано небытием, на небытии заквашено» [111, с. 166]. Индивидуальный космос, космос плотного бытия, взаимодействуя с историческим космосом (или социальным) – космосом рассеянного бытия, входя в него и удерживая себя в нем, трансформирует соответствующее ему время во время социальное (историческое), принимая его образ, подобно тому, как дух входит в тело. «Духовное зрение, обостряющее и усиливающее телесное зрение, позволяет нам прозревать за материальным миром мир Форм: материальный мир – лишь «видимое воплощение» Форм, в них его объяснение. Что касается самих форм, они не нуждаются в объяснении, бесполезно искать их смысл, их цель. Их смысл – в них самих... потому, что они живые: «Если бы Форма была инертна и безжизненна, она не несла

бы в себе самой своего смысла : изни; но поскольку она Форма, и Форма, принадлежащая Уму (то есть миру Форм), то откуда она могла бы черпать смысл своего существования, кроме как у себя?» (VI 7, 2, 19) [6, с. 37]. Духовность индивидуального космоса должна совершенствовать телесность исторического космоса, динамичность индивидуального времени снимать статичность исторического.

Трансформации времени индивидуального, обусловленные временем историческим, представлены в следующем фрагменте:

«А Филипп стал думать про жизнь. Вот как у него случилось в молодости с женитьбой. Была в их селе девка Марья Ермилова, красавица. Круглоликая, румяная, приветливая... За ляденье. О такой невесте можно только мечтать на полатах. Филипп очень любил ее. и Марья тоже его любила – дело шло к свадьбе. Но связался Филипп с комсомольцами... И опять же: сам комсомольцем не был, но кричал и ниспровергал все наравне с ними. Нравилось Филиппу, что комсомольцы восстали против стариков сельских, против их засилья. Было такое дело: поднялся весь молодой народ против церковных браков. Неслыханное творилось... Старики ничего сделать не могут, злятся, хватаются за бичи – хоть бичами, да исправить молокососов, но только хуже толкают их к упорству. Веселое было время. Филипп, конечно, тут как тут: тоже против венчанья. А Марья – нет, не против: у Марьи мать с отцом крепкие, да и сама она окончательно выпряглась из передовых рядов: хочет венчаться. Филипп очутился в тяжелом положении. Он уговаривал Марью всячески (он говорить был мастер, за это, наверное, и любила его Марья – искусство редкое на селе), убеждал, сокрушал темноту деревенскую, читал ей статьи разные, фельетоны, зубоскалил с болью в сердце...»

Основные терминалы данного фрагмента: **ЖИЗНЬ – ЖЕНИТЬБА – СЕЛО – ДЕВКА МАРЬЯ ЕРМИЛОВА – КРАСАВИЦА (КРУГЛОЛИКАЯ, РУМЯНАЯ, ПРИВЕТЛИВАЯ) – НЕВЕСТА – ДЕЛО ШЛО К СВАДЬБЕ – КОМСОМОЛЬЦЫ – СТАРИКИ СЕЛЬСКИЕ – ДЕЛО – МОЛОДОЙ СОЗНАТЕЛЬНЫЙ НАРОД – ЦЕРКОВНЫЙ БРАК – НЕСЛЫХАННОЕ – МОЛОКОСОСЫ – УПОРСТВО – ВЕСЕЛОЕ ВРЕМЯ – МАТЬ С ОТЦОМ – ВЕНЧАТЬСЯ – МАСТЕР ГОВОРИТЬ – ИСКУССТВО – ТЕМНОТА ДЕРЕВЕНСКАЯ – БОЛЬ В СЕРДЦЕ.** Начальный терминал ряда **ЖИЗНЬ** и финальный терминал **БОЛЬ В СЕРДЦЕ** читаются как **ЖИЗНЬ – ЛЮБОВЬ – ЖИЗНЬ**, то есть в этом соединении отражается сопряжение времени исторического (социального) и времени индивидуального, причем совпадение того и другого происходит во времени социальном, или сак-

ральном (коллективном) – втором измерении жизни человека. «Сакральное (коллективное) связано с прорывом времени, осуществляемом в празднике и ритуале: с коллективной памятью и усилиями по поддержанию социума. Не случайно именно во время праздника коллектив осознает себя максимально целостным и слитным... в празднике и ритуале неизменно актуализируется связь коллектива с прошлым, с предками, давшими первые и, следовательно, сакральные образцы поведения» [104, с. 29]. В качестве основной точки, в которой происходит сопряжение времени, избирается экстремальная ситуация заключения брака – СВАДЬБА. Экстремальной подобная ситуация признается в культуре, для которой отличительным свойством является единство и слитность человека, коллектива и космоса и где любое изменение в социальной организации неминуемо влечет за собой глобальную перестройку во всех остальных сферах жизни [104]. Жизнь в этой экстремальной ситуации расщепляется на жизнь-время как процесс (ЖИЗНЬ – ЖЕНИТЬБА – СЕЛО – ДЕВКА МАРЬЯ ЕРМИЛОВА – НЕВЕСТА – СВАДЬБА – ДЕЛО – МАТЬ С ОТЦОМ – ВЕНЧАТЬСЯ – БОЛЬ В СЕРДЦЕ) и жизнь-время как состояние (ВЕСЕЛОЕ ВРЕМЯ, характеризуемое предикатами КРИЧАЛ, НИСПРОВЕРГАЛ, ВОССТАЛИ, УТВЕРЖДАТЬ, СОКРУШАТЬ, ЧИТАТЬ, ЗУБОСКАЛИТЬ). Жизнь-время как процесс соответствует пассеизму, жизнь-время как состояние – четвертому ощущению времени. Этносу свойственны четыре ощущения времени [86]: пассеизм, актуализм, футуризм, игнорирование времени как такового, соответствующее статическому состоянию этноса (четвертое ощущение времени) заключается в игнорировании времени как такового. «Время не интересует людей этого склада, потому что они не извлекают из отсчета времени никакой пользы для той деятельности, которая их кормит. Эти люди (выше мы называли их обывателями) живут во всех стадиях, но при наличии иных категорий они мало за-

метны. Когда же с торжеством «футуризма» все их соперники исчезают, из щелей вылезают неистребимые посредственности, и историческое время останавливается, а земля лежит под паром» [86, с. 100].

Жизнь-время как состояние оценивается со стороны, с точки зрения времени исторического (НЕСЛЫХАННОЕ), и характеризуется изнутри, с точки зрения времени социального (ВЕСЕЛОЕ). НЕСЛЫХАННОЕ, иначе небывалое, то есть не случавшееся, не бывавшее прежде, вымышленное, фантастическое (ирреальное), не имеющее житейского опыта (не способное к действию, к выполнению дела). ВЕСЕЛОЕ, полное веселья, радостное, увеселяющее, потешающее, хмельное (ср.: В. Даль. ПОТЕШАТЬ, тешить, угождать, веселить, забавлять, занимать: потешить ребенка, покачать, позабавить; потешение, потеха, потешка, дейст. по глаг., забава, игрушка, утеха, *занятие от скуки, безделья*; шумный смех, или *смешное, забавное приключение*). Таким образом, жизнь-время как состояние – это нечто ирреальное, случайное, смешное – смеховое действие, интерпретируемое в событии СВАДЬБА, значимом для истории, социума, космоса, индивида. Причем СВАДЬБА из ритуального действия, укрепляющего космическую организацию, ее принцип, твердое, устойчивое место, в котором пребывает божественное и сакральное, и психическую структуру человека [104], трансформируется в разряд бытия, воплощающего норму повседневного поведения. ЖЕНИТЬБА – ДЕВКА МАРЬЯ ЕРМИЛОВА – НЕВЕСТА – СВАДЬБА – МАТЬ С ОТЦОМ – ВЕНЧАТЬСЯ – (БОЛЬ В СЕРДЦЕ) космический ритуал оборачивается в карнавальную мистификацию ЖЕНИТЬБА (фиктивная свадьба без церковного брака) – КРАСАВИЦА (КРУГЛОЛИКАЯ, РУМЯНАЯ, ПРИВЕТЛИВАЯ) – ДЕЛО – СВАДЬБА – КОМСОМОЛЬЦЫ – СТАРИКИ СЕЛЬСКИЕ – ЦЕРКОВНЫЙ БРАК – МАСТЕР ГОВОРИТЬ – ИСКУССТВО – БОЛЬ В СЕРДЦЕ. В карнавальном мистификации СВАДЬБЫ происходит переход времени исторического во время социального (ср.: ВЕСЕЛОЕ ВРЕМЯ и веселье – свадьба, празднество свадебное), подобный переход должен сопровождаться ритуалом, поскольку вступает в силу катартическое действие ритуала, его психологическая функция [98]. Ритуал, «создавая сакральную «рамку» для макро- и микрокосма, спасает человека от ужаса мифа, от ужаса начал... И действительно, если бы были только «истории»,

то в памяти, быть может, остались бы только предательства, обманы, убийства, одним словом – ужас истории, и забылось бы самое главное: победа над тьмой, безумием, вечной смертью. В этой победе суть ритуала» [98, с. 190]. Ритуальное, сакральное значение свадьбы подменяется идеей жизнеутверждения народно-праздничного веселья, формы которого составляют вторую, площадную, неофициальную половину всякого церковного и государственного праздника. Все праздничные формы связаны со временем, «которое в народно-площадной стороне всякого праздника становится подлинным героем его, производящим развенчание старого и увенчание нового. В сущности, каждый праздничный день развенчивает и увенчивает, имеет своего короля и королеву» [112, с. 243]. Если ритуал способствует преодолению критических точек в жизни социума и индивида, то народно-праздничное веселье предполагает их переживание, то есть жизнь по законам праздничной свободы, моделирование двумирия, требующего раздвоения человека, утверждения реальности ирреального бытия – вероятностного, отличного от нынешнего, существования человека (ритуал же требует концентрации до точки всех возможных, вероятностных воплощений индивида). Отсюда в празднике ни человек, ни социум не преодолевают страхов и ужасов жизни, происходит их перевод с уровня сознания на уровень подсознания, причем подсознания коллективного, которое являет собой «передаваемую по наследству неиндивидуальную собственность, общую всем людям и, может быть, всем животным, составляет подлинное основание индивидуальной психики» [98, с. 193]. Следовательно, одно поколение, избавляясь от ужасов и страхов, сопровождающих его приход в историческое время – **МОЛОДОЙ СОЗНАТЕЛЬНЫЙ НАРОД – ТЕМНОТА ДЕРЕВЕНСКАЯ – СТАРИКИ СЕЛЬСКИЕ – ЦЕРКОВНЫЙ БРАК** – (или **КОМСОМОЛЦЫ** (Коммунистический союз молодежи – коллектив лиц, объединившихся для совместной жизни на началах общности имущества и труда) – место жизни родителей – родители – ответственность), переводит их в коллективное бессознательное, то есть в индивидуальную психику – **БОЛЬ В СЕРДЦЕ**, таким образом, снимая с себя ответственность за свою жизнь-время как состояние и перекладывая ее на отдельного индивидуума в его жизни-времени как процессе. Каждый несет ответственность за то, что происходило до него – это насле-

дне прошлого, это социальное завещание прошлого поколения, нарушившего космические законы, законы сакрального (коллективного) времени: призраки прошлого преследуют каждого члена социума, мутируя его психическую структуру.

Мир свой, родной и близкий, становится чуждым и враждебным, наш мир превращается в чужой: **ЖЕНИТЬБА – ДЕЛО, НЕВЕСТА – КРУГЛОЛИКАЯ, РУМЯНАЯ, ПРИВЕТЛИВАЯ, МАТЬ С ОТЦОМ – СТАРИКИ ДЕРЕВЕНСКИЕ, СВАДЬБА** (обручение, совершение брака, женитьба и замужество, повенчание, со всеми брачными обрядами и пирушками) – **ЦЕРКОВНЫЙ БРАК**, жених (этот компонент в парадигме «свое, родное» отсутствует) – **МАСТЕР ГОВОРИТЬ**, друзья жениха и подружки невесты (этот компонент также отсутствует) – **КОМСОМОЛЬЦЫ, ВЕНЧАТЬСЯ** (ВЕНЧАТЬ кого, увенчать, возлагать на кого почетно венец; возводить на царство, короновать) – **ИСКУССТВО** (отрасль практической деятельности с присущей ей системой приемов и методов).

Чуждая, нечеловеческая сила, управляющая миром, людьми, их жизнью и их поступками – «ОНО» – **ВЕСЕЛОЕ ВРЕМЯ** – по В. Кайзеру, связана с мотивом безумия, который используется гротеском: «для того чтобы освободиться от ложной «правды» мира сего», чтобы взглянуть на мир свободными от этой «правды» глазами» [112, с. 58], в гротескном повествовании не о страхе смерти, а о страхе жизни (В. Кайзер). «Гротеск, порожденный народной смеховой культурой, в сущности, всегда – в той или иной форме, теми или иными средствами – разыгрывает возврат на землю сатурнова золотого века, живую возможность его возврата» [112, с. 57]. Гротескность **ВЕСЕЛОГО ВРЕМЕНИ** в том, что оно «мертво» при своем рождении, его актуализация подчеркивает не умирание прошлого, а напротив, его вечную стабильность и вневременность; рождающееся же новое – **ВЕСЕЛОЕ ВРЕМЯ**, когда человек сам себе обязан своим бытием, что и влечет за собой отрицание прошлого. Гротесковый образ прошлого в новом времени, в новом сознании, есть хтоническое чудовище подсознания **ВЕСЕЛОГО ВРЕМЕНИ**.

ВЕСЕЛОЕ ВРЕМЯ – это ирреальная реальность, маркером которой становится жених – **МАСТЕР ГОВОРИТЬ**, жених – это реальность. Отсутствие этой позиции в ряду «свое, родное» означает ирреальность бытия этого ряда, то есть традиционного, устоявшегося ритуала, отражающего

существование исторического времени для этноса – в данном случае историческое время есть реальная ирреальность, поскольку этнос не существует в сакральном времени, для него закрыты выходы в космическое время, поскольку изжита из сознания идея ритуала – совместного коллективного истинного бытия. «Ритуал, являясь воспроизведением «творческой деятельности мирового закона, «rtâ-», «выстраивает» элементы мифа в соответствии с этим законом, не позволяя деструктивным элементам, персонифицируемым хтоническими чудовищами, получить преобладание над другими и тем самым привести к нарушениям в правильном функционировании Вселенной» [98, с. 190].

Основным терминалом ряда «свое, родное» является невеста – это возрожденное существо, достигающее совершенства через становление и реальность посредством космической женитьбы, где смертная часть достигает бессмертия в соединении со своим бессмертным Источником [13], божественное и человеческое сознание соединяются в священном браке, поэтому важным, обретающим особый смысл становится терминал-предикат ВЕНЧАТЬСЯ – быть возведенным на царство (ср.: В. Даль. Царство, вся страна под одним государем; государство, земля, общество и весь народ, сказочное; царство в природе, весь объем творчества; их три – царство животных, растений, ископаемых. Царство небесное, Царство Божие, Царство спасения, будущая блаженная жизнь праведных), быть воссоединенным с земляным телом, с космическим телом, с телом социума, то есть осуществить воссоединение человека.

Соответственно, жених: ФИЛИПП – ЖЕНИТЬБА – КОМСОМОЛЬЦЫ – МАСТЕР ГОВОРИТЬ – ИСКУССТВО – (БОЛЬ В СЕРДЦЕ); невеста – ДЕВКА МАРЬЯ ЕРМИЛОВА – СВАДЬБА – КРАСАВИЦА – МАТЬ С ОТЦОМ – ВЕНЧАТЬСЯ. Для жениха свадьба – это прежде всего союз женщины и мужчины, поэтому на второй позиции для него в этом событии – друзья по союзу, следовательно, женщина-жена – это одно лицо из коллектива лиц, объединившихся для совместной жизни на началах общности имущества и труда; коллектив должен иметь своего лидера – искусного, ловкого в деле человека – деле «руководить», что равнозначно говорить (кричать, ниспровергать, утверждать, сокрушать, зубоскалить – объединяющее понятие для этих предикатов ДЕЛО). ГОВОРИТЬ – это и ДЕЛО, и ИСКУССТВО, то есть специальность, профессия, круг занятий, об-

ласть знаний, навыков, практическая деятельность, действие, то, что полезно, важно, существенно, и творческое воспроизведение действительности, творческая деятельность, умение, мастерство, тонкое знание дела. Позиция жениха актуализирует ОНО личности, ее бессознательное стремление к власти, хотя бы над одним человеком, метафизической точкой, через которую можно осуществить выход в другой мир и получить возможность царствования в нем — другой человек, в таком случае, есть царство спасения.

Для невесты свадьба — это прежде всего обручение, совершение брака, таинства венчания, союза — взаимных уз, связи (ответственности), обязательства друг по отношению к другу, к родителям, символом чего является венец, брачный знак, возлагаемый во время ритуального действия, результатом которого является умирание ДЕВКИ МАРЬИ ЕРМИЛОВОЙ как части матери с отцом и возрождение ее в новой семье как части четы — единого целого мужа и жены. Позиция невесты реализует идеальное Я, главным содержанием которого как высшего человека является религия, мораль и социальное чувство. Заповеди и запреты отцов сохраняют свою силу в идеальном Я, осуществляя в качестве совести моральную цензуру. Несогласие между требованиями совести и действиями Я ощущается как чувство вины. Социальные чувства покоятся на основе одинакового идеала Я» [113, с. 34].

Таким образом, время социальное можно охарактеризовать как эксплицирование ОНО индивидуального, а время историческое как представленность на поверхностном уровне Я идеального личности-индивидуума. Время историческое вбирает в себя время индивидуальное, являясь при этом необходимым составляющим времени космического (индивидуальное время также включено в космическое). Время историческое в силу своей преимущественно пространственной актуализированности может улавливать и отражать только овеященный ритм телесности космоса.

Историческое космическое время соотносимо с индивидуальным духовным временем, бесконечным и беспредельным, непосредственно связанным с земной субстанцией, земным телом; историческое время социума не играет значительной роли в эволюционировании духовной индивидуальной субстанции и космической субстанции; значимой становится категория состояния — проявления вещи в раз-

личных формах с присущими им существенными свойствами и отношениями: «заполнение» Места, обретение пространственной объемности дополняется спецификой проявления свойств в ограниченном Месте, развертыванием индивидуальности во времени: роль мужчины в Истории – ЛЮБОВЬ – ВРЕМЯ – УПОРСТВО, роль женщины в Истории – ЛЮБОВЬ – ДЕЛО – ЖИЗНЬ.

§3. Феноменология причинности в тексте В.М. Шукшина

Рассмотрение феноменологии причинности в свете вероятностного видения мира достаточно специфично, поскольку вероятностное видение не предполагает причинно-следственной трактовки явлений, напротив, за основу берется поведенческое описание явлений с учетом функции распределения, то есть описания случайной величины без апелляции к тому, чем это поведение вызвано [23]. Вероятностная причинность, видимо, может пониматься таким образом, что из двух явлений, находящихся в некоторых отношениях друг с другом, в определенный момент времени в определенном пространстве одно может быть причиной актуализации другого явления; в другой момент времени в другом пространстве первое будет следствием, а второе причиной. Отношения вероятностной каузации дифференцируются как внутренняя сопричастность миру и внешняя сопричастность Миру, причем следует иметь в виду, что внутренний Мир в текстах В.М. Шукшина – это совокупность единичных чувственных феноменов, а внешний Мир – мир логических значимостей, смыслов идеальных сущностей, которые есть система понятий, категорий, иконографических схем, образцов, прототипов.

Внешняя сопричастность Миру репрезентируется через форму, определяется пропорционированием, приведением в соответствие частей Целого, множестве отношений, «относительного существования» [67]. Соразмерность частей в социальном пространстве, социальном сооружении можно определить как гармонию дисгармоничного, которая выявляет иррациональность пропорциональных соотношений. Пропорциональные отношения социального сооружения в тексте В.М. Шукшина характеризуются с привлечением геометрических фигур и прежде всего треугольника, который является методом измерения в процессе создания социальной формы: *Агафья-Костя-семья, сын Константин Иванович-Костя, самовар-ложки-халат, элек-*

трический-деревянный-цветастый. Ключевой геометрической фигурой при выражении пропорциональных отношений в процессе постройки социального сооружения (основным социальным сооружением признается семья, форма которой существует одновременно в реальном социальном и ирреальном космическом пространствах) при выражении пропорциональных соотношений становится четырехугольник: *семья-брак-жена-печаль, семья-правила-брак-дети, не изжитое жизнью-не истребленное временем-не забытое-дорогое до боли*, вписанный в другой квадрат при помощи диагоналей, обеспечивающих устойчивость пропорциональных отношений фигур во многих вариациях. Космический квадрат, являющийся мерой времени, вбирает квадраты социальные и может быть представлен следующим образом (цифры означают стороны грани квадрата: I – верхняя грань; IV – нижняя грань; II – левая боковая грань; III – правая боковая грань).

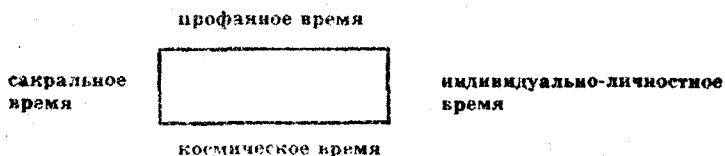
I. СЕНТЯБРЬ-ВЕТЕР-ВИЗГ-КРИК.

II. ВЕТЕР-КАНАТЫ-СОЛНЫШКО-СВАДЬБА.

III. СВАДЬБА-ВОДКА-ВЕТЕР-ДУША.

IV. ВЕТЕР-ЧЕБО-СОЛНЦЕ-ОСЕНЬ.

Космический квадрат толкует основную категорию, которая определяет жизнедеятельность социальной иерархии как системы семиотической, элементами которой являются профанное время (I), сакральное время (II), индивидуально-личностное время (III), космическое время (IV). Всякая семиотическая система представляет собой иерархию, следовательно, отношения, в которые вступают члены системы, «могут в свою очередь выступать как члены, устанавливая между собой иерархически более высокие отношения (функции, играющие роль функтивов, по терминологии Л. Ельмолева). В таком случае можно говорить, что два отношения противоположности (контрарности) вступают между собой в отношения противоречия и что два отношения дополнительности устанавливают между собой отношения противоположности (контрарности)» [114, с. 500]. Отсюда представленный квадрат может быть трансформирован следующим образом:

В итоге профанное время и космическое время являются противоречащими метачленами (индивидуально-социальное и космическое взаимоисключают друг друга), сакральное время и индивидуально-личностное время – это противоположные метачлены (коллективно-социальное время позволяет социуму реализовывать свою программу, так же, как индивидуально-личностное индивидууму – его программу, они противоположны, но сопрягают социум и индивидуальную человеческую актуализацию в социальном пространстве). Использование соотношения сторон квадрата позволяет воссоздать модуль внешней сопричастности Миру, основанный на пропорционировании пространственных и временных параметров, конструировании единого пространства-времени.

Внутренняя сопричастность Миру определяется прежде всего через бытие индивида, когда внешняя сопричастность раскрывается через Бытие Вселенной, основополагающим принципом которого манифестируется время. В Бытии индивидной субстанции основополагающим становится принцип любви, гармонизирующий дисгармоничное в отношениях между индивидуальностями. В любви границы личности теряются. «Узнавая себя в другом, человек узнает себя и во всем. Чудо на кресте: в критический момент разбойник порождает в себе двойника, в котором узнает Христа, и Христос в нем узнает себя. Так чудо совершается через Любовь, которая есть и Знание, раскрытое в самом себе. Гностическое христианство оказывается дополнением христианства Любви. Мы начинаем понимать, что раскрытие человека, выход его за границы самого себя происходит через способность к воображению. Любовь и особенно то ее проявление, которое называется состраданием, становится синонимом воображения» [23, с. 354], то есть способности самостоятельно конструировать свою Вселенную, по законам Бытия, созданным также самостоятельно, противоположным, но не противоречащим внешнему Миру.

Мерой значимости человека может быть не только социально-индивидуальное, но и индивидуально-личностное творчество, определяемые любовью – мерой человеческой жизни. символически структурированной треугольником, вершины которого: Материя (отец) – Сила (мать) – Коррекция (дети). «Где бы ни кончалась ваша жизнь, там ей и конец. Мера жизни не в ее длительности, а в том, как вы использовали ее: иной прожил долго, да пожил мало; не мешкайте, пока пребываете здесь. Ваша воля, а не количе-

ство прожитых лет определяет продолжительность вашей жизни. Неужели вы думаете, что никогда так и не доберетесь туда, куда идете, не останавливаясь? Да есть ли такая дорога, у которой не было бы конца? И если вы можете найти утешение в доброй компании, то не идет ли весь мир той же стезею, что вы?» [115, с. 79]. Любовь – это воля человека обрести свою судьбу, которая изначально связана со свободой. Но воля человека обрести свою судьбу сопрягается с государственной волей, задачей своей имеет также обретение человеком своей судьбы, что в социальном плане он не может совершить в качестве отдельного индивида, а только в своей общности посредством смены поколений [116], а следовательно, человек не свободен в выборе своей судьбы, даже при формировании семьи (МАРИЯ-ФИЛИПП); отсюда человек не может свободно актуализировать свое Я. «Человек был и на протяжении всей истории остается двойственным существом, причастным двум мирам – высшему Божьему миру, который он в себе отображает, миру свободному, и миру природно-естественному, в который человек погружен, судьбы которого он разделяет и который многими путями действует на человека и связывает его по рукам и ногам настолько, что сознание его затемняется, забывается высшее происхождение его, причастность его высшей духовной действительности» [33, с. 63].

Вероятностная каузация предполагает функциональную трансцендентную актуализацию индивида, то есть функцию распределения мужской субстанции в социальном и межличностном пространствах, где он приобретает судьбу посредством связей, которые становятся для него собственными [116], в этом случае он обретает социальную форму и как следствие место в истории. Обретение социальной формы обусловлено «качественностью» субстанции, то есть соответствием ее свойств функциям и модусам бытия общины в параметрах информационного университета пространство–время–материя–энергия, иначе, соответствием роли «элементарной единицы эволюции» (особи, прошедшей естественный отбор на «выживаемость»).

«И.И. Шмальгаузен разработал модель, согласно которой эволюция популяций представляет собой основанный на обратной связи авторегуляторный цикл. Поскольку эволюция адаптивна, регулируемым объектом является популяция – «элементарная единица эволюции», приспособляющаяся к условиям окружающей среды, которой для

популяции является биогеноценоз, выступающий в роли регулятора. В качестве канала прямой связи, по которому информация поступает от регулятора в регулируемый «блок», И.И. Шмальгаузен выделил размножение прошедших отбор организмов (у В.М. Шукшина: размножение социально-идеологическое Глеба Капустина. – Н.Х.). Эта информация, передающаяся на генотипическом уровне и закодированная в последовательностях нуклеотидов ДНК гамет особей, прошедших естественный отбор (характеристика Глеба Капустина – толстогубый, белобрисый (пространственно-временные) трансформируются, соответственно, у Константина Журавлева в семья, кандидат, репрезентируя, таким образом, бытовую, космическую и производственную функции общины, идеологическая функция не мутируется, поскольку является основной для определения социальной роли группы. – Н.Х.), вызывает изменения в составе популяций (у В.М. Шукшина – общины. – Н.Х.), соответствующие условиям, существующим в биогеноценозе. В популяции с началом онтогенеза особей каждого следующего поколения происходит перекодирование генотипической информации в фенотипическую, носителями которой являются составляющие популяции особи (у В.М. Шукшина: Глеб Капустин является носителем информации об общине, Константин Журавлев – об общине и социуме, коммуникация Глеба и Константина предполагает следующую схему общения: община–социум–община, следовательно, как результат этого интеллектуально-энергетического взаимодействия возникает новое знание общины о самой себе, о своем месте в социальной истории и функции ее распределения в вероятностной Вселенной. – Н.Х.). В качестве канала обратной связи И.И. Шмальгаузен выделил активность особей по отношению к окружающей среде, говоря шире, – борьбу за существование. В ходе нее популяция воздействует на окружающую среду, передавая биогеноценозу информацию о своем составе и состоянии (у В.М. Шукшина: «Как-то так получилось, что из деревни Новой, хоть она небольшая, много вышло знатных людей: один полковник, два летчика, врач, корреспондент...» – Н.Х.). С этих позиций отбор представляет собой процесс регуляции, а мутации – помехи в канале прямой связи. Генеративные мутации, передающиеся следующему поколению, возникают в процессе размножения прошедших отбор особей, то есть после регуляции (у В.М. Шукшина: Агафья–сын Константин Иванович–(кандидат)–жена–(кан-

дидат)–дочь–(школьница). – Н.Х.). Помехами в канале обратной связи, точнее, в полосе каналов (борьба за существование идет на всех стадиях онтогенеза) является неизбежная элиминация. В биогеоценозе снова происходит перекодировка информации, преобразующейся из фенотипической в генотипическую. Так же, как это часто бывает в технике, регулируемый «блок» встроен в «регулятор» – популяция – часть биогеоценоза (у В.М. Шукшина: искусственным регулятором перекодировки выступает Глеб Капустин; искусственным, поскольку он выполняет свое предназначение по собственному усмотрению, не учитывая потребности общины, и без Любви, основополагающего принципа Бытия человека: «В голосе мужиков слышалась даже как бы жалость к кандидатам, сочувствие. Глеб же Капустин по-прежнему неизменно удивлял. Изумлял. Восхищал даже. Хоть любви, положим, тут не было. Нет, любви не было. Глеб жесток, а жестокость нигде, никогда, нигде не любил еще». Отсутствие Любви, то есть духовного творчества, у Глеба Капустина, способности к воображению, а значит, причащению к Единому, прогнозирует отсутствие Любви к нему самому, то есть выключенности его из общечеловеческой коммуникации: он значим для общины, но не значим для каждого отдельного ее члена. – Н.Х.).

Один полный цикл регуляции осуществляется за одно поколение. При изменении условий регуляции, то есть при изменении состава и функционирования биогеоценоза (у В.М. Шукшина: социума. – Н.Х.), отбор меняет интенсивность (или) направление, популяция (у В.М. Шукшина: две разновидности: община и семья. – Н.Х.) меняется в соответствии с изменениями сообщества (старуха Агафья Журавлева–сын Константин Иванович; Агафья–Костя–кандидат) – действует положительная обратная связь (у В.М. Шукшина: определяющей для человека является ни социальная, ни общинная функции, в том числе семейно-родовая, а человек ценностен сам по себе как «пучок функций», как трансцендентное событие. – Н.Х.). При отсутствии изменений регулятора действует стабилизирующей отбор, работает отрицательная обратная связь, и популяция не меняется, несмотря на продолжающийся мутационный процесс (у В.М. Шукшина: в качестве гипотетического регулятора, не подверженного изменениям, может выступать женская субстанция – АГАФЬЯ, МАРИЯ. – Н.Х.) [117, с. 231-232].

В ходе эволюции могут возникать сообщества – социальные структуры в нашем рассмотрении, соответствующие организменному уровню, отличающегося интегративностью (ФИЛИПП=ПАВЛУ в содиуме, ГЛЕБ=КОНСТАНТИНУ и т.д.). Важным фактором, препятствующим интеграции индивидуальных систем, выступает конкуренция видов в сообществе, являющаяся обратной стороной устойчивости. Стремление сообщества поддержать себя в положении духовной и интеллектуальной устойчивости приводит это сообщество в организменное состояние.

Эволюционирование сообщества возможно и через отдельную личность, и через совокупность личностей (сизигию-семью, которую в идеальном воплощении можно отождествить с сингулярностью, трансцендентной единичностью).

Деривационно-парадигматическая форма жизни иллюстрирует проблематический статус семантического мира В.М. Шукшина: сингулярности – единицы деривационной парадигмы – распределяются в собственно проблематическом поле и возникают в этом поле в виде топологических событий, характеризующих метастабильно гью, благодаря которой существует динамическая топология. Все содержание пространства находится в топологическом контакте с содержанием внешнего пространства на пределах живого – семантический мир текста взаимодействует с семантической Вселенной. Вся масса живой материи, содержащаяся во внутреннем пространстве – *средний, богатый, ученый; самовар, ложки, халат; толстогубый, белобрысый, лет сорока, начитанный, схибный* – активно наличествует во внешнем мире на пределе живого – Константин Иванович Журавлев, чемоданы, Глеб Капустин, крыльцо (= трибуна 1. Возвышение для выступления оратора; 2. Сооружение с повышающимися рядами мест на стадионах, площадях для публки, зрителей или лиц, принимающих парад, приветствующих демонстрации, и т.д.), где внутреннее прошлое и внешнее будущее встречаются... Внутреннее пространство текста организуется атрибутивными компонентами и являются носителями смысла текста, формируя перцептуальную структуру текста. Перцептуальная структура текста связана с понятием представления-эталона, способствующего правильной ориентации чел чека среди предметов действительности даже в том случае, если забыто название предметов [68]. Эти представления-эталоны – «чувственные схемы классов предметов, обоб-

ценные чувственные образы, с которыми мы каждый раз отождествляем соответствующие вновь воспринимаемые предметы. При этом подчеркивается, что такие схемы классов предметов формируются на основе первосигнальной генерализации» [60, с. 185]. Перцептуальная структура текста В.М. Шукшина выполняет функцию репрезентативности различных социальных реалий: *самовар – электрический, ложки – деревянные, халат – цветастый; кандидат – богатый, ученый; мужик – толстогубый, белобрый, лет сорока, начитанный, ехидный*, во-первых; и во-вторых, функцию оператора перекодирования рациональной информации, рациональной схемы в схему семиотическую, или знак-символ, знак-эмблему (чемоданы – род коробки для вещей, багажа (перен. знач. – сведения, знания, которыми кто-либо обладает), эмблема представителя сообщества-социума, равная совокупности знаний о Проявленном и Непроявленном Мирах, о Целом; крыльцо – место, где вершится история общины, репрезентируются знания обо Всём). «Целое – положительное существование, о нем утверждается, что оно – материя, движение, причина, следствие, полнота, пустота и т.д. Всё «обладает лишь отрицательным существованием» («Тезис IV»). О нем можно лишь отрицать то, что утверждается в Целом. Всё – не причина, не следствие, не полнота, не пустота, не движение, не реальность, не видимость, не материя (а нечто нематериальное), не конечность (а нечто бесконечное). Являясь отрицанием Целого, материи, природы, Всё есть отрицание всякой реальности, всякого «чувственного существования», то есть Ничто (rien)» [119, с. 39].

Сингулярности, или потенциалы, актуализируют на поверхности, таким образом, процессы сосредоточения во внутреннем пространстве и распределения во внешнем пространстве – ассимиляция и воплощение (перцептуальные структуры и семиотические эмблемы). Сингулярности-лексемы текста не занимают его семантическую поверхность, а лишь возникают на ней, так и семантическая энергия текста не локализуется на поверхности, а участвует в ее формировании и переформировании.

Фреймовая форма жизни текста эксплицирует его метафорическую модель, состоящую из моделей-символов: СЕНТЯБРЬ, ВЕТЕР, КАНАТЫ, СОЛНЦЕ, ОСЕНЬ – СВАДЬБА – НЕБО – ДУША – ВОДКА – ВИЗГ – КРИК. С помощью созданных моделей-символов автор обращается «не столько к адекватному описанию явления, сколько к его

новому видению. Модель оказывается не более чем намеком. Здесь, если хотите, используется издревле заложенная в психике человека способность управлять своим сознанием через символы» [23, с. 53]. Сопоставление фреймовой формы жизни текста с различными типами знаковых систем позволяет дифференцировать ее как кодовую систему – систему высшего порядка с точки зрения абстрактности их знаков; базисным знаком кодовых систем является символ [119]. «...он наименьшим образом связан с изображаемым и обычно ad hoc используется для кодирования и получения соответствующего вывода, рано или поздно (может быть, в очень отдаленной перспективе) применимого в реальной жизни. Будучи наиболее удаленным от обозначаемых предметов и никак с ними не связанным, символ обнаруживает наибольшую привязку к системе и применяется только по ее правилам» [119, с. 104-105]. Кроме того, есть еще одна особенность кодовых систем, касающаяся верификации в процессе работы с кодовыми системами: невозможна верификация промежуточных результатов, работу системы кодовой можно оценить только в целом, по конечному результату, то есть свойству быть встроенной в эволюцию текстов культуры, эволюцию текстов биосферы.

Фреймы располагаются над актуализациями потенциальной энергии событий-сингулярностей, которые могут быть как внутренними, так и внешними, как коллективными, так и индивидуальными – в зависимости от поверхности контакта, нейтральной поверхности предела. Поверхность – это местоположение смысла: знаки-маркеры пространства остаются лишь знаками геометрии, чистой структуры текста, до тех пор, пока они не входят в поверхностную фреймовую, то есть коммуникативную организацию, обеспечивающую резонанс двух серий – двух единиц (и более), объединенных в синтагму.

Таким образом, феноменологическое рассмотрение вероятностной причинности в тексте В.М. Шукшина характеризует актуализацию разума и силы. Разум проявленный может толковаться как один из двух видов мысли, кои восприятие разумом и действие воли (способность человека наряду с воображением, чувствами и памятью) [120]. Разумный План в Космогонии выражается в периодических космических подразделениях времени и времен года, в невидимых воздействиях, в астрономических феноменах, их влиянии и реакциях на земную и моральную природу;

на рождение, смерть, рост, здоровье. Все эти естественные события основаны и зависят от циклических процессов в самом Космосе и производят периодических посредников, которые, действуя извне, влияют на Землю. Сила понимается как способность познавать вещи, «является чисто духовной, отличающейся от всего телесного не менее, чем кровь от костей или рука от глаза, единственной в своем роде, хотя она вместе с фантазией то воспринимает фигуры, исходящие от общего чувствительного, то оперирует фигурами, сохраняющимися в памяти, то создает новые» [120, с. 124].

Феноменологический анализ на данной ступени открывает текст в аспектах его деривационно-парадигматического и фреймового бытия, репрезентирующего перцептуальные структуры, семиотические эмблемы текста и характеризующего текст как кодовую знаковую систему.

Формой трансцендентной актуализации индивида представляется функция его распределения в семантическом социальном пространстве, создающая своеобразный образ-прототип человека социального в разных модификациях (человек-социум, человек-семья, человек-посредник).

Формы коммуникации, эксплицируемые на этом уровне феноменологического анализа, – душа и интеллект, передатчик информации, создающий последовательность сообщений-образов и источник информации, опосредующее звено в информационно-энергетическом обмене и порождающее начало.

Вероятностная причинность соотносится с самосознанием индивидуальной души, которая, усваивая данное ей содержание, осознает себя как субстанцию, как разумный дух, обладающий свободной волей. Индивидуальная душа, или субъективный дух, преодолевает противоречие духовного содержания природы и природной формы, способствует созиданию духовной структуры человека и человечества.

Вместо заключения

Феноменологический анализ текста В.М. Шукшина позволяет составить представление не только о тексте как живом организме, формах трансцендентной актуализации личности в тексте, формах коммуникации, но предпринятый анализ дает возможность восстановить образ автора – Мастера.

Главной задачей Мастера является воплощение невидимой идеи в видимый словесный образ. Это процесс реконструкции форм зрительного мира в их соотносительности с миром нравственных ценностей, процесс формотворчества, позволяющий автору перевести формы из физического плана в план спиритуальный. «Слово стало плотью, – пишет Августин в сочинении «О Троице», – но не обратилось в плоть, а возвысило ее, в нее не обратившись».

Деятельность автора, выражающего в своем произведении невыразимое, – прежде всего деятельность интеллекта, духовное творчество. Поскольку та красота, та гармония, которую описывает В.М. Шукшин, нетелесна, то ее можно познать только разумом, к которому прибегает человек в своем творчестве, чтобы показать бестелесную красоту в телесных формах – формах слова, формах текста, то есть по аналогии повторяя процесс творения.

Библиографический список

1. Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.
2. Чухина Л.А. Феноменологическая аксиология Макса Шелера// Проблемы ценности в философии. М.-Л., 1966. С. 33-45.
3. Гуссерль Э. Философия как строгая наука. М., 1994.
4. Гегель Г.В.Ф. Философская пропедевтика//Работы разных лет в двух томах. Т. 2. М., 1973. С. 7-209.
5. Бакрадзе К.С. Очерки по истории новейшей и современной буржуазной философии. Тб., 1960.
6. Адо П. Плотин, или Простота взгляда. М., 1991.
7. Попов П.С., Стяжкин Н.И. Развитие логических идей от античности до эпохи Возрождения. М., 1974.
8. Лосев А.Ф. Античный космос и современная наука//Лосев А.Ф. Бытие-Имя-Космос. М., 1993. С. 62-612.
9. Итало Кальвино. Если однажды зимней ночью путник//Иностранная литература. №4. 1994. С. 40-157.
10. Шеннон К. Работы по теории информации и кибернетике. М., 1963.
11. Бруно Дж. О причине, начале и едином//Бруно Дж. Диалоги. М., 1949.
12. Хайдеггер М. Из диалога о языке. Между японцем и спрашивающим//Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993. С. 273-302.
13. Холл М.П. Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии. Т. 1. Новосибирск, 1992.
14. Розеншток-Хюсси О. Речь и действительность. М., 1994.
15. Вдовина И.С. Французский персонализм. М., 1990.
16. Перинблянгам Р.С. Диалогическая личность//Знаковые системы в социальных и когнитивных процессах. Новосибирск, 1990. С. 66-83.
17. Библер В.С. От наукоучения - к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век. М., 1990.
18. Ухванова И.Ф. План содержания языкового знака: сущность и феноменология (на материале печатных средств массовой информации). Автореф. на соиск. уч. ст. докт. филол. наук. Минск, 1995.
19. Завадский К.М. Азы об эволюции//Знание-сила. 1978. №3. С. 6-10.
20. Вернадский В.И. Живое вещество. М., 1978.
21. Делез Ж. Логика смысла. М., 1995.
22. Кант Им. Критика чистого разума//Кант Им. Собр. соч. в 6-ти т. Т. 3. М., 1964.

23. Налимов В.В., Дрогалина Ж.А. Реальность нереального. М., 1995.
24. Ортега-и-Гассет Х. Адам в раю//Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. М., 1991. С. 59-82.
25. Виноградов В.В. Русский язык. М., 1972.
26. ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.
27. Аксаков К.С. Полн. собр. соч. Т. 2. Ч. 1. М., 1875. С. 402 (цит. по Виноградову В.В. Русский язык. С. 272).
28. Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения. М., 1988.
29. Копорская Е.С. Семантическая история славянизмов в русском литературном языке нового времени. М., 1988.
30. Мурзин Л.Н. Текст и актуальное членение предложения// Дериация и семантика: Слово-предложение-текст. Пермь, 1986. С. 70-78.
31. Плотников Б.А. Основы семасиологии. Минск, 1984.
32. Готт В.С. Философские вопросы современной физики. М., 1972.
33. Бердяев Н.А. Смысл истории. М., 1990.
34. Бехтерев В.М. Объективная психология. М., 1991.
35. Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. М., 1991.
36. Лосев А.Ф. Музыка как предмет логики//Лосев А.Ф. Форма. Стил. Выражение. М., 1995. С. 405-602.
37. Лосев А.Ф. Стрoение художественного мироощущения// Лосев А.Ф. Форма. Стил. Выражение. М., 1995. С. 295-320.
38. Сосновский Н. Хайле Селассие, песенки рэгги и мифы исторического сознания//Иностранная литература. 1992. №8-9. С. 281-288.
39. Вундт В. Душа человека и животных. СПб., 1865.
40. Философский энциклопедический словарь. М., 1989.
41. Музыкальный словарь. М., 1990.
42. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
43. Листы сада Мории. Зов//Москва, 1990. №6.
44. Ушакова Е.В. Общая теория материи (Основы построения). Ч. 2. Барнаул, 1992.
45. Хайдеггер М. Что такое метафизика?//Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993. С. 16-27.
46. Блохинцев Д.И. Пространство и время в микромире. М., 1970.
47. Творчество В.М. Шукшина. Энциклопедический словарь-справочник. Проспект. Барнаул, 1995.
48. Тихоненко Т. В поисках третьего фактора//Знание-сила. 1978. №5. С. 35-37.

49. Аристотель. Метафизика. М.-Л., 1934.
50. Лейбниц Г.В. Монадология//Лейбниц Г.В. Соч. в 4-х т. Т. 1. 1987. С. 413-429.
51. Кузнецова Э.В. О некоторых особенностях глагольного словоупотребления в текстах В.М. Шукшина//Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. 1980.
52. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа//Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Т. 4. М., 1959.
53. Спиноза Б. Этика, доказанная в геометрическом порядке и разделенная на пять частей//Спиноза Б. Избранные произведения в 2-х т. Т. 1. М., 1957.
54. Налимов В.В., Дрогалина Ж.А. Как возможно построение модели бессознательного?//Бессознательное. Т. 1. Новочеркасск, 1994. С. 106-118.
55. Григорьева Т.П. Дао и Логос. М., 1992.
56. Хайдеггер М. Тезис Канта о Бытии//Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993. С. 361-381.
57. Шпет Г.Г. Эстетические фрагменты//Шпет Г.Г. Сочинения. С. 345-472.
58. Гулыга А.В. Вильгельм фон Гумбольдт и немецкая философская классика//В. фон Гумбольдт. Избранные труды по языкознанию. М., 1984. С. 350-355.
59. Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества//Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М., 1984. С. 37-298.
60. Бозэций. «Утешение философией» и другие трактаты. М., 1990.
61. Кузанский Н. Об ученом незнании//Кузанский Н. Соч. в 2-х т. Т. 1. М., 1979. С. 47-184.
62. Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского//Гоббс Т. Избранные произведения в 2-х т. Т. 2. М., 1964.
63. Хань-Фэй-цзы//Древнекитайская философия. Собрание текстов в 2-х т. Т. 1. М., 1973. С. 224-283.
64. Фейрбах Л. История философии Нового времени от Бэкона Веруламского до Бенедикта Спинозы//Фейрбах Л. История философии. Собр. в 3-х т. Т. 1. М., 1974.
65. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме//Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993. С. 192-220.
66. Бейли А.А. Посвящение человеческое и солнечное. М., 1993.
67. Дешан Д.Л.-М. Истина, или истинная система. М., 1973.
68. Славин А.В. Наглядный образ в структуре познания. М., 1971.

69. Генис А. Гипертекст – машина реальности//Иностранная литература. 1995. №5. С. 248-249.
70. Налимов В.В., Дрогалина Ж.А. Вероятностная модель бессознательного. Бессознательное как проявление семантической Вселенной//Психологический журнал. Т. 3. №6. 1984. С. 11-122.
71. Ушакова Е.В. Общая теория материи. Основы построения. Ч. 3. Раздел 2. Барнаул, 1992.
72. Несмелов В.И. Догматическая система Григория Нисского. Казань, 1887.
73. Соловьев В.И. Соч. в 2-х т. М., 1988.
74. Брагинская Н.В. Эон в «Похвальном слове Константину» Евсевия Кесарийского//Античность и Византия. М., 1975.
75. Агни Йога. Братство. Новосибирск, 1991.
76. Шабес В.Я. Событие и текст. 1989.
77. Гак В.Г. К проблеме синтаксической семантики//Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. М., 1969.
78. Ванников Ю.А. Синтаксис речи и синтаксические особенности русской речи. М., 1979.
79. Нарский И.С. Западноевропейская философия XVII века. М., 1974.
80. Андреев Д. Роза мира. М., 1993.
81. Кропоткин П.А. Этика: Избранные труды. М., 1991.
82. Лосев А.Ф. Философия имени//Лосев А.Ф. Бытие-имя-космос. М., 1993. С. 613-801.
83. Лейбниц Г.В. О способе отличения феноменов реальных от воображаемых//Вопросы философии. 1969. №4.
84. Вера и разум. 1988. №3.
85. Коршунов А.М., Мантанов В.В. Теория отражения и эвристическая роль знаков. М., 1974.
86. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 1994.
87. Хайдеггер М. Что такое метафизика?//Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993. С. 16-27.
88. А динян Р. Система понятий и принципов гносеологии. Л., 1991.
89. Франк С.Л. Достоевский и кризис гуманизма (К 50-летию дня смерти Достоевского)//О Достоевском: Творчество Достоевского в русской мысли 1881-1931 годов. М., 1990. С. 391-397.
90. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. М., 1930.
91. Rosenblueth A. and Wiener N. The Role of Models in Science. «Philosophy of Science», 1945, vol. 12. №4.
92. Радуль-Затуловский Я.Б. Конфуцианство и его распространение в Японии. М.-Л., 1947.

93. Девитт С.Б. Динамическая теория групп и полей. М., 1987.
94. Хайдеггер М. Время и бытие//Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993.
95. Поликаров В.С. Наука и мистицизм в XX веке. Л., 1990.
96. Кратин Ю.Г. Нейрофизиология и теория отражения. Л., 1982.
97. Кузанский Н. Соч. в 2-х т. Т. 2. М., 1980.
98. Евзлин М. Космогония и ритуал. М., 1993.
99. Филатова Е. Соционика для вас. Новосибирск, 1993.
100. Панкратьев В.Ф. Система гносеологии. М., 1993.
101. Каменская О.Л. Текст и коммуникация. М., 1990.
102. Минский М. Фреймы для представления знаний. М., 1981.
103. Елина Н.Г. Данте Алигьери. Новая жизнь//Данте Алигьери. Новая жизнь. М., 1983. С. 5-20.
104. Байбурий А.К. Ритуал в системе знаковых средств культуры//Этнознаковые функции культуры. М., 1991. С. 23-42.
105. Стендаль. О любви//Стендаль. Собр. соч. в 15-ти т. Т. 4. М., 1959. С. 357-574.
106. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. М., 1994.
107. Гегель Г.В.Ф. Иенская реальная философия//Работы разных лет в двух томах. Т. 1. М., 1972. С. 275-386.
108. Платон. Соч. в 3-х т. М., 1968-1972.
109. Куликов С. Нить времен: Малая энциклопедия календаря с заметками на полях газет. М., 1991.
110. Миттон С. Дневная звезда. М., 1984.
111. Гачев Г. Книга удивлений, или Естествознание глазами гуманитария, или Образы в науке. М., 1991.
112. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и ренессанса. М., 1990.
113. Фрейд З. Я и ОНО. М., 1990.
114. Греймас А.Ж., Курте Ж. Семиотика. Объяснительный словарь теории языка//Семиотика. М., 1983. С. 483-550.
115. Монтень М.Э. Опыты. Избранные главы. М., 1991.
116. Ясперс К. Духовная ситуация времени//Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994. С. 288-418.
117. Северцов А.С. Направленность эволюции. М., 1990.
118. Богуславский В.М. «Истинная система» Дешана//Дешан Д.Л.-М. Истина, или истинная система. М., 1973. С. 5-74.
119. Соломоник А. Язык как знаковая система//Соломоник А. Семиотика и лингвистика. М., 1995. С. 3-224.
120. Декарт Р. Начала философии//Декарт Р. Избранные произведения. М., 1950.

Халина Наталья Васильевна
ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
ТЕКСТА ВАСИЛИЯ ШУКШИНА

Научное издание

Публикуется в авторской редакции

Технический редактор И. Алексеева

ЛР 020261

н/к

Подписано к печати 8.09.97. Формат 84x108/32.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Уч.-изд. л. 7,6. Тираж 250 экз. Заказ 425-97

Типография издательства АГУ

Барнаул, Димитрова, 66